

ISSN 1563-0285
Индекс 75873; 25873

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия международные отношения и международное право

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

INTERNATIONAL RELATIONS AND INTERNATIONAL LAW JOURNAL

№4 (84)

Алматы
«Қазақ университеті»
2018

ХАБАРШЫ

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ СЕРИЯСЫ №4 (84)

ISSN 1563-0285
Индекс 75873; 25873

25.11.1999 ж. Қазақстан Республикасының Мәдениет, ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде тіркелген

Қуәлік №956-Ж.

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады

Журнал саяси, философиялық ғылымдар және мәдениеттану бойынша диссертациялардың негізгі қорытындыларын жариялау үшін Қазақстан Жоғары Аттестациялық Комитетімен ұсынылған // Докторлық диссертациялардың негізгі қорытындыларын жариялау үшін Қазақстан Жоғары Аттестациялық Комитетімен ұсынылған ғылыми басылымдардың тізімі кіреді // ЖАК бюллетені, №3 1998; Нормативтік және методикалық материалдарын жариялайтын ғылыми басылымдар тізімі Қазақстан ЖАК төрағасының бұйрығы 26. 06. 2003, №433-3 // Нормативтік және методикалық материалдар жинағы №6 ЖАК

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ:

Бекмухаметова А.Б., э.ғ.к., аға оқытушы
(Қазақстан)
Телефон: +7 775 000 2977
E-mail: sultasem@mail.ru

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Айдарбаев С.Ж., з.ғ.д., профессор – ғылыми редактор
(Қазақстан)
Губайдуллина М.Ш., т.ғ.д., профессор – ғылыми редактордың орынбасары (Қазақстан)
Кукеева Ф.Т., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Сайрамбаева Ж.Т., з.ғ.к., доцент (Қазақстан)
Макашева К.Н., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Елемесов Р.Е., э.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Ауған М.Ә., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Сейдикенова А.С., филол.ғ.к. (Қазақстан)
Омиржанов Е.Т., з.ғ.к., доцент (Қазақстан)

Варику К., профессор, Дж.Неру университеті (Үндістан)
Грегори Глиссен, саяс.ғ.д., профессор Нью-Мехико университеті (АҚШ)
Аджай Кумар Патнайк, саяс.ғ.д., профессор (Үндістан)
Торстен Бонаккер, саяс.ғ.д., профессор (Германия)
Шабаль П. PhD, профессор (Франция)
Курылев К.П., т.ғ.д., профессор (Ресей)
Кембаев Ж., құқық докторы, профессор (Германия)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ:

Татаринев Д.В., з.ғ.к. (Қазақстан)

Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясында қазіргі кездегі халықаралық қатынастар мәселелері, әлемдік интеграциялық үдерістер, халықаралық қауіпсіздік мәселелері, халықаралық қатынастар және сыртқы саясат тарихы, халықаралық құқықтың өзекті мәселелері, мемлекетшілік құқық, халықаралық экономикалық қатынастар бағыттары бойынша мақалалар жарияланады.

**ҚАЗАҚ
УНИВЕРСИТЕТІ
БАСПА ҮЙІ**

Ғылыми басылымдар бөлімінің басшысы

Гульмира Шаккозова
Телефон: +7 747 125 6790
E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева
Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

ИБ № 12501

Пішімі 60x84 ¹/₈. Көлемі 11.2 б.т. Офсетті қағаз.
Сандық басылыс. Тапсырыс №8075. Таралымы 500 дана.
Бағасы келісімді.
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
«Қазақ университеті» баспа үйі.
050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.
«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2018

1-бөлім
**ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
ЖӘНЕ ДИПЛОМАТИЯНЫҢ
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Section 1
**ACTUAL ISSUES
OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND DIPLOMACY**

Раздел 1
**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ**

Jurčik Petr¹, Gubaidullina M. Sh.²

¹Director of Czech Trade Promotion Agency in Almaty, Trade and Economic Department of Embassy of the Czech Republic in Kazakhstan, Kazakhstan, Almaty, e-mail: petr.jurcik@czechtrade.cz

²Doctor in History, Professor of Department of International Relations, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: gubaidullinamara1@gmail.com

FORMATION OF CZECH-SLOVAK RELATIONS DURING THE 25 YEARS AFTER THE DIVISION OF THE FEDERATION

As a result of the First World War and the collapse of the Austro-Hungarian Empire, the independence of Czechoslovakia was proclaimed in 1918. October 28, 2018 marks the 100th anniversary of the founding of the first Czechoslovak Republic (první Československá republika). The anniversary date was celebrated separately in the two countries, since as a result of the «velvet divorce» in 1993, instead of a single federal state, two independent republics appeared – the Czech Republic and Slovakia. Both states maintain the continuity of the previous democratic experience, follow the basic constitutional principles of the internal structure and foreign policy. Bilateral relations between the Czech Republic and Slovakia are distinguished by their peacefulness and the absence of any conflicts. Both states are connected by a common historical past, a single unit in the first, second and third republics. Previous constitutional experience influenced the emerging state institutions and the new constitution of Czechoslovakia after the events of the velvet revolution of 1989. Systemic breakdown of social and political relations was carried out in a restless atmosphere, and led to the division of the country in a «soft» and legitimate way. Neither the regime change, nor the complicated process of divorce of the country could not abolish the former constitutional basis of Czechoslovakia; only a few amendments were made, separate laws were passed. The article analyzes the constitutional mechanism for maintaining the political and legal order established by the tradition of the Czechoslovak state in the 20th century. Today, Czech-Slovak connections are characterized by a high level of relations, they are distinguished by a commitment to the European tradition of democracy and relatively soft integration into the European Union. Against the background of unresolved conflicts in Europe, the process of state «divorce» of the former Czechoslovakia, the exit from one bloc system and, following this, the entry into another integration union deserves research attention.

Key words: Czech Republic, Slovakia, constitutional tradition, peaceful partition of Czechoslovakia, EU.

Юрчик П.¹, Губайдуллина М.Ш.²

¹Czech Trade агенттігі, Чехия Республикасының Қазақстандағы Елшілігінің сауда-экономикалық басқармасы, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: petr.jurcik@czechtrade.cz

²тарих ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің халықаралық қатынастар факультеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: gubaidullinamara1@gmail.com

**Федерациялардың бөлінуінен кейінгі
25 жылдағы чех-словак қарама-қатынастарының қалыптасуы**

2018 жылы, Чехословакия құрылғаннан бері 100 жыл өтті. Бірінші дүниежүзілік соғыстан кейін Австрия-Венгрия империясының қираған жерлерінде қалыптасқан Федерация, онда Австрия-Венгрия жеңіліс тапқан ұлы державалардың тарапынан тұрды. Чехия Республикасы мен Словакия Республикасы бұл мерейтойды жеке-жеке атап өтті, өйткені 1993 жылы Чехословакия Федерациясы екі бөлек мемлекеттерге бөлінді. Чехия мен Словакия Чехословакияның құқықтық мұрагері ретінде Чехословацкалық дәстүрді азды-көпті жалғастырып отырды. Чехословакиядағы конституциялық даму және Чехия-Словакия ортақ мемлекет кезеңінде Чехия-Словак қатынастарының сипаты, Чехословакияның екі дәйекті мемлекеттерінің институттарының

бастапқы түріне ғана емес, сонымен бірге екі елдің конституциялық дамуының және конституциялықтың сипатына, ал 1993 жылдан кейінгі Чехия-Словакия қарым-қатынастарына әсер етті. 1989 жылдан кейінгі конституциялық даму алдында осы жылдың қараша айынан бері орын алған қоғамдық және саяси өзгерістер болды, ал ресми және белгілі бір дәрежеде бар конституциялық дамудың айтарлықтай кемшіліктері туындады. Алайда жаңа конституцияны қабылдау күрделі жағдайда табысқа жете алмады, сондықтан осы кезеңде Конституция мен конституциялық заңдар түзетіліп, толықтырылды, кем дегенде, режимнің өзгеруімен туындаған негізгі түзетулер мен өзгерістер енгізілді. Бұл мақалада автор тәуелсіз республикалардың 25 жылдық өмірінің маңызды сәттеріне, сондай-ақ, Чехия мен Словакияның бүгінгі күнге дейін өте жоғары стандартты қарым-қатынаста болу себептеріне баса назар аударады.

Түйін сөздер: Чехия, Словакия, конституциялық дәстүр, елдің бөлінуі, Чехословакия, ЕО.

Юрчик П.¹, Губайдуллина М.Ш.²

¹директор торгового представительства Чехии в Алматы, Торгово-экономический отдел Посольства Чешской Республики в Республике Казахстан, Казахстан, г. Алматы, e-mail: petr.jurcik@cechtrade.cz

²д.и.н., профессор, кафедра международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: gubaidullinamara1@gmail.com

Формирование чешско-словацких отношений: 25 лет после раздела федерации

В результате Первой мировой войны и развала Австро-Венгерской империи в 1918 году была провозглашена независимость Чехословакии. 28 октября 2018 году исполнилось 100 лет с момента образования первой Чехословацкой Республики (první Československá republika). Юбилейная дата отмечалась отдельно в двух странах, поскольку в результате «бархатного развода» в 1993 г. вместо единого федеративного государства появились две самостоятельные республики – Чехия и Словакия. Оба государства сохраняют преемственность предыдущего демократического опыта, следуют основным конституционным принципам внутреннего устройства и внешней политики. Двусторонние отношения Чехии и Словакии отличают миролюбие и отсутствие каких-либо конфликтов. Оба государства связывает общее историческое прошлое, единое устройство при первой, второй и третьей республике. Предыдущий конституционный опыт влиял на формирующиеся государственные институты и новую конституцию Чехословакии после событий «бархатной революции» 1989 г. Системная ломка социальных и политических связей осуществлялась в беспокойной атмосфере и привела к разделу страны «мягким» и легитимным путём. Ни смена режима, ни сложный процесс развода страны не смогли упразднить прежнюю конституционную основу Чехословакии; были лишь внесены некоторые поправки, приняты отдельные законы. В статье анализируется конституционный механизм по поддержанию политико-правового порядка, заложенный традицией чехословацкого государства в XX веке.

Сегодня чешско-словацкие связи характеризуют высокий уровень отношений, их отличает приверженность европейской традиции демократии и относительно мягкая интеграция в Европейский Союз. На фоне нерешённых конфликтов в Европе процесс государственного «развода» бывшей Чехословакии, выход из одной блоковой системы и вслед за этим вхождение в другой интеграционный союз заслуживают исследовательского внимания.

Ключевые слова: Чехия, Словакия, конституционная традиция, раздел Чехословакии, ЕС.

Introduction

Relevance of the processes in Central Europe for Central Asia

The Czech Republic and the Slovak Republic were at the threshold of independent existence on 1 January 1993. This was preceded by several decades of cohabitation in a common state. The disintegration of Czechoslovakia, however, was not a unique and random phenomenon: it was closely related to the political relaxation after 1989 and the associated tendency towards the disintegration of post-communist countries in particular. All this was accompanied by weakening of state systems,

instability and lack of security, which later led to the breakup of multinational federations in post-communist Europe. On the other hand, it was all possible to see another phenomenon – a number of these new states entered the integration ties. Now, of course, it was not the result of a state union, but a multinational institution or an international organization to which some of the sovereign powers were transferred.

The circumstances of the disintegration of Czechoslovakia have undoubtedly been noted by both successor states. However, their further development has left an indelible trace of shared history, linguistic and political affinity, and a

convenient location in the geographical center of Europe. The constitutional and political developments in Czechoslovakia, the circumstances of its disintegration, and ultimately the nature and development of Czech-Slovak relations have indicated the direction of their further political and constitutional development, which has been often foretold by the internal political development in both countries. However, the development it has brought in recent years is not surprising from today's point of view. Rather, it follows the above-mentioned line and the tendency to re-encounter and search for common interests and possibilities of cooperation at other levels.

It should be noted that the Czech and Slovakia were always part of a larger Europe, were part of the Holy Roman Empire, Austria-Hungary, and in the 20th century coexisted in a single Czechoslovak state. 100 years ago, the Czechoslovak Republic was formed. The date of birth of the new state is connected with the end of the First World War and the collapse of one of the oldest monarchies – Austria-Hungary monarchies. In 2018, the 25th anniversary of separate and independent development of the Czech Republic and Slovakia is celebrated. Despite the short historical period of the two former Czechoslovak states, they have already gained their experience; they have lessons, results, and prospects.

Methods and theoretical approaches

This analytical article summarizes the most important moments in the process of dividing Czechoslovakia from the point of view of law formation, when the Czech Republic stayed rather on the way of preserving the existing provisions, while Slovakia formed a new legal framework. The comparative method also monitors the initial development in both newly established countries until they joined the European Union in 2004. For the countries of Central Asia, a relevant and important lesson is, perhaps, the conflict-free process of building bilateral relations within the European Union and with troubled countries at external borders. This is an important topic for serious thought and further study. Most authors reviewed both the transitological approach as well as the structural, preconditions-to-democracy literature and called for a synthesis of the two in the study of post-communism considered. Schmitter and Karl questioned whether the post-communist cases were similar enough to democratizing regimes in other parts of the globe as to make the application of the transi-

tology literature fruitful (Schmitter and Karl, 1991: p.11; Wiarda, 2001).

At the start of the 1990s, the question of whether the transitions occurring in the former Eastern Bloc could be considered continuations of political trends seen in other recent processes of democratization loomed large. Samuel Huntington (1991), Francis Fukujama (1998), published books at the beginning of the 1990s that treated the Eastern European revolutions of 1989 as part of a global tendency toward democratization. The theoretical book from the author Jordan Gans-Morse is important for understanding «Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm» (Gans-Morse, 2004: 320-349). Prerequisites for successful conditionality politics of the Europeanization of Central and Eastern Europe are thoroughly investigated by Frank Schimmelfennig and Ulrich Sedelmeier (Schimmelfennig/ Sedelmeier, 2005: 1-28). Then analogy of Western Europe and Central Asia (the post-Soviet space) is one of the most themes in academia (Stratenschulte, 2009:29-43; Wagner, 2011; Gubaidullina, 2017:48-55;). In the case of the former Czechoslovakia (Czech Republic and Slovakia) there are hypotheses and theories of democratic transformations described in transitology, transformations, historical comparativism, etc. (McFaul, 2005).

Discussion and Results

Formation of constitutional tradition in the 20th century

The Czech Republic and the Slovak Republic appeared on the map of Europe as independent states on January 1, 1993. Their separate existence preceded several decades of coexistence in the common state of Czechs and Slovaks – Czechoslovakia. Their separate existence as two independent republics was preceded not by a simple story in the 20th century, when Czechs and Slovaks for decades lived together in a single state.

Constitutional development in Czechoslovakia in the period of 1918-1989 had a significant impact on the formation of the constitutional tradition before and after the collapse of the state into two newly independent states, relations between the Czech Republic and Slovakia (Rychlík, 1997). The Czech Republic and the Slovak Republic, as the successor states of Czechoslovakia, have, in many ways, more or less followed up on the Czechoslovak tradition. Only the Czech Republic has fully subscribed to the Czechoslovakian legacy and tradition. The Slovak constitutional development

was formally discontinuous in relation to the development of the past, but in fact it followed on the line of Czechoslovak constitutional institutes (Ďurica, 1995). However, the first Czechoslovak constitution was not a sufficient basis for the future constitutionality of the Czech Republic, given the very short existence of the first Czechoslovak state and the destruction of legal and social consciousness during the period of the totalitarian state (Malý, a kol., 1997).

Recall that the first Czechoslovak state or the First Republic existed from 1918 to 1938. Shortly before the end of World War I, the National Council in Prague proclaimed the independence of Czechoslovakia. According to Law No. 37/1918 of November 13, 1918 (or the Provisional Constitution of the Czechoslovak Republic), the constituent assembly began to create a basic law and the formation of state bodies. Initially, a specific regime of representative government was established. Later in the political history of Czechoslovakia, exclusive preference was given to parliamentarism.

The principle of succession of law draws attention to itself. Thus, the new government retained the main features of Austrian imperial law when creating the new state. In order not to cause unrest, and so that the transition to a new state life was not disturbed by anything, it was decided not to abolish the previous right. The interrelation of the old law and order, which existed until now, with the new organizations of order was preserved (McFaul, 2005: 17-18).

Another constitutional doctrine, which has become a Czechoslovak tradition, is still in effect exists today. It refers to the institution of the president, his legal status. According to the concept of «presidential arbitration», «the institute of the president can be viewed as an organ for ensuring stability» (Malý, 1997). «Head of State» occupies this post only on the basis of high moral authority. The head of state did not have the right to convene, close or postpone sessions of the National Assembly. The president could not dissolve the parliament; he did not use the right of legislative initiative. He could not attend the meetings of the National Assembly. Thus, the constitution emphasized the initially «weak» powers of the president. Tomas Masaryk was elected as the first president of Czechoslovakia. Masaryk's personality had enormous prestige among the population. Despite the fact that Masaryk personally participated in the drafting of constitutional laws, the constitution of Czechoslovakia outlined the presidential model in the framework of a parliamentary republic.

Today such a model is typical for European states (Germany, Italy).

In 1920, the Constitution of Czechoslovakia was approved, which defined the unitary state structure and the republican form. According to the constitution, the country's borders were finally established, the organization of the government was determined. Carpathian Rus gained autonomy. In addition, the new state included Bohemia, Moravia, Czech Silesia, and Slovakia. Ethnic groups and territories with different historical, political and economic traditions were to be mixed in the new structure of the state. The preamble to the constitution proclaimed the Czechoslovak nation to be the subject of constituent power. The National Assembly became its representative in adopting a permanent constitution. Thus, special attention was paid to preserving the equality of two large nations – the Czechs and Slovaks (McFaul, 2002: 212–215). As a result of the Munich Agreement of September 30, 1938, the Sudeten Region of Czechoslovakia ceded to Germany. The First Czechoslovak Republic ceased to exist. The Second republic did not exist for long. During this period, Cieszyn region departed to Poland, and Slovakia and Subcarpathian Rus to Hungary. Subsequent constitutional development was continued following the November 1989 social and political changes. In the restless atmosphere of the time, the adoption of a new constitution was not crowned with success.

The constitutional development in Czechoslovakia and the character of Czech-Slovak relations during the period of the common state have undoubtedly influenced not only the initial form of the institutes of the two successive states of Czechoslovakia, but also the character of further constitutional development and constitutionality in both countries, and finally the form of Czech-Slovak relations after 1993 (Kolesár, 2003).

Today, the character of Czech-Slovak relations, which was in the period of a unified state, has been preserved. Constitutional laws were amended and supplemented, corrections and modifications were made that were caused by a change of regime. However, the constitutional tradition is preserved. It has influence on the form of political and legal institutions of Czechoslovakia, and on further constitutional changes in the two states of the former Czechoslovakia and after 1993. However, the constitution and constitutional laws in this period were amended and supplemented, major changes were made because there was a change of regime (Vodichka, 2003).

On the basis of the above, it can be assumed that due to the long-term coexistence of both states in the common state and shared values and interests, the constitutional development of the two states after the division of the federation has a rather convergent character which besides internal causes (common historical link, Czech-Slovak relations) has also had external causes, especially the integration tendencies in Europe and the world. However, these facts have also created some differences in the nature of constitution, constitutionality and constitutional development in both countries (Vodička, b.2003).

The consequences of the division of Czechoslovakia. The division of Czechoslovakia was undoubtedly a loss for both nations. Instead of a medium-sized Central European state that, due to its *geopolitical position*, could act as an influential stabilizing agent in this area, two countries with little prestige have been created, beset by political and economic problems (Krejčí, 2004).

The process of *market transition* in Eastern Europe has proven to be both unexpectedly easy and unexpectedly difficult. It was easy in a sense that no one thought this kind of transformation was possible even just a few years before it happened. Yet it has been difficult because building democratic and market institutions requires in-depth reforms and necessitates changing the old mindsets, which is a very difficult issue. As a result, the transition to democratic market economy entailed the change in values toward making free choices – and toward taking responsibility for those choices.

From a *political point* of view, the successor states of Czechoslovakia were in a disadvantageous position. The Slovak Republic was in a somewhat less favorable position because of the absence of a state tradition. The Czech Republic was undoubtedly better in terms of tradition and higher identification with the Czechoslovak tradition (Kopeček, Belko, et.al.,2003). This may be one of the reasons why the first years of independent Slovak existence were marked by the instability of political relations, by the application of undemocratic and unconstitutional methods of government, as well as by obvious hostility to the Czech Republic. Indeed, the division has also hampered the integration process towards European political and security structures (Stein, 1997). In particular, the Slovak Republic suffered particularly serious consequences in the form of political shocks and economic problems, and the *process of market-economic transformation* and entry into security European structures was threatened in the mid-1990s.

The circumstances surrounding the disintegration of Czechoslovakia and the emergence of new states have also been influenced by the very *concept of the independent Czech Republic and the Slovak Republic*. It is worth mentioning the fact that the Czech and Slovak Republics have adopted their constitutions at a time when the Czechoslovak state still existed.

Preparations for the Constitution of the Slovak Republic have taken a rapid fall after the elections in 1992, especially after the approval of the Declaration of Sovereignty of the Slovak Republic, based on the principle of self-determination (Constitution of the Slovak Republic, 2007). The adoption of the Slovak Constitution thus raises the question of how far the then Slovak authorities were authorized to accept the Constitution.

The disintegration of Czechoslovakia greatly influenced the character of constitutional and political development in both countries. For both states, the disintegration of the Commonwealth has begun. The beginning of the integration of the common state did not perceive both its former parts as well: while the attitude of the Czech public towards the new reality was characterized on the one hand by the understanding of the continuation of the former Czechoslovakia and the surprisingly rapid disappearance of nostalgia for Czechoslovakia, the Slovaks did not share this attitude to the Czech public. The division of the state meant for both nations a considerable lack of cultural, political and linguistic considerations.

At the same time, the relations between the nations developed. In 1918-1989 and then in the post-revolutionary period until the breakup of the federation the character of constitutional development in Czechoslovakia had a significant impact on the formation of the constitutional tradition of both newly established states. (Gerloch, 1994).

However, the efforts of Slovakia to find its own identity were difficult. The restoration of the constitutional law was not easy even after the totalitarian regime was abolished. The devastation of the legal and moral consciousness of society was only one of the causes of this state. New political elites have often come to their functions without practical experience in political life, and there has been a great deal of tendency to improvise in solving important issues of state interest. Also too much emphasis on the economic transformation has caused the need to restore the constitutional and legal order and the democratic character of the state to be overlooked (Vodička, a.2003). There were

also pressures to deal with the past, which often (in addition to the above-mentioned facts) were often reflected in the adoption of constitutional changes in a hurry and a clearer concept. On the other hand, however, there was a need to build on the existing legal system in order to prevent accidental, completely unconventional changes and chaos in the legal order of Czechoslovakia and its successor states.

The constitutional and political developments in Czechoslovakia also affected the mutual relationship between Czechs and Slovaks. The concept of Czechoslovakism, the adoption of which was justified in the origin of Czechoslovakia, gradually lost its sense and legitimacy and contributed to the tension in Czechoslovak relations already in the 1920s.

However, the national disputes have been suppressed by the post-war institutes and the growing influence of the Communist Party of Czechoslovakia. The inappropriate anchoring of the relation between Czechs and Slovaks in the constitution was later one of the factors for which the Czechoslovak state eventually collapsed (Greenland, 2005; Commented Documents in the Constitutional History of Czechoslovakia I: 1914-1945). According to researchers, the Czechoslovak Federation was a mere fiction. Given the most powerful driving force behind the division of the common state was the Slovakian power elite, it is obvious that the causes of the dissolution of Czechoslovakia need to be deeper. Since the approval of the Act on the Czechoslovak Federation, there was an obvious contradiction between its provisions and practice, which was further deepened (Stein, 1997).

The disintegration of Czechoslovakia also greatly influenced the character of constitutional and political development in both countries. For both states, the disintegration of the Commonwealth has begun the beginning of a more or less complex period of searching for one's identity and engaging in European and security structures. Although the most powerful driving force behind common state did not perceive both its former parts as well: while the attitude of the Czech public towards the new reality was characterized on the one hand by the understanding of the new Czech state as the continuation of the former Czechoslovakia and the surprisingly rapid disappearance of nostalgia for Czechoslovakia, the Slovaks did not share this attitude to the Czech public.

The Slovak Republic was in a somewhat less favorable position because of the absence of a state tradition. This may be one of the reasons why the

first years of independent Slovak existence were marked by the instability of political relations, by the application of undemocratic and unconstitutional methods of government, as well as by obvious hostility to the Czech Republic.

Difficulties in the way of the constitutional order and state identity

However, the efforts of Slovakia to find its own identity were all the more difficult, as these efforts were similarly lacking in many ways. The restoration of the constitutional and rule of law was not easy even after the totalitarian regime was abolished (Kopeček, at al., 2003). The devastation of the legal and moral consciousness of society was only one of the causes of this state.

New political elites have often come to their functions without practical experience in political life, and there has been a great deal of tendency to improvise in solving important issues of state interest. Also too much emphasis on the economic transformation has caused the need to restore the constitutional and legal order and the democratic character of the state to be overlooked. There were also pressures to deal with the past, which often (in addition to the above-mentioned facts) were often reflected in the adoption of constitutional changes in a hurry and a clearer concept (Rychlík, 1998). However, there was a need to build on the existing legal system in order to prevent accidental, completely unconventional changes and chaos in the legal order of Czechoslovakia and its successor states.

The political constellation and the rush in its preparation have brought more serious problems in the long run: ambiguity, uncertainty and the possibility of different interpretations of a number of provisions, which in turn led to a number of problems in practice and the need to change the constitution. An example would be that the aforementioned controversy would have the authority to accept the constitution of an independent state for the duration of the federation; however, a number of other provisions (the relationship of the government and the president, the regulation of the parliamentary mandate or the referendum institute) were problematic.

Also, the adoption of the Constitution of the Czech Republic was not a simple matter, and its origin was marked by the atmosphere of its creation (Jičínský, 1995; Hloušek, 2005). The hectic preparations of the constitution, also influenced by the Slovak «psychosis», the overall

lack of clarity of the concept, the uncertainty about the future development and the disputes among the representatives of political representation, unfortunately led to the introduction of mechanisms in the Czech constitutional order, which in the future threatened with considerable complications. Unfortunately, as a matter of urgency, there was a warning about the adoption of non-consensual and unintentional provisions, the existence of which was later the basis of unnecessary amendments, and so the elements of uncertainty and instability were at the beginning of the Czech legal system. One example is the constitutional anchoring of the bicameral parliament in the Czech Republic, despite the fact that the constitutional and practical experience with the second chamber was evidence of its redundancy, despite the fact that the Czech Republic was almost totally ethnic, but significantly smaller than the first Czechoslovak Republic.

Another provision proving the conceptual lack of clarity was also the inclusion of the Supreme Administrative Court as a body of judicial supervision of the decision-making of the administrative authorities in the system of general courts. This lack of clarity has also contributed to the fact that this court has not been established for a long time (Hloušek, 2005). All these facts have led to the fact that the constitution has been changed and supplemented more than adequately, which certainly did not contribute to an adequate degree of stability in the legal order and legal certainty.

Conclusion. Changes that have occurred over three decades in Europe: case of Czech Republic and Slovakia

We will focus on several aspects of the transformation process in Europe that concern the former Czechoslovakia and the prospects for the development of relations between the Czech Republic and Slovakia. The geopolitical map of Europe has changed to a greater degree at the end of the last century than it did after the First and Second World War. As a consequence of changes from 1989 the European Union has become the sole integration centre for Europe (Krejčí, 2004). The successful integration of extensive regions of Eastern Central, and South Eastern Europe since the major radical changes in the late 1980s provides a good basis for tackling these tasks (Wagner, 2011:3). Between 1989-1993, the Czech Republic, the Slovak Republic as new states came into being as a result of changes in Europe.

The consolidation of Europe as a single legal area and a united federal, democratic model that promotes the social market economy is of great

importance for the continent. The individual Member States of the European Union have today differing characteristics both with regard to their political as well as their economic level of liberalism. But their systems refer to the same reference model, in which private-sector ways of thinking and selection of leaders by means of national elections are the foundations. New political elites have also come to power, a fact which in turn has had and continues to have direct influence on decision making in Europe. «The competition in integration in the 1990s has diminished to competition for privileged relations to the only dynamic focus of integration, Brussels, which has the promise of prosperity, security, political stability, freedom and democratisation» (Stratenschulte, 2009). The attractiveness of the European Union, which always evoked positive feelings, however, no longer coincides with EU resources. Its capacities for integration are exhausted, and this is true both from the internal as well as the external perspective. A good example is the process of leaving the UK from the EU (Brexit).

The disintegration of the socialist block during 1989-1991 and the new East-West conflict, also this does not mean the beginning of the «End of history» (Fukuyama, 1989). But it does not mean that the division of the European continent has been overcome, and an era free of conflicts has come. Change can be seen most distinctly in the developments in NATO, and on the example of the crisis in Ukraine and the attitude to this crisis from the Czech Republic and Slovakia, as states, which were formerly members of NATO's antipode, the Warsaw Pact (Vodička, b.2003). The disintegration of Czechoslovakia was linked to the expectation that both new states will manage their new role in integrating Europe and in their mutual relations. Today we can say that the two countries managed to cope with the new conditions relatively successfully. Both countries have joined the European Union in 2004, the Czech Republic joined NATO in 1998 and Slovakia in 2004 (Rychlík, 1998).

Distrust among EU member states in one another and in the EU as a supranational structure is exceptionally large in a number of fields and member states. In pro-integration member states it has recently been possible to detect critical tones (Pridham, 2002:221). Mistakes in the sphere of migration policy became one of the factors of countries' distrust between each other and in the decisions of Brussels.

At the beginning of the third decade of their stay in the EU, the Visegrád countries entered into a new conflict situation with Brussels. It is connected with

a deep political crisis in the immediate neighborhood (Ukraine) and in the Mediterranean neighborhood (the problem of migrants).

The EU was closely associated with Eastern European states through the European Neighborhood Policy (ENP) (The European Union's Delegation to Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan, 2007) and its enhanced version, the Eastern Partnership. It was precisely in the Eastern Partnership policy that the role of the Czech Republic and Slovakia was practically absent, especially in the EU course «neighbors with Central Asia countries».

In the European Union, the position of the Visegrad countries is attracting more and more attention. Recently, members of this group have often come forward in consolidation against the decisions of Brussels, which are not combined with their ideas about the powers of the common European administration. Internal consolidation of the zone of Eastern Europe the EU require considerable efforts and achievements. At the same time, the transformation process in Eastern Europe has not been completed.

It is also an unwritten rule that the highest constitutional actors in both countries immediately after being elected as a neighboring country under the first foreign working trip. The President of the Slovak Republic, as soon as he was elected to office, visited Prague, and the President of the Czech Republic, after his election, visited Bratislava. The same practice also works at lower levels of constitutional actors – prime ministers, parliament speakers.

The common past and the proximity of both peoples can be the basis for further cooperation not only at the bilateral level and perhaps hopefully also with inspiration for the future. From the constitutional point of view it should be emphasized that the constitutional development in both countries had a convergent nature, despite the initial differences in concept and antagonism in personal relations, based mainly on integration tendencies in Europe and the world as external factors, but this constitutional development also influenced internal factors such as sharing history and sharing common values and interests.

References

- Fukuyama Fr. (1998) *The End of History//National Interest*, Summer [<http://www.wesjones.com/eoh.htm#source>]
- Đurica M. (1995) *History of Slovakia and Slovaks*, SPN, 320 p.
- Constitution of the Slovak Republic and the Charter of Fundamental Rights and Freedoms: full text (2007), Bratislava
- The Europeanization of Central and Eastern Europe (2005)/eds. Frank Schimmelfennig/Ulrich Sedelmeier, Ithaca and London: Cornell University Press
- The European Union's Delegation to Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan: *The EU and Central Asia – Strategy for a new Partnership* (2007) [http://delkaz.ec.europa.eu/joomla/images/Strategy/eu-centralasia-strategy_en.doc]
- Gans-Morse J. (2004) Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm // *Post-Soviet Affairs*. 20 (4), pp. 320–349
- Gerloch A., Hřebejk J., Zoubek V. *Constitutional System of the Czech Republic, Fundamentals of Czech Constitutional Law*, Prague, 1994
- Greenland J. (2005) *Commented Documents in the Constitutional History of Czechoslovakia I: 1914-1945*, Prague
- Gubaidullina M. (2017) Systemic transformation and the democratic process in Eastern Europe and Central Asia: a synergistic effect // *KazNU Bulletin. Series MO and MP*. – 2017. – № 1 (77). P. 48-55
- Hloušek V., Šimíček V. (2005) *Executive Power in the Constitutional System of the Czech Republic*, Brno
- Huntington S. (1991) *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, OK: University of Oklahoma Press
- Jičínský Z. (1995) *Constitutional and Political Problems of the Czech Republic*, Prague
- Kolesár P. (2003) *Czechoslovak relations ten years after the breakup of the federation*. Brno
- Kopeček L., Belko M., Havlík V., Sedlár J. (2003) *From Mečiar to Dzurinda: Slovak Politics and Political System in the First Decade of Independence*, Brno
- Krejčí O. (2004) *Geopolitics of Central European Region*, Bratislava
- Malý, K. a kol. (1997) *The History of Czech and Czechoslovak Law until 1945*, Prague
- McFaul M. (2002) *The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World* // *World Politics*. Vol. 54. Jan. 2002. P. 212–244
- McFaul, Michael (2005) *Transitions from Postcommunism* // *Journal of Democracy*, Vol. 16, No. 3 (July), pp. 5-19, <http://www.journalofdemocracy.org/articles/gratis/McFaul-16-3.pdf>.

- Pridham G. (2002) The European Union's Democratic Conditionality and Domestic Politics in Slovakia: the Meciar and Dzurinda Governments Compared // *Europe-Asia Studies*, 54, 2:203–227 (March)
- Rychlík J. (1997) *Czechs and Slovaks in the 20th Century. Czech-Slovak Relations 1914-1945*, Bratislava
- Rychlík J. (1998) *Czechs and Slovaks in the 20th Century, Czech-Slovak Relations 1945-1992*, Bratislava
- Schmitter Ph.C., and Karl T. L. (1991) What Democracy is ... and is not // *Journal of Democracy*. Summer, pp.3-16
- Stein, E. (1997) *Czech-Slovakia: Conflict, Breakup, Disintegration*, University of Michigan, USA 1997
- Stratenschulte E. D. (2009) Eastern Partnership: Eckart D. Stratenschulte: *Planquadrat Osteuropa – Die Östliche Partnerschaft der Europäischen Union*// *Osteuropa* Nr. 5, pp. 29-43
- Wagner H. (2011) *Der Suizid der Sowjetunion im Jahre 1991. Systemische Eigentümlichkeiten und historische Parallelen. Vortragstext für die Internationale und Interdisziplinäre Akademische Konferenz zum Thema «The Collapse of the Soviet Union and its Consequences for Europe and the World» in Krakau 30.11. – 2.12.2011*, Berlin
- Vodička K. (a.2003) *Division of Czechoslovakia Ten years after*, Prague
- Vodička K., Cabada, L. (b.2003) *Political System of the Czech Republic: History and Present*, Prague

Chabal P.¹, Baizakova K.², Utegenova A.³, Alipkyzy R.⁴

¹Doctor PhD, Professor, University of Le Havre, France, Le Havre, e-mail: pierrechabal@yahoo.fr

²Doctor of History, Professor, e-mail: kbaizakova@mail.ru

³PhD student, email: autegenova2008@mail.ru

⁴PhD student, email: alipkyzy89@mail.ru

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

POTENTIAL OF CULTURAL HERITAGE SITES FOR INTRODUCTION OF GLOBAL CITIZENSHIP EDUCATION IN KAZAKHSTAN

Global citizenship is one of the most important directions among actual activities of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization in field of education. Importance of the global citizenship education is highly important in view of the Sustainable Development Goals that were adopted by the United Nations by 2015. In the Republic of Kazakhstan this concept remains new and currently understudied. In this regard the aim of present article is its brief presentation, as well as demonstration of the ways, how the cultural heritage sites on the territory of our country may contribute to wider inclusion of global citizenship education in the national education system. From the methodological point of view present article reviews such issues as description of the international significance of the global citizenship education, as well presentation of the latest studies of this questions that were taking place in the Republic of Kazakhstan. It concludes by the underlining of the clear need of introduction of the reviewed issue in the Kazakhstan's educational system and the high potential of the cultural heritage sites of RK for their complementing demonstration to the students. Practical important of present brief description is to first of all demonstrate the most actual initiatives for studies of the global citizenship education on the international and national level.

Key words: education; global citizenship; sustainable development goals; UNESCO.

Шабаль П.¹, Байзақова К.², Утегенова А.³, Алипқызы Р.⁴

¹PhD докторы, профессор, Гавр университеті, Франция, Гавр қ., e-mail: pierrechabal@yahoo.fr

²тарих ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: kbaizakova@mail.ru

³PhD докторанты, e-mail: autegenova2008@mail.ru

⁴PhD докторанты, e-mail: alipkyzy89@mail.ru

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Қазақстандағы жаһандық өркениеттің рухында білім беруді жүзеге асыру үшін мәдени мұра объектілерінің әлеуеті

Жаһандық азаматтық білім беру саласындағы білім беру, ғылым және мәдениет мәселелері жөніндегі Біріккен Ұлттар Ұйымының (ЮНЕСКО) қазіргі заманғы қызметінің маңызды бағыттарының бірі болып табылады. Әлемдік азаматтық рухында білім берудің маңыздылығы 2015 жылы Біріккен Ұлттар Ұйымы бекіткен Тұрақты даму мақсаттарының аясында өте маңызды. Қазақстан Республикасында бұл тұжырымдама жаңа және қазіргі уақытта аз зерттелген. Осыған байланысты, осы мақаланың мақсаты қысқаша баяндау, сондай-ақ біздің еліміздің мәдени мұрасы ұлттық білім беру жүйесіне жаһандық азаматтық рухында білім беруді кеңірек интеграциялауға үлес қосуы мүмкін екенін көрсету. Әдістемелік тұрғыдан алғанда, осы мақалада жаһандық азаматтық рухында білім берудің дүниежүзілік маңыздылығын сипаттау, сондай-ақ Қазақстан Республикасындағы осы мәселе бойынша соңғы зерттеулердің таныстырылымы қарастырылады. Қорытындылай келе, қарастырылып отырған тақырыпты қазақстандық білім беру жүйесіне енгізуге және Қазақстан Республикасының мәдени мұра объектілерінің жоғары әлеуетіне студенттерді көрнекі көрсету үшін енгізу қажеттігі туралы қорытынды жасалды. Осы

қысқаша зерттеудің практикалық құндылығы, ең алдымен, жаһандық және ұлттық деңгейде жаһандық азаматтық рухында білім беру мәселесін зерттеу үшін ең өзекті бастамаларды көрсету болып табылады.

Түйін сөздер: білім беру, ғаламдық азаматтық, тұрақты даму мақсаттары, ЮНЕСКО.

Шабаль П.¹, Байзакова К.², Утегенова А.³, Алипқызы Р.⁴

¹доктор PhD, профессор, Университет Гавр, Франция, г. Гавр, e-mail: pierrechabal@yahoo.fr

²доктор исторических наук, профессор, e-mail: kbaizakova@mail.ru

³PhD докторант, e-mail: autegenova2008@mail.ru

⁴PhD докторант, e-mail: alipkyzy89@mail.ru

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Потенциал объектов культурного наследия для внедрения образования в духе глобальной гражданственности в Казахстане

Глобальная гражданственность является одним из важнейших направлений современной деятельности Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в области образования. Важность образования в духе глобальной гражданственности высоко актуальна в свете Целей в области устойчивого развития, которые были утверждены Организацией Объединенных Наций в 2015 году. В Республике Казахстан данная концепция является новой и на данный момент мало изученной. В данной связи целью данной статьи является ее краткая презентация, а также демонстрация того, каким образом объекты культурного наследия на территории нашей страны могут способствовать более широкому внедрению образования в духе глобальной гражданственности в национальную систему образования. С методологической точки зрения в данной статье обзвораются такие вопросы, как описание мировой актуальности образования в духе глобальной гражданственности, а также презентация последних исследований данного вопроса, которые имели место в Республике Казахстан. В заключении делается вывод о безусловной необходимости внедрения рассматриваемой темы в казахстанскую образовательную систему и о высоком потенциале объектов культурного наследия РК для ее наглядной демонстрации учащимся. Практическая ценность данного краткого исследования заключается в первую очередь в демонстрации наиболее актуальных инициатив по изучению вопроса образования в духе глобальной гражданственности как на мировом, так и на национальном уровнях.

Ключевые слова: образование, глобальная гражданственность, цели в области устойчивого развития, ЮНЕСКО.

Introduction

Global Citizenship is one of the most mainstream actual activities of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) in field of education – one of its five key sectors of work. Importance of the international promotion of this concept was underlined in several programme documents that will be introduced further, while raising awareness about it is a part of the work of such recognized international scientific centres as APCEIU – Asia-Pacific Centre of Education for International Understanding under the auspices of UNESCO (Lee S., 2011).

Significance of present research is related to the relatively low state of knowledge on the issue of the Global Citizenship Education in Central Asian region in general and in the Republic of Kazakhstan in particular (Making textbook content inclusive, 2017).

Present article can be separated in three different parts. In the first part it briefly presents the concept

of Global Citizenship Education, in the second part it demonstrates the state of knowledge about it on the territory of the Republic of Kazakhstan, and in the third part it shows and analyses the main conclusions of the only Kazakhstan's publication on this issue that exist so far, which was studying its potential for inclusion in the local educational system by means of national tangible and intangible cultural heritage.

In this regard, present article aims to contribute to the raising awareness of Kazakhstan's and Central Asian scientific and academic community on the issue of Global Citizenship Education and its further inclusion into the national educational system.

Material and methods

Present material includes the brief presentation of the most important international concepts that underlines the need and potential of the Global Citizenship Education, as well as lists several national concepts in field of education, which emphasize the

need of utilizing the world's leading educational practices and trends. One of these perspective and mainstream trends for eventual utilizing in Kazakhstan is the Global Citizenship.

Among the materials that were reviewed by the author of present article there are several concept and technical documents in field of modern education in the world, as well as the specialized literature, which explains the concept of Global Citizenship Education.

Following the subject of materials that were used for preparation of present article it is important to mention the main methodological challenge, which is related to any studies of such relatively new issue, as Global Citizenship Education. This concept is presented and promoted on the international level by means of a relatively small number of conceptual materials mainly available exclusively online and not the classic academic documents. This fact is a main argument for explanation of a quiet small number of items mentioned in the bibliography.

What is Global Citizenship Education?

Global citizenship is one of the most important directions among actual activities of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization in field of education. In September 2018 it was introduced for the first time, when the Secretary-General of UN Mr. Ban Ki-moon launched Global Education First Initiative. According to this initiative it aims: reunited the maximal number of world leaders and stakeholders in order to highlight the importance of education in the political order of the day, promote introduction of new partnerships and attract additional financial support to realize the promise for global education for all.

Together with the idea of education for every child and raising its quality, the third main activity of the Global Education First Initiative is the introduction of Global Citizenship.

Global Citizenship Education is also important in view of the Sustainable Development Goals (SDGs) that were agreed by United Nations in 2015 as part of the «Transforming our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development» Concept. One of the main components of the Global Citizenship Education dedicated to the implementation of the SDGs, is the issue of protection and conservation of tangible and intangible cultural heritage (Цели образования в интересах устойчивого развития, 2017).

International Commission on Education for the Twenty-first Century admitted that «the coming century is going to be dominated by global processes

that will create some sustainable contradictions [...] between global and local, universal and individual, traditions and modernity, perspective and next tasks, competitiveness and equal opportunities, unbounded expansion of opportunities and human limits to acquire them, contradictions between spiritual and material» (Делор Ж., 1996). According to the Education Policy Committee of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) «...the world is confronting with previously unknown challenges, and becomes unpredictable and vulnerable. Modern human receives more information in 1 month than the human of XVIIth century during all his life. The total amount of information in the world doubles each two years, which makes its over-learning impossible and useless. Therefore, the academic knowledge, functional skills, personal competences and relations are insufficient to prepare the school child to live in these conditions. It requires new skills – meta-cognition and meta-competences. Advanced economies require the transformation of the aims of education from ‘a man who knows’ to ‘a man who thinks creatively, acts and self-develops’. In this regard in 1980th the leading countries of the world started to transform the knowledge centrism into the practice-oriented education» (Инструктивно-методическое письмо, 2017).

In practice it is possible to identify three following conceptual spheres of Global Citizenship Education, which correspond to the new challenges in field of education identified by OECD:

- «Cognitive: To acquire knowledge, understanding and critical thinking about global, regional, national and local issues and the interconnectedness and interdependency of different countries and populations;

- Socio-emotional: To have a sense of belonging to a common humanity, sharing values and responsibilities, empathy, solidarity and respect for differences and diversity;

- Behavioral: To act effectively and responsibly at local, national and global levels for a more peaceful and sustainable world» (Global Citizenship Education, 2015, p. 15).

Implementation process of Global Citizenship Education needs to aim further results in each of its conceptual spheres:

«Cognitive:

- Learners acquire knowledge and understanding of local, national and global issues and the interconnectedness and interdependency of different countries and populations;

- Learners develop skills for critical thinking and analysis.

Socio-emotional:

- Learners experience a sense of belonging to a common humanity, sharing values and responsibilities, based on human rights;
- Learners develop attitudes of empathy, solidarity and respect for differences and diversity.

Behavioral:

- Learners act effectively and responsibly at local, national and global levels for a more peaceful and sustainable world;
- Learners develop motivation and willingness to take necessary actions» (Global Citizenship Education, 2015, p. 22-23).

Understanding of Global Citizenship in the Republic of Kazakhstan

Speaking about the situation in the Republic of Kazakhstan, several governmental programmes in field of education try to provide the answer to the above-mentioned global challenges. Law of the Republic of Kazakhstan «On the Education» (July, 27, 2007) № 319- III is the most important text for the official policy of the Republic of Kazakhstan in this field. Notably Article 11 of this law notes «admission of the achievements of local and world culture, studies in field of history and traditions of Kazakh and other communities of the country; knowledge of the Official, Russian and foreign languages» as one of the main objectives of the education system.

In 2016 National Programme for Development of Education and Sciences in the Republic of Kazakhstan for 2016-2019, which was initiated by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan (March, 1, 2016) № 205, aims «to improve competitiveness of education and sciences, development of human potential for sustainable economic growth». One of its main objectives is the «modernization of the content of higher and post-graduated education in view of international tendencies».

Plan «100 Concrete Steps of the Nation» (paragraph 79) envisages «step-by-step transition to education process in English language in the high-school and universities» and determines «improving competitiveness of prepared specialists and growth of the economic potential of the education sector» as one of the main objectives of education in Kazakhstan.

State support and understanding of the importance of education in line with world education standards notably follow to constant increasing of the number of UNESCO Associated Schools in the Republic of Kazakhstan. Experience of the UN-

ESCO Associated Schools demonstrate the importance of Global Citizenship Education and provide an opportunity for transformation of traditional education methods into modern education strategies based on the critical thinking, working in groups and research studies (Two Conceptions, One Goal, 2017).

However, none of the above-mentioned documents and national strategies mentions directly the Global Citizenship Education concept. In this regard, the tangible and intangible cultural heritage of the Republic of Kazakhstan can become an important practical instrument for integration of the Global Citizenship Education into educational system of the Republic of Kazakhstan (Музафаров Р.Р., Утегенова А.Е., 2011)

First presentation of the Global Citizenship Education in the Republic of Kazakhstan

As it was shown previously, the idea of Global Citizenship Education is a relatively new for the entire region of post-soviet Central Asian including the Republic of Kazakhstan. In this regard, particular importance has the first publication in the country and in the region, which reviews the potential of World Heritage sites, as well as intangible heritage as one of the bases for Global Citizenship Education in the Republic of Kazakhstan (Байпаков К.М., Волякин Д.А. etc., 2017).

This publication was jointly prepared in 2017 by Asia-Pacific Centre of Education for International Understanding under the auspices of UNESCO (APCEIU) (Learning to Live Together, 2014; Learning with Intangible Heritage for a Sustainable Future, 2015) and National World Heritage Committee under the auspices of the National Commission of the Republic of Kazakhstan for UNESCO and ISESCO. It mainly aims to raise awareness on the local World Cultural and Natural Sites, as well as on the Global Citizenship Education and other forms of cooperation between the Republic of Kazakhstan and UNESCO (Understanding World Heritage in Asia and the Pacific..., 2012).

It is very important that this publication was the first attempt in Kazakhstan and Central Asian countries to understand the place, which studies of national tangible and intangible heritage should have in the educational programmes, as well as the first attempt to incorporate Global Citizenship Education into these programmes. Team of authors was composed by the specialists in field of tangible and intangible heritage, as well as by the practicing school teachers, which have prepared the concrete exam-

ples of the utilizing of cultural heritage for Global Citizenship Education (A Teacher's, Guide..., 2010).

From the point of view of the content this publication can be separated on three parts. First part provides the brief description of the main forms of cooperation between UNESCO and the Republic of Kazakhstan. Particular attention was given to each World Cultural and Natural Heritage site of UNESCO on the territory of the Republic of Kazakhstan. It is followed by the description of the Global Citizenship Education concept, as well as by the main international trends of development of this sphere. In the end it provides the practical guidelines for introduction of two above-mentioned practices into the Kazakhstan's general secondary and high school education programmes (Voyakin D., Utegenova A., 2015).

Results and discussion

In spite of the presence of a large number of governmental documents and strategies in field of education in Kazakhstan, none of them has a direct liaison with the Global Citizenship Education concept. It is certainly needed to be done in order to the Republic of Kazakhstan to have an opportunity to follow the international standards and initiatives in field of education and popularization of the cultural heritage. In this regard, the most important thing is not the promotion of the some totally new ideas for understanding of the Global Citizenship Education,

but the raising awareness among the Kazakhstan's scientific community on the issue of this subject, which was already developed and described in details, as well as requirement to adapt it to the particularities of the educational process in the Republic of Kazakhstan.

Conclusions

World Heritage sites, as well as intangible cultural heritage sites of the Republic of Kazakhstan could become important practical tools for inclusion of the Global Citizenship Education principles into the education system of the Republic of Kazakhstan. History of the origins, evolution in different historical periods and the modern view of each cultural heritage site is the result of multiple intercommunications between various cultures and civilization of the past and present. Their studies as part of the educational system of each country need to be presented in form of unstoppable intercultural and interconfessional exchange, one of the keys to understand which is the concept of Global Citizenship Education.

Examples of the educational courses that utilize the tangible and intangible heritage of Kazakhstan that were presented in the above-mentioned publication «Potential Influence of World Heritage Sites over the Global Citizenship Education in the Republic of Kazakhstan» have shown a huge potential of these issues for regular use in Kazakhstan's general secondary and high schools.

References

- Lee S., A Guidebook for Teaching EIU and MDGS. Seoul: Asia Pacific Centre of Education for International Understanding, 2011.
- Making textbook content inclusive: A focus on religion, gender, and culture. Paris: UNESCO, 2017. – 26 p.
- Цели образования в интересах устойчивого развития. Задачи обучения. – Париж: ЮНЕСКО, 2017. – 62 стр.
- Делор Ж. Образование: сокровище сокрытое // Доклад международной комиссии по образованию для XXI века. – Париж: ЮНЕСКО, 1996. – 46 стр.
- Инструктивно-методическое письмо «Об особенностях организации образовательного процесса в общеобразовательных школах Республики Казахстан в 2017-2018 учебном году». Астана: 2017. URL: <http://engine.org/metodicheskoe-pisemo-2017-2018-uchebnij-god.html?page=2>
- Global Citizenship Education. Topics and Learning Objectives. Paris: UNESCO, 2015. – 74 p.
- Two Conceptions, One Goal: Education for International Understanding and Education for Sustainable Development. Bangkok: UNESCO, 2017
- Музафаров Р.Р., Утегенова А.Е., Казахстан-ЮНЕСКО: хроника взаимодействия и партнерства 1992-2011. – Астана-Алматы: Секретариат Национальной комиссии Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО, 2011.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Дикань М.Е., Масанов М.Н., Сарсенова Э.А., Шайгозова Ж.Н. Потенциальное влияние объектов всемирного наследия на образование в духе глобальной гражданственности в Республике Казахстан: Пособие для преподавателей общеобразовательных учебных программ основного среднего и общего среднего образования. – Алматы: АРСЕИУ, НКВН, 2017.
- Learning to Live Together: Education Policies and Realities in the Asia-Pacific. Bangkok: UNESCO, 2014.
- Learning with Intangible Heritage for a Sustainable Future. Guidelines for Educators in the Asia-Pacific Region. Bangkok: UNESCO, 2015.

Understanding World Heritage in Asia and the Pacific the Second Cycle of Periodic Reporting 2010-2012. Paris: UNESCO, 2012.

A Teacher's, Guide Incorporating Education for Sustainable Development into World Heritage Education. Bangkok: UNESCO, 2010.

Voyakin D., Utegenova A., eds., Thematic research «Wider Value of UNESCO to Kazakhstan». Almaty: National Commission of the Republic of Kazakhstan for UNESCO and ISESCO, 2015. – 128 p.

References

Lee S., A Guidebook for Teaching EIU and MDGS. Seoul: Asia Pacific Centre of Education for International Understanding, 2011.

Making textbook content inclusive: A focus on religion, gender, and culture. Paris: UNESCO, 2017. – 26 p.

Assistant Director-General for Education, 2010-2018 (Qian Tang). Education for Sustainable Development Goals. Learning Objectives. Paris: UNESCO, 2017. – 62 p.

Learning, the treasure within: Report to UNESCO of the International Commission on Education for the Twenty-first Century. Paris: UNESCO, 1996. – 46 p.

Instruktivno-metodicheskoe pis'mo «Ob osobennostyah organizatsii obrazovatel'nogo processa v obshheobrazovatel'nyh shkolah Respubliki Kazahstan v 2017-2018 uchebnom godu». Astana: 2017. URL: <http://engime.org/metodicheskoe-pisemo-2017-2018-uchebnij-god.html?page=2>

Global Citizenship Education Topics and Learning Objectives. Paris: UNESCO, 2015. – 74 p.

Two Conceptions, One Goal: Education for International Understanding and Education for Sustainable Development. Bangkok: UNESCO.

Muzafarov R.R., Utegenova A.E., Kazakhstan-UNESCO: Chronicles of Cooperation and Partnership 1992-2011. Astana-Almaty. Secretariat of the National Commission of the Republic of Kazakhstan for UNESCO and ISESCO, 2011.

Bajpakov K.M., Voyakin D.A., Dikan' M.E., Masanov M.N., Sarsenova Je. A., Shajgozova Zh.N., Potencial'noe vliyanie ob#ektov vsemirnogo nasledija na obrazovanie v duhe global'noj grazhdanstvennosti v Respublike Kazahstan. Posobie dlja prepodavatelej obshheobrazovatel'nyh uchebnyh programm osnovnogo srednego i obshhego srednego obrazovaniya. Almaty: APCEIU, NKVN, 2017.

Learning to Live Together: Education Policies and Realities in the Asia-Pacific. Bangkok: UNESCO, 2014.

Learning with Intangible Heritage for a Sustainable Future. Guidelines for Educators in the Asia-Pacific Region. Bangkok: UNESCO, 2015.

Understanding World Heritage in Asia and the Pacific the Second Cycle of Periodic Reporting 2010-2012. Paris: UNESCO, 2012.

A Teacher's, Guide Incorporating Education for Sustainable Development into World Heritage Education. Bangkok: UNESCO, 2010.

Voyakin D., Utegenova A., eds., Thematic research «Wider Value of UNESCO to Kazakhstan». Almaty: National Commission of the Republic of Kazakhstan for UNESCO and ISESCO, 2015. – 128 p.

Zhekenov D.¹, Makisheva M.², Aznabakiyeva A.³

¹Ph.D, associate professor, Chair of International Relations and World Economy,
Department of International Relations, e-mail: duman.zhekenov@gmail.com

²Associate professor of the Diplomatic translation department, e-mail: makisheva50@mail.ru

³Senior teacher Department of language and general education of foreigners,
e-mail: m.aznabakiyeva@gmail.com

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

A NEW GLOBALIZATION FROM THE EAST

The development of mankind in the 21st century requires new changes in international relations and questions about the world order. Day after day, the destruction of the borders between the economy and political relations gives new impetus to globalization. In this article, it is planned, based on the examples of European, Soviet, and American globalization, to make a scientific examination of the Chinese model of globalization, which is the subject of hot discussions at present. New globalization from the East is not just a rumor; the People's Republic of China is actually implementing it. At the end of the twentieth century and the beginning of the twenty-first century, Chinese scientists began to search for the Chinese theory of international relations. If we take into account that the general theory of science can become a common value only when it is accepted by all mankind, it seems that some theories and scientific principles proposed by Chinese scientists are being asked for general use. In addition, Chinese globalization is combined not only from a scientific point of view, but also with global projects such as «One Belt – One Road».

Key words: A new globalization, People's Republic of China, Chinese dream, Xi Jinping, China's International relation theory.

Жекенов Д.¹, Макишева М.², Азнабакиева М.³

¹PhD докторы, халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының доцент м.а.,
e-mail: duman.zhekenov@gmail.com

²дипломатиялық аударма кафедрасының доценті, e-mail: makisheva50@mail.ru

³шетелдіктердің тілдік және жалпы білім беру кафедрасының аға оқытушысы,
e-mail: m.aznabakiyeva@gmail.com

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Шығыстан келген жаңа жаһандану

XXI ғасырдағы адамзат баласының даму бағыты Халықаралық қатынастар және әлемдік тәртіп мәселелеріне тың өзгерістер әкелуді талап етіп отыр. Экономика мен саяси қарым-қатынастардағы шекаралардың күннен-күнге жойылуы Жаһанданудың жаңа серпінін алып келуде. Осы мақала барысында осы уақытқа дейінгі Еуропалық, Кеңестік, Американдық жаһандану үлгілерін мысалға ала отырып, бүгінгі күні қызу талқыға түсіп отырған Жаһанданудың қытайлық үлгісіне ғылыми сараптама жасауды жоспарлап отырмыз. Шығыстан келген жаңа Жаһандану жай ғана қауесет емес, Қытай Халық Республикасы тарапынан нақты қадамдармен іске асырылуда. XX ғасыр соңы мен XXI ғасыр басында Қытайлық ғалымдар Халықаралық қатынастар ғылымының қытайлық теориясын іздеуді бастап кетті. Жалпы ғылымның теориясы адамзат баласына ортақ болғанда ғана нақты ортақ құндылықтарға айналатындығын ескерсек, қытай зерттеушілері ұсынып отырған кейбір теориялар немесе ғылыми ұстанымдар ортақ пайдалануға сұранып тұрған тәрізді. Онымен қоса, Қытайлық Жаһандану тек ғылыми тұрғыдан емес, «Бір Белдеу – Бір Жол» сияқты ғаламдық жобалармен қатар үйлестіріліп отыр.

Түйін сөздер: Жаңа жаһандану, Қытай Халық Республикасы, Қытай арманы, Си Цзиньпин, Қытайдың Халықаралық қатынастар теориясы.

Жекенов Д.¹, Макишева М.², Азнабакиева М.³

¹PhD доктор, и.о. доцента кафедры международных отношений и мировой экономики факультета международных отношений, e-mail: duman.zhekenov@gmail.com

²доцент кафедры дипломатического перевода факультета международных отношений, e-mail: makisheva50@mail.ru

³старший преподаватель кафедры языковой и общеобразовательной подготовки иностранцев, e-mail: m.aznabakiyeva@gmail.com
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Новая глобализация из Востока

Развитие человечества в XXI веке требует новых изменений в Международных отношениях и вопросах о мировом порядке. День за днем разрушение границ между экономикой и политическими отношениями придает новый импульс Глобализации. В данной статье планируется, основываясь на примерах Европейской, Советской, Американской глобализаций, сделать научную экспертизу китайской модели Глобализации, которая является темой горячих дискуссий в настоящее время. Новая глобализация с Востока является не просто слухом, она фактически реализуется Китайской Народной Республикой. В конце XX века – начале XXI века китайские ученые начали искать китайскую теорию международных отношений. Если учитывать, что общая теория науки может стать общей ценностью только тогда, когда она принята всем человечеством, кажется, что некоторые теории и научные принципы, предложенные китайскими учеными, просятся в общее пользование. Кроме того, Китайская Глобализация сочетается не только с научной точкой зрения, но и с глобальными проектами, такими как «Один пояс – Один путь».

Ключевые слова: Новая глобализация, Китайская Народная Республика, мечта Китая, Си Цзиньпин, Теория международных отношений Китая.

Introduction

The 21st century is a century of globalization. The mutual interest, universal value, and common destiny of Mankind are the descriptions of globalization. However, with regard to the current processes, it is more correct to speak not about the «globalization», but about the present stage of globalization called as globalism. The concept of «globalization» refers to the concept of «globalism» in much the same way as «empire» to «imperialism.» The empires existed several thousand years ago, and imperialism as a special stage of capitalism arose only at the turn of the 19th and 20th centuries. Moreover, globalization accompanies the whole of history, and globalism as another new stage of capitalism has become a reality at the turn of the 20th and 21st centuries.

Let's figure out the stages of globalization and where globalization has come from?

The first one came from Western Europe and here a great role was played by the great geographical discoveries. This process was accompanied by conquest wars, interpenetration of cultures and the formation of colonial empires: British, Spanish, Portuguese, Dutch, etc. (Western model of Globalization)

The second stage of globalization came when socialism spread out like a virus around the globe and had existed less than one century. This stage was accompanied with two World Wars in 20th

century and the completion of the territorial division of the world and the beginning of the struggle for its redistribution. (model of the USSR)

The third one came from the USA. When globalization began from America, it acquired a completely different look and a new era of globalization has begun. If the above mentioned two stages were accompanied with wars, conflicts and misunderstandings, the new era has had mutual understanding, mutual benefits and more importantly it has been accompanied with freedom. Therefore, it is much more attractive. (Model of USA or Americanism)

The modern era is characterized by the fact that the extensive forms of globalization are clearly approaching their logical conclusion. The development of «breadth» is almost over; the epoch of development of «depth» is coming. Globalization is moving into its intensive phase. It manifests itself: Global problems arise and multiply, the solution of which is beyond the power of individual states and their regional associations, conversely, requires the joint efforts of all mankind. These are problems of preserving the environment, providing the growing population of the earth with food, finding new sources of energy, preserving peace and survival of mankind in the nuclear age, etc.

The qualitative change in the development of human civilization is in full swing. For it, almost

everything is ready: Mankind can develop only as a whole now; otherwise, it will simply not cope with its problems.

These demands brought back a new globalization from the East and have been accompanied with Chinese global project «One Belt – One Road», rejuvenation of China, «Chinese dream» and the idea of «Common destiny of Mankind» by Xi Jinping. Chinese scholars are actively looking for International relations theories with Chinese characteristics. For instance, the theory of Tianxia (All under heaven) is a responsible system for the whole world rather than just for nation-states. (Chinese model of Globalization)

All these Chinese projects, intentions, and theories are including universal value, mutual benefits and are concerned about the common destiny of Mankind.

We will endeavor to investigate the whole idea of Chinese model of globalization from the view of analyzing the Chinese International relations theories. It is essential to estimate true power of this idea. Studying the issues of Chinese model of Globalization and Chinese theory of International Relations is important in both academic and political sense. In addition, researching this issue is substantial in economic and cultural sense. It requires new theoretical approaches, methodology and new scholarly perception.

Relevance

If our main target is Globalization from East and Chinese IR theories we have to start from the President and Professor of China Foreign Affairs University (CFAU) and Chancellor of China Diplomatic Academy, Executive Vice-president of China National Association for International Studies (CNAIS) and editor-in-chief of Foreign Affairs Review, the academic journal of CFAU and CNAIS, Qin Yaqing. Qin's main academic interest is International Relations (IR) theory and has recently focused on the exploration of Chinese cultural and philosophical traditions for developing IR theory. He has also done research on global and regional governance and China's foreign policy. As a leading scholar and professor in the field of international relations in China, Qin has published extensively, including Hegemonic System and International Conflicts; Power, Institutions and Culture; Relations and Process, etc. We have collected just some articles that were on the focus of our side (Qin Yaqing, 2007., Qin Yaqing, 2009., Qin Yaqing, 2013).

Besides, since 2011, for the first time in Chinese history, exports have begun mainly to the west, own international knowledge. Works have been published in the USA and Europe Director of the Institute of Contemporary International university relations Tsinghua, Professor Yan Xuetong «Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power» (Xuetong, 2011), professor of the Fudan University Zhang Weiwei «The China Wave: Rise of A Civilizational State».

Western political community attentively keeps track of the controversial processes the formation of the Chinese theoretical School of International Relations and successfully engages scientists from China in its academic discourse. We want to point the works of Michael A. Peters, Professor of Education, Beijing Normal University that mainly targeted to compare American dream with Chinese dream. Here we can find lots of interesting state points and new approaches (Peters, 2017a: Peters, 2017b). In addition, it was very helpful to use the research books and articles of the professors of Columbia University, Cambridge University, Princeton University and Cornell University, etc. (Kang, 2007; Tin-Bor Hui, 2005; Milner, 1997; Krasner, 1983; Aaron, 2018; Müller, 2018; Chan, 1999, Callahan, 2001; Geeraerts, Men, 2001; Acharya, 2011; Dellios, 2011; Borah, 2013; Thuy, 2014; Noesselt, 2015).

Russian researchers, mostly sinologists, are also studying the efforts of Chinese colleagues in understanding the world policy and the formulation of independent theoretical concepts (Berger, 2010; Kuznetsov, 2014; Grachikov, 2014)

Theoretical-methodological bases

The methodological basis of the project is supposed to be a multidisciplinary approach based on the use of elements of different theories and methods.

Firstly, all of the elements of general scientific methods (analysis, comparison and synthesis) will be used during the study. It is important to use the theories of liberalism, realism and imperialism when we make a comparative analyses of Western model of globalization with Chinese model of globalization. The theory of interdependence, «Soft power» by J. Nye (Nye, 2005), «Clash of civilizations» by S. Huntington (Huntington, 1996) and the ideas of H. Kissinger are very valuable and quite important for our study.

It is important, in our view;

– to use the old Chinese theories as Tianxia (all under heaven), Datong (universal great harmony), jiegui (integrate into the international order);

– to use the ideas from old Chinese thinkers Mozi and Laozi on the level of the system, Guanzi and Hanfeizi on the level of the state, and Confucius, Mencius, and Xunzi on the level of the individualism;

– to compare and find integrity and continuity between the concepts of Mao Zedong (Three World Theory), Deng Xiaoping (Opening-up and Economic Reform, Socialism with Chinese Characteristics), Jiang Zemin (Three Represents), Hu Jintao (Harmonious world and harmonious society) and Xi Jinping (Chinese dream, common destiny of mankind rejuvenation) (Zedong, 1977; Xiaoping, 1984; Zemin, 1992; Jintao 2012; Jinping, 2014).

Discussion

The Silk Road project is transferring the world's center of gravity from the Atlantic to the Pacific, said former US Secretary of State Henry Kissinger. «The United States and China should seek not only a joint concept of security, but a concept of the joint evolution of two great societies (coevolution) that can exist side by side, sometimes pursuing different goals, but uniting in defense of the common needs and opportunities that are imperative for the 21st century». «Our task is to find a way to combine American exclusivity and the» Chinese dream, «which will create a new world order for the benefit of all,» Kissinger emphasized, adding that «China has pursued its historical goal for two hundred years. Moreover, not all the people who have become witnesses to the development of the PRC in one generation doubt that the country has been realizing its dream. «In addition, by the project «One Belt – One Road» Trade flows, which are now moving from west to east, will change direction to the opposite, to «east-west». This situation can be perceived as an economic breakthrough in the East (Peters, 2017).

However we cannot deeply analyze, we cannot give the real evaluation for this situation, we cannot find the true way to investigate these processes without analyzing, decomposing the old Chinese theories and modern Chinese IR theories or thoughts.

The old Chinese theories

When we have started to say about the Globalization from the East, we want to underline the arising Chinese International relations theories and thoughts. In our view, some of them can be universal and can become the common idea, even the common theory. In this part, we will try to give brief analyses for some of them.

Tianxia (all under heaven). The concept of Tianxia is based on the historical practice of the Zhou dynasties, when a small ethnic group overthrew the Shang dynasty. Chinese professor Zhao Tingyang claims that Zhou was able to establish control over the occupied space, to preserve legitimacy, order and peace only because he created the Tianxia system – a universal system that includes all peoples and peace for all peoples. At the core of this system there were three fundamental ideas: the decision of all problems in politics depends on the generally recognized world system, and not on coercive force and hegemony; such a system is politically justified, since institutional arrangements benefit all countries; the system works, as it creates harmony between all nations and civilizations. It was a system of the world, not states (Tingyang, 2005).

Zhao describes the main features of Tianxia system: it was an open network or world-home, consisting of common world government and other Sub states. The first guaranteed maintenance of order in general, rules, laws, and acted as an arbiter in conflicts between sub-states. The latter had high autonomy, were responsible for their internal political, economic, social and cultural affairs. In addition, people used full freedom of movement and life in any sub-state by their choice. Alleged system Tianxia reflected true peace integrity (worldism 世界性) – a situation of unity in variety. According to Zhao, there was an effective holistic policy of the world that was significantly different from Greek Policy Practices – Policies individual states. Zhao insists that this system is in demand today, because that globalization has created such a worldwide space where policies reflecting interests of nation states are doomed to failure (Tingyang, 2005).

The only solution lies in reconstructing a new «all under heaven» system, a creatively renewed model of the Zhou Dynasty. To turn the non-world into a real world, or to turn the world into a Tianxia system – this is the fundamental requirement for any solution to the global problems we face. It provides a good historical example for establishing a true worldism, a worldview that considers the whole world rather than just the local, and which considers global common interests before local ones. It works according to the principle of family ties, thereby creating a world of universal family ties where hostility is converted into hospitality, harmony prevails, and nobody makes enemies (Yaqing, 2013). The highest achievement is «a mind at peace, free from the trap of thinking in terms of war, enemy, winner and loser. It is a different political mentality,

theoretically speaking, from those of Machiavelli, Hobbes, Marx, Freud, Schmitt, Morgenthau, and Huntington, and different in a practical sense from the hegemonic order of Roman, Christian cosmopolitanism and democratic peace under the US leadership».

Phases in modern Chinese IR Theories

The Chinese scholars are actively looking for a new idea from old Chinese philosophy and have been attempting to renew or adapt this thoughts to new requirements of international relations in the XXI century.

Qin Yaqing argues that the development of IR as an academic discipline has taken place in three phases in China namely pre-theory (1978-90), theory-learning (1991-2000) and theory innovation phase (2007 till today):

In the pre-theory phase (1978-90), both Marxism and Leninism were dominant and realism was on the rise, due to innovative thinking but no conscious attempt was made to build theoretical paradigm. This was the period when Mao Zedong developed 'Three World Theory', where the first world consists of the US and the USSR; the second world consists of the US and Western allies on the one side and the USSR and East European allies on the other side; and the third world includes Asian, African and Latin American countries. The most significant development was the debate between two different schools of Marxism (Yaqing 2009).

In this phase, we can see the domination of the western IR theories and still using this in the structure of building foreign policy of the country.

In the theory-learning phase (1991-2000), IR discipline evolved as an academic community where liberalism and realism guided knowledge-oriented research. Sudeep Kumar from East China Normal University underlines «The Third Plenum of the Eleventh Central Committee of 1978 was a crucial turning point, where Deng Xiaoping adopted the policy of Opening-up and Economic Reform which led to its active participation in the world economy. After the Fourteenth Party Congress of the Communist Party of China (CPC) in 1992, Deng Xiaoping's Socialism with Chinese Characteristics became a guiding ideology and special attention was paid to the establishment of IR as an academic discipline for theoretical and empirical research.» Attempts were made to move away from copying the Western international relations classics and to develop distinct Chinese international relations theories by employing traditional Chinese philosophy and Western theoretical achievements because of the tension between dominant Western

international relations theories and endeavors to develop Chinese IR theories. (Kumar, 2018).

Here we can find a new important word «with Chinese characteristics». It can describe all their intentions and directions of the development of the Chinese IR School. A huge number of scholars had started to find something from everything with Chinese characteristics. Obviously, it had started to give the results in the next phase.

Under the theory-learning phase, the deepening stage (2001-07) developed interest in constructivism, which coincided with the debate on peaceful rise of China under the Chinese philosophy of *yi jing* implying that identity and behavior are changeable. This was the phase when Chinese international relations community sought to study practices in international relations by employing methodologies and analytical frameworks borrowed from the United States to explain Chinese experiences and behavior at the international level. The rise of interest in constructivism among the Chinese IR scholars was an outstanding feature of this period. Hence, Chinese IR scholars realized that IR theories were not only a tool for interpretation of foreign policy but also a means to understand the complexities of international politics (Yaqing, 2009).

In the theory innovation phase (2007- till today), the focus is more on how to build Chinese IR theory than whether to develop Chinese IR theory, where 'how to' question tends to mark the very beginning of theory innovation. At the Seventeenth Party Congress of the Communist Party of China (CPC) in 2007, Hu Jintao articulated the scientific outlook on development under which emphasis was on harmonious world and harmonious society, which cannot be achieved without peaceful development. This concept revolves around multilateralism for common security, mutual co-operation for common prosperity, spirit of inclusiveness for harmonious world and finally the reforms in the United Nations Security Council (UNSC). (Yaqing, 2013).

The success or failure of the leading economies of the world ultimately depends on the existence of a long-term development strategy, creating new conceptual theories, its adequacy to specific conditions and the effectiveness of the ruling elite in the implementation of the target. Only countries with a clear perspective with strong conceptual thoughts will be able to remain subjects of a constantly and rapidly changing world order, and not to become an object of influence of competitors. Among the world's leading world powers, so far only China has been able to formulate a long-term development strategy. It is called the «Chinese Dream»; it

includes several independent strategic concepts, has two control periods, and should be completed by 2049 (Jinping, 2014).

Chinese IR theories are actively developing and are accompanied with great project as One Belt – One Road. It brings to our mind the idea of a new Globalization from East.

Conclusion

The modern era is characterized by the fact that the extensive forms of globalization are clearly approaching their logical conclusion. The development of «breadth» is almost over; the epoch of development of «depth» is coming. Globalization is moving into its intensive phase. It manifests itself: Global problems arise and multiply. The solution of them is beyond the power of individual states and their regional associations, conversely, require the joint efforts of all humanity.

These are problems of preserving the environment, providing the growing population of the Earth with food, finding new sources of energy, preserving peace and survival of humankind in the nuclear age, etc. The qualitative change in the development of human civilization is in full swing. For it, almost everything is ready: Mankind can develop only as a whole now; otherwise, it will fail to cope with its problems.

Mankind needs a new globalization no matter from where, that means to control the further development of humanity. In this sense, Global Chinese projects as «One Belt – One Road», «Chinese dream» that have been accompanied with new Chinese IR theories can play an important role. On the other hand, a variety of strata of the population as politicians, academic circles, researchers are confronted with lots of imperfections of theories and misunderstandings, to say nothing about unilateral directions of China in this aspect.

References

- Qin Yaqing. Culture and global thought: Chinese international theory in the making. *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, n.100., 2013.
- Qin Yaqing. Development of International Relations Theory in China. *International Studies*. 46, 1&2., 2009.
- Qin Yaqing. Why Is There No Chinese International Relations Theory. *International Relations of the Asia Pacific*. vol. 7, No.3, 2007.
- Yan Xuetong. *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power*. Princeton: Princeton University Press. 2011.
- Michael A. Peters. The Chinese Dream: Xi Jinping thought on Socialism with Chinese characteristics for a new era, *Educational Philosophy and Theory*, 49:14, 1299-1304., 2017.
- Michael. A. Peters. Conflicting narratives of the American dream: Obama's equality of opportunity and Trump's 'make America great again'. *Solsko polje Journal*, Educational Research Institute, Ljubljana. 2017.
- David Kang. *China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia*. New York: Columbia University Press, 2007.
- Victoria Tin-Bor Hui. *War and State Formation in Ancient China and Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005.
- Helen Milner. *Interest, Institutions, and Information: Domestic Politics and International Relations*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.
- Stephen Krasner. *International Regimes*. Ithaca: Cornell University Press, 1983.
- Friedberg L. Aaron. Globalisation and Chinese Grand Strategy, *Survival*, 60:1, 7-40, 2018 DOI: 10.1080/00396338.2018.1427362
- Martin Müller. In Search of the Global East: Thinking between North and South, *Geopolitics*, 2018. DOI: 10.1080/14650045.2018.1477757
- Chan, Gerald. *Chinese Perspective on International Relations: A Framework for Analysis*. London: MacMillan Press Ltd., 1999.
- Callahan W. China and the Globalization of IR Theory: Discussing «Building International Relations Theory with Chinese Characteristics. *Journal of Contemporary China*, 10 (26)., 2001.
- Geraerts G., Men J.. *International relations theory in China*. *Global Society*. Vol. 15, No. 3., 2001.
- Amitav Acharya. Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theories beyond the West. *Millennium*. 39.3., 2011.
- Dellios R. *International relations theory and Chinese philosophy*. Bond University. *Humanities & Social Sciences papers*. Paper 570. URL: http://epublications.bond.edu.au/hss_pubs/570., 2011.
- Borah J. Chinese International Relations Theory: Is It a Narrative of China's Rise? Annual International Studies Convention 2013 being organized by the School of International Studies, Jawaharlal Nehru University (JNU). New Delhi. 10 – 12 December 2013.
- Thuy T. Do. China's Rise and the 'Chinese Dream' in IR Theory. Department of International Relations. The Australian National University. Refereed paper presented to the Second Oceanic Conference on International Studies. University of Melbourne. 9-11 July. 2014.

Noesselt N. Revisiting the Debate on Constructing a Theory of IR with Chinese Characteristics. *The China Quarterly*. Volume 222., 2015.

Бергер Я.М. Эволюция геополитических взглядов в Китае [Evolution of Chinese geopolitical viewpoints] // *Проблемы Дальнего Востока*. №4., 2010.

Кузнецов А.М. «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы современной теории международных отношений [«China's peaceful development» and some problems of modern IR theory] // *Политическая концептология*. №3., 2014.

Грачиков Е.Н. Международные отношения в современном Китае: институализация дисциплины [IR in Modern China: institutionalisation of the discipline] // *Международные процессы* №4., 2014.

Joseph Jr. Nye. *Soft Power: The means to success in world politics*, Public affairs. 2005.

Samuel P. Huntington. *The Clash of civilization and the Remaking of World Order.*, 1996.

Mao Zedong. *Selected Works of Mao Tse-Tung Vol (V)*, Peking: Foreign Language Press. 1977.

Deng Xiaoping. *Selected Works of Deng Xiaoping Vol (I)*, Peking: Foreign Language Press., 1984.

Jiang Zemin. «The 15th National Congress», [Online: web] Accessed 15 Oct. 2013 URL: http://www.bjreview.com.cn/90th/201103/25/content_357542.htm. 1992.

Hu Jintao. «Full text of Hu Jintao's Report at 18th Party Congress», [Online: web] Accessed 11 Oct. 2013 URL: http://www.china.org.cn/china/18th_cpc_congress/2012-11/16/content_27138030.htm.

Xi Jinping. *The governance of China*. Beijing: Foreign Languages Press., 2014.

Джао Тинжиань. Современный взгляд на китайский мечты [Current View on Chinese Dream] // *Международные процессы* В.13, № 2. 21-34 стр. 2015.

Sudeep Kumar. *Theorising Chinese International Relations and Understanding the Rise of China: A Preliminary Investigation*// International Studies Association Global South Caucus International Conference 2015 (ISA GSCIS 2015) on the theme – Voices from outside: Reshaping International Relations Theory and Practice in an Era of Global Transformation at SMU, Singapore. 2018.

References

Aaron, L. Friedberg (2018) *Globalisation and Chinese Grand Strategy*, *Survival*, 60:1, 7-40, DOI: 10.1080/00396338.2018.1427362

Acharya A. (2011). *Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theories beyond the West*. Millennium. 39.3.

Berger Y.M. (2010). *Evolutsiya geopoliticheskikh vzglyadov v Kitae* [Evolution of Chinese geopolitical viewpoints]. *Problemy Dalnego Vostoka*. No. 4.

Borah J. (2013). *Chinese International Relations Theory: Is It a Narrative of China's Rise?* Annual International Studies Convention 2013 being organised by the School of International Studies, Jawaharlal Nehru University (JNU). New Delhi. 10 – 12 December 2013.

Callahan W. (2001). *China and the Globalization of IR Theory: Discussing «Building International Relations Theory with Chinese Characteristics*. *Journal of Contemporary China*, 10 (26).

Chan, Gerald (1999). *Chinese Perspective on International Relations: A Framework for Analysis*. London: MacMillan Press Ltd.

Dellios R. (2011). *International relations theory and Chinese philosophy*. Bond University. Humanities & Social Sciences papers. Paper 570. URL: http://epublications.bond.edu.au/hss_pubs/570.

Geeraerts G., Men J. (2001). *International relations theory in China*. *Global Society*. Vol. 15, No. 3.

Grachikov E.N. (2014). *Mezhdunarodnyye otnosheniya v sovremennom Kitaye: instutualizatsiya distsipliny* [IR in Modern China: institutionalisation of the discipline]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. No. 4.

Huntington, Samuel P. (1996). *The Clash of civilization and the Remaking of World Order*.

Jinping, Xi. (2014). *The governance of China*. Beijing: Foreign Languages Press.

Jintao, Hu (2012). «Full text of Hu Jintao's Report at 18th Party Congress», [Online: web] Accessed 11 Oct. 2013 URL: http://www.china.org.cn/china/18th_cpc_congress/2012-11/16/content_27138030.htm.

Kang, David. (2007). *China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia*. New York: Columbia University Press, 2007.

Krasner, Stephen. (1983). *International Regimes*. Ithaca: Cornell University Press, 1983.

Kumar, Sudeep. (2018). *Theorising Chinese International Relations and Understanding the Rise of China: A Preliminary Investigation*// International Studies Association Global South Caucus International Conference 2015 (ISA GSCIS 2015) on the theme – Voices from outside: Reshaping International Relations Theory and Practice in an Era of Global Transformation at SMU, Singapore.

Kuznetsov A.M. (2014). «Mirnoye razvitiye Kitaya» i nekotorye problemy sovremennoi teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [«China's peaceful development» and some problems of modern IR theory]. *Politicheskaya kontseptologiya*. No. 3.

Milner, Helen. (1997). *Interest, Institutions, and Information: Domestic Politics and International Relations*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.

Müller, Martin (2018). *In Search of the Global East: Thinking between North and South, Geopolitics*, DOI: 10.1080/14650045.2018.1477757

Noesselt N. (2015). *Revisiting the Debate on Constructing a Theory of IR with Chinese Characteristics*. *The China Quarterly*. Volume 222.

Nye, Jr. Joseph. (2005). *Soft Power: The means to success in world politics*, Public affairs.

Peters, Michael A. (2017). *The Chinese Dream: Xi Jinping thought on Socialism with Chinese characteristics for a new era*, *Educational Philosophy and Theory*, 49:14, 1299-1304.

Peters, Michael. A. (2017). *Conflicting narratives of the American dream: Obama's equality of opportunity and Trump's 'make America great again'*. Solsko polje Journal, Educational Research Institute, Ljubljana.

Qin Yaqing. (2007). *Why Is There No Chinese International Relations Theory*. *International Relations of the Asia Pacific*. vol. 7, No.3

Qin Yaqing. (2009). *Development of International Relations Theory in China*. *International Studies*. 46, 1&2.

Qin Yaqing. (2013). *Culture and global thought: Chinese international theory in the making*. *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, n.100.

Thuy T. Do. (2014). *China's Rise and the 'Chinese Dream' in IR Theory*. Department of International Relations. The Australian National University. Refereed paper presented to the Second Oceanic Conference on International Studies. University of Melbourne. 9-11 July.

Tin-Bor Hui, Victoria. (2005). *War and State Formation in Ancient China and Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Xiaoping, Deng (1984). *Selected Works of Deng Xiaoping Vol (I)*, Peking: Foreign Language Press.

Yan Xuetong (2011). *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power*. Princeton: Princeton University Press.

Zedong, Mao (1977). *Selected Works of Mao Tse-Tung Vol (V)*, Peking: Foreign Language Press.

Zemin, Jiang (1992). «The 15th National Congress», [Online: web] Accessed 15 Oct. 2013 URL: http://www.bjreview.com.cn/90th/201103/25/content_357542.htm.

Zhao Tingyang. (2015). *Sovremennyj vzglyad na kitajskuyu mechtu [Current View on Chinese Dream]*. *Mezhdunarodnye Protssesy*. Vol. 13, No. 2. P. 21-34. 2015.

Кожухова М.М.¹, Жанбулатова Р.С.², Жиенбаев М.Б.³

¹LLM, ст. преп. кафедры Ассамблея Народа Казахстана и социально-гуманитарные дисциплины, Карагандинский государственный технический университет, Казахстан, г. Караганда

²М.А., ст. преп. кафедры международных отношений, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана

³М.А. координатор управления интернационализации, Карагандинский государственный технический университет, Казахстан, г. Караганда, e-mail: zhienbaev.miras@yandex.kz

**ГЕНЕЗИС ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

Традиционная государственно-центристская система международных отношений, основанная на принципе государственного суверенитета и концепции баланса сил, уступает место глобальной многоуровневой системе взаимодействия, одним из примеров которой является деятельность Европейского Союза. Изменяющийся ландшафт мировой геополитики диктует новые тренды развития Европейского Союза, обеспечение энергетической безопасности которого обретают все большую важность. Рассматривая энергетическую политику Европейского Союза, авторы различают различные этапы формирования единой энергетической стратегии. В настоящее время имеет место тенденция нарастания экономической конкуренции на глобальном энергетическом рынке, что требует постоянного регулирования политического курса стран. Страны ЕС, руководствуясь необходимостью обеспечения энергетической безопасности, формируют общесоюзную и национальные энергетические политики. В общей энергетической политике ЕС, приоритеты которой в определенной степени коррелируются с национальными приоритетами в обозначенной сфере, большое внимание уделяется целому ряду вопросов, в числе которых проблемы поиска надежных источников снабжения энергоносителями, диверсификация маршрутов транспортировки углеводородного сырья, энергоэффективность и развитие производства возобновляемых источников энергии, развитие новых технологий и энергетическая безопасность.

Ключевые слова: Европейский Союз, энергетическая политика, энергетическая безопасность.

Kozhukhova M.¹, Zhanbulatova R.², Zhiyenbayev M.³

¹LLM, senior lecturer, Assembly of People of Kazakhstan and socio-humanities chair, Karaganda State Technical University, Kazakhstan, Karaganda

²MA, senior lecturer, International relations chair, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Astana

³coordinator of the internationalization department of Karaganda State Technical University, Kazakhstan, Karaganda, e-mail: zhienbaev.miras@yandex.kz

Genesis of the European Union energy policy

The traditional state-centrist system of international relations, based on the principle of state sovereignty and the concept of the power balance, gives way to a global multi-level interaction system, one example of which is the activity of the European Union. The changing landscape of world geopolitics dictates new trends in the development of the European Union, the provision of energy security of which is becoming increasingly important. Considering the energy policy of the European Union, the authors distinguish between different stages in the formation of a unified energy strategy. Currently, there is a trend of increasing economic competition in the global energy market, which requires constant regulation of the political course of countries. The EU countries, guided by the need to ensure energy security, form all-Union and national energy policies. The EU's common energy policy, the priorities of which are to some extent correlated with national priorities in the designated area, focuses on a number of issues,

including the search for reliable sources of energy supply, diversification of hydrocarbon raw materials transportation routes, energy efficiency and the development of renewable energy production, development of new technologies and energy security.

Key words: European Union, energy policy, energy security.

Кожухова М.М.¹, Жанбулатова Р.С.², Жиенбаев М.Б.³

¹LLM, аға оқытушы, Халықаралық қатынастар кафедрасы

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Астана қ.

²М.А. аға оқытушы, Қазақстан Халқы Ассамблеясы және әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасы, Қарағанды мемлекеттік техникалық университеті, Қазақстан, Қарағанды қ.

³ҚарМТУ интернационализациялау бөлімінің үйлестірушісі, Қарағанды мемлекеттік техникалық университеті, Қазақстан, Қарағанды қ., e-mail: zhienbaev.miras@yandex.kz

Еуропалық Одақтың энергетикалық саясатының генезисі

Мемлекеттік егемендік қағидаты мен биліктің теңгерім тұжырымдамасына негізделген халықаралық қатынастардың дәстүрлі орталықтандырылған жүйесі жаһандық көп деңгейлі өзара әрекеттесу жүйесіне жол ашады, оның бір мысалы Еуропалық Одақтың қызметі болып табылады. Әлемдік геосаясаттың өзгеру ландшафты Еуропалық одақтың дамуындағы жаңа үрдістерді тудырады, оның энергетикалық қауіпсіздігін қамтамасыз етудің маңызы артып келеді. Еуропалық Одақтың энергетикалық саясатын ескере отырып, авторлар бірыңғай энергетикалық стратегияны қалыптастырудың әртүрлі сатыларынан ерекшеленеді. Қазіргі уақытта жаһандық энергетикалық нарықтағы экономикалық бәсекелестікті күшейту үрдісі байқалады, ол елдердің саяси бағытын үнемі реттеуді талап етеді. Энергетикалық қауіпсіздікті қамтамасыз ету қажеттілігін басшылыққа ала отырып, Еуроодақ елдері бүкілодақтық және ұлттық энергетикалық саясатты қалыптастырады. ЕО-ның басым бағыттары белгілі бір салада ұлттық басымдықтармен бір дәрежеде байланысты болатын жалпы энергетикалық саясатта энергиямен жабдықтаудың сенімді көздерін іздестіру, көмірсутегі шикізатын тасымалдау маршруттарын әртараптандыру, энергия тиімділігі және жаңартылатын энергияны өндіруді дамыту, жаңа технологияларды және энергетикалық қауіпсіздікті дамыту болып табылады.

Түйін сөздер: Еуропалық Одақ, энергетикалық саясат, энергетикалық қауіпсіздік.

Введение

Актуальность изучения энергетической политики Европейского Союза (ЕС) обусловлена качественной трансформацией системы международных отношений на современном этапе. Традиционная государственно-центристская система международных отношений, основанная на принципе государственного суверенитета и концепции баланса сил, уступает место глобальной многоуровневой системе взаимодействия, одним из примеров которой является деятельность ЕС. Страны Союза считают необходимым реализацию внешнеполитических интересов, в том числе и в сфере энергетики, на основе либеральных принципов и управления на основе «четких правил». Важно подчеркнуть, либерализация энергетического рынка и свободная конкуренция представляются важнейшими принципами ЕС.

В условиях, когда традиционные источники энергоресурсов близки к исчерпанию, а запросы производства требуют все новых ресурсов, экономически наиболее развитые государства стараются обеспечить себе гарантии на доступ к ресурсам. К тому же, растущая конкуренция

в области энергетики вызывает усиление конфликтности международных отношений, создает новые вызовы глобальной безопасности. Основными аспектами энергетической безопасности, сохраняющими признаки секьюритизации, являются ограничения выхода на мировые рынки, экономическая жизнедеятельность, связанная с доходами от поставок и военную безопасность задействованных государств. Вопросы нарушения беспрепятственной транспортировки энергетических ресурсов через транзитные территории и решение спорных вопросов по трансграничным месторождениям также могут быть отнесены к основным аспектам секьюритизации. В частности, представители так называемой Копенгагенской школы (Б. Бузан, О. Вейвер, Д. Уайлд), рассматривая необходимость концептуализации безопасности в широких рамках, определяют безопасность как результат политической интерпретации возможной угрозы (Бузан, 2003).

В качестве примера можно привести энергетические отношения ЕС и России до и после газовой войны РФ и Украины, а также до и после известных событий 2014 года. Произошедшие события и их подача резко секьюритизировали

вопрос энергетических отношений между странами в глазах общества, перенеся в значительной степени экономическую проблему в политическую сферу. Вопрос энергетической безопасности и диверсификации энергетических поставок был определен как одна из основных проблем Евросоюза. ЕС, таким образом, считает зависимость от России вызовом безопасности.

В подобной ситуации вопросы энергетического характера приобретают не просто важное значение, они становятся фактором формирования новой геополитической и геоэкономической структуры мира. И этот фактор напрямую затрагивает интересы стран на евразийском пространстве. Кроме того, он актуализируется на фоне мирового экономического кризиса, и начала борьбы за новый миропорядок между конкурирующими глобальными факторами, в том числе Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, активизировавшими свою политику в энергетическом поле ЦАР.

Исходя из вышеизложенного, авторы ставят цель проанализировать процесс формирования энергетической политики ЕС; выявить основные парадигмы, влияющие на генезис энергетической политики Союза; определить роль и перспективы энергетической политики ЕС как фактора общей внешней политики и политики безопасности ЕС.

Методология исследования

Опираясь на системный подход, авторы исследования раскрывают энергетическую систему ЕС как мультиакторную и многоуровневую систему. Благодаря данному подходу определена роль институтов ЕС в формировании его позиций в региональной и глобальной энергетике. Институциональный подход и метод качественного анализа документов позволили осуществить анализ ряда нормативно-правовых актов и деятельности институтов наднационального характера, создающихся ЕС в целях урегулирования энергетического рынка. Применение сравнительно-исторического анализа для выявления этапов формирования энергетической политики ЕС дало возможность выявить особенности генезиса энергетической политики и эффективность предпринимаемых Сообществом усилий в обеспечении энергетической безопасности ЕС.

Дискуссия

Следует отметить, что обзор работ по проблеме энергетической политики ЕС свидетельствует об интересе казахстанских экспертов к отдельным аспектам энергетической дипломатии Союза, в первую очередь к взаимодействию ЕС со странами Центральной Азии. Весомый вклад в разработку данных проблем, включая анализ этапов энергетической политики ЕС, внесли ряд казахстанских исследователей, акцентирующих внимание на проблемах энергетического сотрудничества РК и ЕС, в их числе Г.А. Мовкебаева (Мокевбаева, 2015), М.Ш. Губайдуллина (Губайдуллина, 2010), А.К. Нурша (Нурша, 2000), К.Е. Байзакова (Байзакова). Они отмечают возросший интерес Евросоюза к ЦА в связи с необходимостью обеспечения доступа к энергоресурсам региона и политикой ЕС по диверсификации маршрутов и источников сырья. Трансформация отношений между РК и ЕС в условиях глобализирующегося мира, роста конкуренции на рынках анализируются в работах Р.С. Курмангужина (Курмангужин, 2015), М.Т. Лаумулина (Лаумулин, 2013).

Данную тему объединяет обсуждение следующих вопросов: Как развитие европейской интеграции влияет на формирование европейской энергетической системы? Каков формат создающегося европейского энергетического рынка? Каков баланс между национальной и региональной политикой в сфере энергетики? Возможна ли единая энергетическая политика ЕС?

Хотелось бы подчеркнуть, что на начальном этапе европейской интеграции – в 50-е годы прошлого столетия – страны Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) объединились для использования возможностей общего рынка угля и стали. Таким образом, Франция, Германия, Италия и государства Бенилюкса пытались использовать потенциал общего рынка энергоресурсов и его надгосударственное регулирование для возрождения национальных экономик. Создание государствами-основателями европейской интеграции еще одного объединения, Европейского Сообщества по атомной энергии (Евратом) в 1957 году также является примером пристального внимания к вопросам энергетики и их попыткой рассмотрения на коммунарном уровне. Хотя и энергетический кризис 70-х гг. подтолкнул страны ЕЭС к определенной координации политик в сфере энергетики, тем

не менее, еще в течение нескольких десятилетий энергетические проблемы в Европейском Союзе находились под контролем национальных правительств.

Изменение подхода ЕС к энергетическим вопросам было связано с выходом Сообщества на качественно новую стадию интеграции: формирование экономического и политического союза на основе Маастрихтского договора, вступившего в силу в 1993 году. Однако в самом тексте Договора, учреждающего Европейское Сообщество, их содержание не раскрывалось. На основании данных положений 22 июня 1998 г. была принята Директива 98/30/СЕ Европейского Парламента и Совета «Об общих принципах внутреннего рынка природного газа». Главным завоеванием Директивы стало обеспечение равного и открытого права доступа к транспортным системам (Директива ЕС, 1998). Важно также подчеркнуть, что такие программы, как ТРАСЕКА, инициированная в мае 1993 г., и ИНОГЕЙТ (1995 г.), касающиеся непосредственно Республики Казахстан, появились в связи с тем, что в рамках Евросоюза именно в указанный период началась разработка концептуально-институциональных основ энергетической политики ЕС (ИНОГЕЙТ).

В середине 90-х гг. закладываются доктринальные основы общей энергетической стратегии Союза, закрепляемые в ряде документов Европейской Комиссии, в так называемых «белых» и «зелёных» книгах, в которых сформулированы в качестве основных целей: устойчивое развитие с акцентом на возобновляемых источниках энергии и энергоэффективности; конкурентоспособность и повышение эффективности европейской сети посредством реализации внутреннего энергетического рынка; и безопасность поставок энергоресурсов (Стратегия ЕС).

Европейский Союз начал заниматься урегулированием отношений с поставщиками, основой для которых стал подписанный в 1994 г. Договор к энергетической хартии (ДЭХ), который, в отличие от самой Хартии 1991 года, имеющей декларативный характер, является юридически обязательным международным актом. Договор к Энергетической Хартии стал правовым фундаментом широкого сотрудничества стран в энергетической сфере. Основная цель Договора к Энергетической Хартии – укрепление правовых аспектов в вопросах энергетики путем создания единого поля правил, которые должны соблюдать все участвующие стороны, таким образом, минимизируя риски, связанные с инвестициями

и торговлей в указанной области. Эти правила касаются всех структурных элементов энергетического рынка, будь то инвестиции в отрасль, производство энергии, торговля или транспортировка энергоресурсов. Положения ДЭХ относительно торговли энергоресурсами приведены в соответствии с правилами и практикой Всемирной Торговой Организации, которые основаны на фундаментальных принципах недискриминации, прозрачности и приверженности последовательной либерализации международной торговли (Договор к энергетической хартии).

Примечательно, что, несмотря на то, что подписало ДЭХ около 70 участников, из-за несогласия с предусмотренным им механизмом урегулирования споров между инвесторами и государством, его не ратифицировали такие основные энергетические партнеры ЕС, как Россия, Норвегия и США. Выбыла из процесса и Италия – одна из стран-основательниц ЕЭ. Следует отметить, 17 декабря 1994 г. Республика Казахстан первой из стран Центральной Азии подписала Договор к Энергетической хартии (ДЭХ) и Протокол по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам.

В 1999 году, со вступлением в силу Амстердамского договора, энергетический фактор становится показателем устойчивого развития ЕС. Необходимость рассмотрения вопросов энергетики на наднациональном уровне находит свое отражение в решениях главных органов ЕС, включая Европейскую Комиссию, Совет ЕС, Европарламент, тем самым, закрепляется намерение вести единую энергетическую политику.

Однако полномочия ЕС в области энергетической политики более четко в правовом контексте обозначены в Лиссабонском соглашении, вступившем в силу в 2009 г. Лиссабонский договор, таким образом, дал начало общей энергетической политике ЕС, которая вошла в сферу «коллективной ответственности» стран-членов.

В Лиссабонском соглашении в статье 176а указывается, что энергетическая политика Союза в духе солидарности между государствами-членами направлена на:

- обеспечение функционирования единого энергетического рынка;
- обеспечение безопасности энергоснабжения в Союзе;
- содействие повышению энергоэффективности и энергосбережению и развитию возобновляемых источников энергии;

– содействие объединению энергетических сетей.

Подчеркивается право государства-члена определять условия эксплуатации его энергетических ресурсов, его выбор между различными источниками энергии и общей структурой его энергоснабжения (Договор о ЕС, 1957). К примеру, директива ЕС 2003/55 2003 года закрепляла право национальных государств выбирать поставщиков газа. Но применение этого правового инструмента было минимальным, в силу того, что страны ЕС опасались открывать национальные рынки из-за страха конкуренции более мощных предприятий, к примеру, Германии, защищая своих операторов (Холст, 2007).

Третий энергетический пакет (ТЭП), принятый ЕС в 2009 г., ключевым аспектом которого стало ограничение монополии поставщиков газа и электричества, установил новый режим регулирования международной и межрегиональной торговли, а также газораспределительной системы. Однако, как оценивает немецкий эксперт К. Вестфаль, «степень реализации Третьего энергетического пакета в разных странах Евросоюза существенно различается. Если на Западе рынки, как правило, более либерализованы, то на Востоке стремятся к деприватизации и проведению централизованной энергетической политики» (Вестфаль, 2017).

Стратегия Европейского Союза «Стратегия 2020», принятая в ноябре 2010 года, определяет новые задачи энергетической политики ЕС. Принимается документ «Энергия 2020. Стратегия конкурентоспособной, устойчивой и безопасной энергетики», в котором основное внимание уделяется следующим приоритетным направлениям:

- достижение энергоэффективной Европы;
- создание интегрированного энергетического рынка в ЕС;
- расширение прав потребителей и достижение высокого уровня безопасности;
- расширение лидерства Европы в области энергетических технологий и инноваций;
- усиление внешнего измерения энергетического рынка ЕС [Энергетическая стратегия ЕС, 2010].

Безусловно, о значимости новой сферы коллективной ответственности свидетельствует принятие в мае 2014 года в ЕС Стратегии энергетической безопасности, направленной, в частности, на снижение зависимости от «отдельных видов топлива, поставщиков и маршрутов» (Стратегия энергетической безопасности ЕС, 2014).

Основными задачами, которые следует выполнить для достижения поставленной в Стратегии энергетической безопасности цели, являются увеличение внутренних мощностей по добыче, усиление энергоэффективности, развитие возобновляемых источников энергии (увеличение доли ВИЭ к 2020 г. до 20% в топливном балансе ЕС) и диверсификация поставщиков и инфраструктуры. В контексте обозначенной последней задачи было указано, что для обеспечения диверсификации поставок газа, в частности, необходимо активизировать работу над Южным газовым коридором, чтобы страны Центральной Азии могли экспортировать свой газ в Европу. Хотелось бы подчеркнуть, что энергодиалог является одним из значимых компонентов сотрудничества стран Центральной Азии и ЕС. Речь идет о поставках нефти и газа из Казахстана, Узбекистана и Туркменистана. Большое внимание уделяется именно Казахстану. Очевидно, что интересы ЕС связаны с ресурсным потенциалом нашей страны (Жанбулатова, 2018).

В Стратегии уделяется внимание проведению единой энергетической политики, включая информирование Еврокомиссии странами-членами о предполагаемых или заключаемых соглашениях с третьими сторонами, способными повлиять на энергетическую безопасность ЕС.

25 февраля 2015 г. Еврокомиссия опубликовала Рамочную стратегию для устойчивого энергетического союза, которая предусматривает выработку консолидированной позиции всех стран ЕС по вопросам энергетики, включая и взаимоотношения с третьими странами. Целью энергетического союза является предоставление потребителям из ЕС безопасной, устойчивой, конкурентоспособной и доступной энергии. Еврокомиссия предлагает рассмотреть варианты коллективных газовых закупок в кризисных ситуациях, что особенно актуально для стран, зависящих от единственного поставщика (страны Балтии и Восточной Европы). Энергетический союз предусматривает комплексный процесс управления и контроля, чтобы действия на европейском, региональном, национальном и местном уровнях способствовали достижению целей Энергетического союза (Рамочная стратегия, 2015).

В рамках создания Энергосоюза в феврале 2016 г. Еврокомиссия представила пакет, призванный обеспечить включение Евросоюза в процесс перехода мировой энергетики к низкоуглеродному развитию. Таким образом, Европейский Союз намерен обновить свое видение

европейской экономики, полностью декарбонизированной к 2050 году и нацеленной на достижение энергетической эффективности. Государства-члены приспособляют свою политику перехода к «чистой энергетике», чтобы максимально использовать технологические инновации, сохраняя при этом стабильность поставок энергоресурсов и обеспечивая социальную значимость реформ.

Оценивая деятельность ЕС в энергетической сфере как достаточно результативную, тем не менее, следует выделить и сохраняющиеся трудности в осуществлении единой политики.

Во-первых, и, главным образом, это отсутствие на сегодняшний день запланированной координации энергетических курсов стран-членов ЕС. Вопрос единого регулирования на уровне Европейской Комиссии энергетической политики стран пока остается открытым. Отношение к единому энергетическому рынку стран ЕС выражается с определенной долей скептицизма. На практике решения, касающиеся долгосрочных закупок нефти и газа, развития и совершенствования энергетической инфраструктуры, решения по использованию конкретных видов топлива, по-прежнему, осуществляются на национальном уровне. Недостаточный уровень интеграции внутреннего энергетического рынка, связанный с предпочтениями государств по реализации инфраструктурных проектов на двустороннем уровне, привели к отклонению предложений по созданию общего стратегического хранилища энергетических ресурсов, управление которого должно было осуществляться агентством ЕС. В частности, агентство по сотрудничеству энергетических органов регулирования было учреждено в соответствии с Регламентом Европейского Парламента и Совета № 713/2009 от 13 июля 2009 г. (Регламент Европарламента, 2009).

Многое, на наш взгляд, зависит от позиции Германии как ключевого игрока ЕС, которая считает, что полномасштабное внедрение общего рынка энергоносителей необходимо, но когда это касается энергоструктуры отдельно взятой страны, она должна иметь право на свободный выбор, исходя из своих реальных возможностей (Лихачев, 2014).

Во-вторых, одной из проблем остается отсутствие договоренностей между европейскими государствами по проблеме интегрирования газового рынка ЕС. Нет единства также по вопросам отношений с Россией. Такие государства, как Германия и Италия, которые являются

крупнейшими импортерами российского газа, заинтересованы в продолжении сотрудничества с Россией, что на данный момент выражается в их позиции по новым газотранспортным проектам («Северный поток-2», «Южный/Турецкий поток»). Противоположной позиции придерживаются страны Балтии и Польша. Можно согласиться с утверждениями российских экспертов, что подобные разногласия внутри ЕС мешают выработать и имплементировать единую энергетическую политику (Лихачев, 2015).

Стоит отметить, что, несмотря на ухудшение отношений между ЕС и Россией после кризиса с Украиной, ввоз российского газа не пострадал. Таким образом, в Европе сохраняется тенденция ориентации на Россию как на крупного поставщика ресурсов (импорт газа из России составляет на середину 2018 года 34%) (РЭН, 2018).

Как подчеркивают европейские эксперты, энергетический рынок ЕС недостаточно гибок и не позволяет оперативно реагировать на внешние воздействия, к примеру, чтобы противопоставить себя в качестве единой силы на евразийском континенте, где идет формирование нормативно-договорной базы энергетического сотрудничества стран-участниц Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества, а также наблюдаются растущие связи между Россией и Китаем на мировых энергетических рынках (Стагноро, 2009).

Заключение

В настоящее время имеет место тенденция нарастания экономической конкуренции на глобальном энергетическом рынке, что требует постоянного регулирования политического курса стран. Страны ЕС, руководствуясь необходимостью обеспечения энергетической безопасности, формируют общесоюзную и национальные энергетические политики.

В общей энергетической политике ЕС, приоритеты которой в определенной степени коррелируются с национальными приоритетами в обозначенной сфере, большое внимание уделяется целому ряду вопросов, в числе которых проблемы поиска надежных источников снабжения энергоносителями, диверсификация маршрутов транспортировки углеводородного сырья, энергоэффективность и развитие производства возобновляемых источников энергии, развитие новых технологий и энергетическая безопасность.

Анализ документов Европейского Союза показывает, что институционально-правовые нормы демонстрируют тренд на создание единого энергетического рынка Европейского Союза. Но также важно подчеркнуть, что в целом Европейский Союз на современном этапе активно участвует в смене «парадигмы энергетического

развития», связанной с отходом от углеводородной энергетики.

Таким образом, энергетическая политика Европейского Союза является ответом на развитие глобального энергетического рынка и направлена, главным образом, на реализацию целей Союза в целом.

Литература

Buzan B., Waver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security.*-Cambridge: Cambridge University Press.-2003., 594 p.

Мовкебаева Г.А. Энергетическая политика Европейского Союза в Центральной Азии // Вестник КазНУ серия международные отношения и международное право. – 2015. – №2. – С.122 – 128.

М.Ш.Губайдуллина. К вопросу о системе энергетической безопасности и ее основных рисков // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. – 2010. – №3-4. – С. 40-44.

Нурша А.К. Проблема правового статуса Каспийского моря во внешней политике прикаспийских государств // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. – 2000. – №1(3). – С.46-50.

Байзакова К.И. Политико-правовые основы сотрудничества Европейского Союза с государствами Центральной Азии. – Режим доступа: <http://www.kisi.kz/img/docs/910.pdf>

Курмангузин Р.С. Казахстанские предложения по сотрудничеству с Евросоюзом // Вестник МГИМО Университета, 2015. № (1). – С.80-88.

Лаумулин М. Т. Политика США и ЕС в Центральной Азии (сравнительный анализ) // Вызовы безопасности в Центральной Азии. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – С. 106-132.

Directive 98/30/CE du Parlement européen et du Conseil du 22/06/1998 concernant des règles communes pour le marché intérieur du gaz naturel // Journal officiel. 1998. L 204. P. 1–12.

INOGATE // http://www1.inogate.org/inogate_programme/inogate_archives/.

European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy. Green Paper Commission of the European Communities // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:I27062>

Договор к Энергетической Хартии // <https://energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf>

Traité sur le fonctionnement de l'Union européenne // http://www.traite-de-lisbonne.fr/Traite_de_Lisbonne.php?Traite=1

Holst C. Les nouveaux « degrés de la liberté » du marché de l'Allemagne // <http://www.ngv.ru/article.aspx?articleID=23407>

Вестфаль К. Энергетические отношения между Россией и ЕС – это история нарастающих институциональных несоответствий // <http://russiancouncil.ru/en/activity/publications/russia-eu-energy-relations/>

Energy 2020 A strategy for competitive, sustainable and secure energy // <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ.do?uri=COM:2010:0639:FIN:EN:PDF>

European Energy Security Strategy. COM (2014) 330 final. Brussels. May 28, 2014. // <http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/european-energy-security-strategy.pdf>

Жанбулатова Р.С. Энергетическая дипломатия ЕС в Центральной Азии на примере сотрудничества Франции и Казахстана // *Concorde*. – 2018. – № 5. – С. 66-69.

Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=COM%3A2015%3A80%3AFIN>

Regulation (EC) № 713/2009 of the Parliament of 13 July 2009 Establishing an Agency for the Cooperation of Energy Regulators // *Official Journal*. 2009. L 211. P. 15–35.

Лихачев В. Отношения России и ЕС в газовой сфере: взлеты и провалы. // *C:/Users/Acer/Desktop/Russia-EU-Energy-RIAC-DGAP-Report35ru.pdf*

Отношения России и ЕС в сфере энергетики. Доклад № 35/2017 [В.Л. Лихачев, К. Вестфаль]; Российский совет по международным делам (РСМД); Центр им. Роберта Боша Германского совета по международным отношениям. – М.: НП РСМД, 2017. – 24 с. // *C:/Users/Acer/Desktop/Russia-EU-Energy-RIAC-DGAP-Report35ru.pdf*

Международный форум «Российская энергетическая неделя» // <http://kremlin.ru/events/president/news/58701>

Stagnaro C., Testa F. Europe Still Needs an Internal Market for Energy // <http://online.wsj.com/article/SB123561332363877969>.

References

Buzan B., Waver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security.*-Cambridge: Cambridge University Press.-2003., 594 p.

Movkebaeva G.A. *Energeticheskaya Politika Evropeyskogo Soyuz v Centralnoi Azyy/ Vestnik KazNu Serya mezhhdunarodnoe otnosheniya y mezhhdunarodnoe pravo* . [European Union Energy Policy in Central Asia // KazNU Bulletin, series of international relations and international law] – 2015. – №2. – С.122 – 128.

M. Sh. Gubaydulina K voprosu o sisteme energeticheskoi bezopasnosti y ee osnovnyh riskov / Vestnik KazNU. Serya mezhdunarodnoe otnosheniya y mezhdunarodnoe pravo. [On the issue of the system of energy security and its main risks // Vestnik KazNU. A series of international relations and international law.] – 2010. – №3-4. – С. 40-44.

Nursha A.K. Problema pravovogo statusa Kaspiskogo moraya vo vneshnei Politike prikaspiiskiyh gosudarstv. Проблема правового статуса Каспийского моря во внешней политике прикаспийских государств // Vestnik KazNU. Serya mezhdunarodnoe otnosheniya y mezhdunarodnoe pravo. [The problem of the legal status of the Caspian Sea in the foreign policy of the Caspian states // Bulletin of KazNU. A series of international relations and international law] – 2000. – №1(3). – С.46-50.

Bayzakova K.Y. Politiko- pravovye jsnovy sotrudnichestvo Evropeiskogo Soiuzs s gosudarstvamy Centralnoy Azyy – Rezhim dostupa Political and legal foundations of cooperation of the European Union with the states of Central Asia. – Access mode: <http://www.kisi.kz/img/docs/910.pdf>

Kurmaguzhin R.C. Kazakhstanskyye predlozheniya po sotrudnichestvu s Evrosoiuzom// Vestnik MGYMO Universiteta [Kazakhstan proposals for cooperation with the European Union // Bulletin of MGIMO University] 2015. № (1). – С.80-88.

Laymulin M.T. Politika CSHA y EC v Centralnoi Azii (sravnitelnyi analiz)/ Vyzovy bezopasnosti Centralnoy Azyy- M.: ИМЭМО РАН, [US and EU Policies in Central Asia (Comparative Analysis) // Security Challenges in Central Asia. – M.: ИМЭМО РАН] 2013.- p. 106-132.

Directive 98/30/CE du Parlement européen et du Conseil du 22/06/1998 concernant des règles communes pour le marché intérieur du gaz naturel // Journal officiel. 1998. L 204. P. 1–12.

INOGATE // http://www1.inogate.org/inogate_programme/inogate_archives/.

European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy. Green Paper Commission of the European Communities // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:l27062>

Dogovor k Energeticheskoy Hartii // Energy Charter Treaty <https://energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf>

Traité sur le fonctionnement de l'Union européenne // http://www.traité-de-lisbonne.fr/Traite_de_Lisbonne.php?Traite=1

Holst C. Les nouveaux « degrés de la liberté » du marché de l'Allemagne // <http://www.ngv.ru/article.aspx?articleID=23407>

Vestphal K. Energeticheskyye otnasheniya mezhdru Rossiiy y EC- eto ystoriya narastayushih institucionalnyh nesootvetstviy. (Westphal K. Energy relations between Russia and the EU – this is the story of growing institutional inconsistencies) // <http://rus-siancouncil.ru/en/activity/publications/russia-eu-energy-relations/>

Energy 2020 A strategy for competitive, sustainable and secure energy // <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ.do?uri=COM:2010:0639:FIN:EN:PDF>

European Energy Security Strategy. COM (2014) 330 final. Brussels. May 28, 2014. // <http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/european-energy-security-strategy.pdf>

Zhanbulatova R.C. Energeticheskaya diplomatya EC v Centralnoi Azyy na primere sootrudnichestva Fracyi y Kazakhstana [EU energy diplomacy in Central Asia on the example of cooperation between France and Kazakhstan] // Concorde. -2018.-№ 5.- С.66-69.

Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=COM%3A2015%3A80%3AFIN>

Regulation (EC) № 713/2009 of the Parliament of 13 July 2009 Establishing an Agency for the Cooperation of Energy Regulators // Official Journal. 2009. L 211. P. 15–35.

V. Likhachev. Otnasheniya Rossiiy y EC v gazovoi cfere: vzlety y provaly [Relations of Russia and the EU in the gas sphere: ups and downs] //C:/Users/Acer/Desktop/Russia-EU-Energy-RIAC-DGAP-Report35ru.pdf

Otnasheniya Rossiiy y EC v sfere energetiki. Doklad № 35/2017 [B.J. Lyhachev, K. Vestphal]; Rosyiskiyi sovet po mezhdunarodnym delam (RCMD). Centr imeni Roberta Bosha Gemanskogo soveta po Mezhdunarodnym otnosheniyam. – M.: NP RCMD, 2017. – 24 c. [Relations between Russia and the EU in the field of energy. Report № 35/2017 [V.L. Likhachev, K. Westphal]; Russian Council on International Affairs (INF); Center them. Robert Bosch of the German Council on Foreign Relations. – M.: NP INF, 2017. – 24 s]// C:/Users/Acer/Desktop/Russia-EU-Energy-RIAC-DGAP-Report35ru.pdf

Mezhdunarodnyi forum «Rossyskaya energeticheskaya nedelya» (International [Forum «Russian Energy Week] // <http://krem-lin.ru/events/president/news/58701>

Stagnaro C., Testa F. Europe Still Needs an Internal Market for Energy // <http://online.wsj.com/article/SB123561332363877969>.

2-бөлім
**ҚАУІПСІЗДІК ЖӘНЕ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕР**

Section 2
**ISSUES OF SECURITY AND
INTERNATIONAL LAW**

Раздел 2
**ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ И
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Букенбаев Р.¹ Ахметов Е.²

¹доктор Ph.D., АО «БТА Банк», Казахстан, г. Алматы, e-mail: rm_bukenbayev@mail.ru

²доктор Ph.D., Казахский университет инновационных и телекоммуникационных систем, Казахстан, г. Уральск, e-mail: univer_ird75@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ УКРЕПЛЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В МЕЖАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ
(на примере анализа деятельности
Организации американских государств)**

Предметом данного исследования является деятельность институциональных органов по защите прав человека и его основных свобод, функционирующих в рамках Организации американских государств. В статье рассмотрены вопросы о том, как вышеуказанной организацией осуществляется действие по дальнейшей разработке и применению обязательств относительно уважения прав и основных свобод человека, и каких именно успехов она добилась в том направлении, и в частности, при проведении международного контроля за их фактическим соблюдением, а также каковы их перспективы в контексте укрепления глобальной международной системы защиты прав человека.

Для достижения цели и решения поставленной задачи проведен анализ перспектив укрепления международной правозащитной системы на примере деятельности Организации американских государств, как учреждения, в рамках деятельности которой успехи в рассматриваемой области являются более скромными, но вместе с тем с учетом опыта Организации Объединенных Наций и других региональных структур также развивается собственная региональная система защиты прав человека.

Авторы приходят к выводу, что функционирующая в настоящее время межамериканская система защиты прав человека по структуре и нормативно-правовой основе совпадает с европейской системой защиты прав человека. Но вместе с тем она не лишена отдельных серьезных недостатков по сравнению с признанными контрольными механизмами, функционирующими в европейском регионе.

Ключевые слова: Американская декларация, комиссия, Межамериканский Суд, Организация американских государств, права человека.

Bukenbayev R.¹, Akhmetov Y.²

¹Ph.D., JSC «BTA Bank», Kazakhstan, Almaty, e-mail: rm_bukenbayev@mail.ru

²Ph.D., Kazakhstan University of Innovative and Telecommunication Systems, Kazakhstan, Ural'sk, e-mail: univer_ird75@mail.ru

**On the issue of prospects for strengthening the international system
for the protection of human rights in the inter-American region
(on the example of the analysis of the activities of the Organization of American States)**

The subject of this study is the activities of the institutional bodies for the protection of human rights and its fundamental freedoms that operate within the framework of the Organization of American States. The article discusses issues such as how the aforementioned organization takes action to further develop and apply obligations regarding respect for human rights and fundamental freedoms, and how much success she has achieved in that direction, and in particular, in conducting international control over their actual compliance, as well as What are their prospects in the context of strengthening the global international system for the protection of human rights.

In order to achieve the goal and objectives, an analysis was made of the prospects for strengthening the international human rights system using the example of the Organization of American States, as an institution where activities in the area under review are more modest, but taking into account the experience of the United Nations and other regional structures developing its own regional system for the protection of human rights.

The authors conclude that the inter-American system for the protection of human rights, which is currently functioning, is structured in the legal framework of the European system for the protection of human rights. However, at the same time, it is not devoid of certain serious shortcomings in comparison with the recognized control mechanisms operating in the European region.

Key words: American Declaration, Commission, Inter-American Court, Organization of American States, human rights.

Букенбаев Р.,¹ Ахметов Е.²

¹PhD докторы, «БТА Банк» АҚ, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: rm_bukenbayev@mail.ru

²PhD докторы, Қазақстан инновациялық және телекоммуникациялық жүйелер университеті, Қазақстан, Орал қ., e-mail: univer_ird75@mail.ru

**Америкааралық аймақта адам құқықтарын қорғаудың
халықаралық жүйесінің нығаюының келешегі туралы
(Америкалық мемлекеттер ұйымының қызметін талдау мысалында)**

Аталған зерттеудің пәні болып адамның құқықтары мен оның негізгі бостандықтарын қорғау бойынша Америкалық мемлекеттер ұйымы шеңберінде қызмет жасайтын институционалдық органдардың қызметі табылады. Мақалада адамның құқықтары мен негізгі бостандықтарына қатысты міндеттемелерді одан әрі әзірлеу мен қолдану бойынша әрекет жоғарыда аталған ұйыммен қалай жүзеге асырылады, әсіресе олардың іс жүзінде сақталуына халықаралық бақылау жүргізу кезінде, сонымен қатар адам құқықтарын қорғаудың жаһандық халықаралық жүйесін нығайту мәнмәтінінде олардың келешегі қандай деген сынды сұрақтар қарастырылған.

Мақсатқа жету мен қойылған міндетті шешу үшін Америкалық мемлекеттер ұйымы қызметі мысалында халықаралық құқық қорғау жүйесінің нығаюының келешегіне талдау жасалынды. Осы ұйым қызметі шеңберінде қарастырылған аядағы жетістіктер ынсапты болып табылады. Бірақ, сонымен бірге, Біріккен Ұлттар Ұйымы мен басқа да аймақтық құрылымдардың тәжірибелерін есепке ала отырып, адам құқықтарын қорғаудың өзіндік аймақтық жүйесі даму үстінде деп айтуға болады.

Авторлар, қазіргі таңда жұмыс жасайтын адам құқықтарын қорғаудың америкааралық жүйесі құрылымы мен нормативтік-құқықтық негізі бойынша, адам құқықтарын қорғаудың еуропалық жүйесіне сәйкестеу келеді деген тұжырымға келеді. Бірақ, сонымен қатар, ол еуропалық аймақта жұмыс жасайтын жалпыға танылған бақылау тетіктерімен салыстырғанда, бөлек маңызды кемшіліктерден арылған емес.

Түйін сөздер: Американдық декларация, комиссия, Америкааралық Сот, Америкалық мемлекеттер ұйымы, адам құқықтары.

Введение

Современная международная система защиты прав человека с периода формирования – после принятия Устава Организации Объединенных Наций (далее – ООН) и в последующем разработки и принятия отдельных международно-правовых и иных договоров – продолжает развиваться в постепенном режиме, и, одновременно становится также объектом и предметом исследования на доктринальном уровне. При этом исторические и юридические факты в контексте действия концепции прав человека и его основных свобод все больше свидетельствуют о том, что постепенно происходит расширение их объема. Последняя тенденция в свою очередь обуславливает необходимость всесторонне и де-

тально регламентировать различные аспекты защиты прав человека в рамках специальных контрольных механизмов (органов), как судебных, так и несудебных. Эффективными среди существующих из них следует признать Европейский суд по правам человека Совета Европы и Суд Европейского Союза (далее – ЕС), хотя первоначально роль и значение последнего в защите прав человека были не столь заметными и востребованными. Наряду с отмеченными обстоятельствами происходят и серьезные изменения в функционирующей международной системе защиты прав человека, связанные, с одной стороны, с упразднением на универсальном уровне – ООН старых и созданием новых контрольных органов, а также отдельных процедур, а с другой, на региональном уровне – направленные на

повышение работоспособности и действенности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и других известных европейских учреждений, а также – устранение недостатков и урегулирование противоречивых ситуаций в аналогичных сферах деятельности Организации американских государств (далее – ОАГ), Африканского Союза (преемника Организации африканского единства) (далее – АС) и Организации исламского сотрудничества (до 2011 г. Организация Исламская конференция) (далее – ОИС). В итоге все эти меры призваны оптимизировать правозащитную деятельность данных структур в соответствии с интересами мирового сообщества, а также с новыми угрозами и вызовами, которые являются, в частности, следствием научно-технического прогресса. Здесь же обоснованно следует говорить о практике вмешательства международной контрольной системы в национальную юрисдикцию государств-участников (членов). Проблемы, которые нужно решать государствам и международным организациям в сфере защиты прав человека, касаются и Казахстана, где положение с ее обеспечением не всегда оценивается однозначно.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что международная система защиты прав человека требует нового теоретико-правового осмысления и разработки выводов и предложений (рекомендаций) согласно установленным и модифицирующимся международно-правовым стандартам в рассматриваемой области. При этом особо очевидными представляются факты, свидетельствующие о том, что в отличие от Совета Европы и ЕС возможности ОАГ, АС и ОИС по реальной защите прав и основных свобод человека должны быть непременно усилены, так как по общепринятым мнениям экспертов, специализирующихся по проблемам обеспечения безопасности человека и гражданина, они все еще далеки по качеству от Европейских стандартов и зачастую признаются малоэффективными. Обосновывают свои точки зрения специалисты тем, что только на основе схожести политических систем, их политической и правовой стабильности, исторического опыта, близости уровней социально-экономического развития, общих правовых традиций государств-членов возможна эффективная деятельность региональных структур (Лукашева, 1996: 486). В совокупном измерении сказанное означает, что возникающие вопросы относительно уважения прав и основных свобод человека как одного из основных принципов современного

международного права будут оставаться актуальными еще долгое время.

Тем не менее, стоит отметить, что в пределах юрисдикции этих учреждений формулируются собственные принципы и нормы соблюдения прав человека, накапливается необходимый опыт сотрудничества между государствами-членами, входящими в их членский состав и, в целом, идет общерегиональный процесс развития правозащитной деятельности. Но вместе с тем нужно признать, что все они нуждаются в совершенствовании.

Объектом исследования являются международные отношения, связанные с юридической защитой прав и основных свобод человека.

Предмет исследования – международно-правовые основы функционирования современной системы защиты прав человека и его основных свобод в межамериканском регионе, а также деятельность институциональных органов ОАГ как части этой системы.

Цель исследования состоит в том, чтобы комплексно проанализировать прошлое, нынешнее состояние, а также перспективы развития международно-правовой системы защиты прав человека в межамериканском регионе, и, выработать предложения по дальнейшему усовершенствованию этого процесса в данном регионе. Для достижения указанной цели поставлена задача рассмотреть и определить перспективы деятельности Организации американских государств в сфере защиты прав человека.

В процессе исследования темы были использованы такие общенаучные и специальные способы научного познания, как синтез, дедукция, сравнение, контент-анализ документов и материалов практики.

Нормативную и эмпирическую базу (основу) исследования составили базовые и специальные международные договоры, индивидуальные и коллективные научные труды (статьи, монографии, учебники, учебные пособия, аналитические записки), региональная судебная практика.

Защита прав человека и неотъемлемых от него свобод является специфичным, своеобразным, и, пожалуй, самым основополагающим институтом в рамках современного международного права прав человека и при исследовании обязывает непременно учитывать собственные особенности, сложившиеся и развивающиеся в правоприменительной практике, а также фундаментальные общетеоретические представления. Отдельные направления правозащитной деятельности как на доктринальном,

так и на нормотворческом и институциональном уровнях развивается и в других регионах планеты. В этой связи особого внимания и анализа заслуживают действия, осуществляемые в рамках ОАГ. Большое внимание содержанию становления и функционирования межамериканской системы защиты прав человека уделено в трудах T. Buergenthal, D. Cassel, G. von Glahn, C. Grossman, C. Naddeo, F. Newman, N. Paesasan, J.L. Taulbee, C. Trindade, D. Weissbrodt, D. Shelton, Д.В. Иванова, Е.А. Лукашевой, Г.Е. Лукьянцева, Е.В. Тарасьянц.

Вместе с тем, несмотря на значительное количество работ, следует отметить, что изучение перспектив укрепления международной системы защиты прав человека в отдельных регионах планеты в целом все еще носит фрагментарный характер и, следовательно, не может ограничиться лишь отдельными или узкоспециализированными исследованиями.

Основная часть

Принято считать, что межамериканская система защиты прав человека, включающая в качестве участников государства Южной и Северной Америк, а также Карибского бассейна, была создана после окончания Второй мировой войны и вступления в силу Устава ООН. Если говорить конкретно, то с подписанием 30 апреля 1948 года в Боготе (Колумбия) учредительного акта ОАГ, в которой было воспроизведено фундаментальное положение об уважении основных прав человека без различия относительно расы, национальности, религии или пола (п.1 ст.3) (Charter of the Organization of American States, 1948) и в соответствии с которым была одобрена Американская декларация прав и обязанностей человека. С 1959 года в ОАГ действует Межамериканская комиссия по правам человека, которая на протяжении многих лет осуществляла свою деятельность исключительно на основе только что указанной Декларации. С заключением 20 ноября 1969 года на Межамериканской дипломатической конференции в Сан-Хосе (Коста-Рика) Конвенции по правам человека сложилась двухуровневая система защиты прав человека. Согласно Конвенции был учрежден региональный контрольный механизм – Межамериканский Суд по правам человека.

С.К. Наддео, аргентинский юрист, ныне преподающий основы функционирования международной системы защиты прав человека в Гарвардской школе права (США) в степени доктора

юридических наук, отмечает, что таким образом в итоге к настоящему времени сформировалась двойная конституциональная структура межамериканской системы прав человека: одна система возникла после принятия Устава ОАГ, и другая создана после вступления в силу Американской Конвенции по правам человека в 1978 г. (Naddeo, 2013).

Первая подсистема охватывает те государства-члены ОАГ, которые признают действие Американской декларации прав и обязанностей человека, а также рекомендации, выносимые Межамериканской комиссией по правам человека в соответствии с этой Декларацией. Сегодня одиннадцать государств-членов ОАГ включены в эту категорию, это: Антигуа и Барбуда, Багамские Острова, Белиз, Канада, Куба (Grossman, 2010), Гайана, Сент-Люсия, Сент-Китс и Невис, Сент-Винсент и Гренадины, Тринидад и Тобаго (Parassan, 2001) и Соединенные Штаты Америки.

Вторая подсистема включает государства-члены ОАГ, которые являются сторонниками Конвенции по правам человека и признают юрисдикцию Межамериканского Суда. С 2010 года 21 государство-член ОАГ принадлежит к данной подсистеме: Аргентина, Барбадос, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай и Венесуэла. Вне этой группы государств остаются Доминика, Гренада и Ямайка, которые, хотя и присоединились к Конвенции по правам человека 1969 года, но до сих пор не сделали официальных заявлений о признании подсудности дел о нарушениях прав человека в пределах (компетенции) Межамериканского Суда.

В результате, как отмечает Г.Е. Лукьянцев, была создана *противоречивая ситуация*: Комиссия вынуждена применять Конвенцию только в отношении государств, ратифицировавших ее, в отношении не ратифицировавших ее государств применима только Декларация (Лукьянцев, 2000). С другой стороны, по замечаниям других ученых – Д. Шелтона и Д. Касселя, межамериканская система функционирует в виде взаимодействия (или взаимодополняемости) «мягкого» и «твердого» права (Shelton, 2000: 12-18), основного или «вторичного» источника (Cassel, 2006).

Американская декларация прав и обязанностей человека может рассматриваться одним из первых международных (региональных) актов прав человека современной эры, принятой

больше чем за шесть месяцев до Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года (Grossman, 2010). Она внесла серьезный вклад в развитие межамериканской системы защиты прав человека: во-первых, на ее основе была разработана концепция прав человека, признающая их естественный, неотъемлемый от индивида характер; во-вторых, ее нормы предоставляют возможность рассматривать права человека в широком понимании, которая может охватывать как гражданские и политические права, так и экономические, социальные и культурные права; в-третьих, она оставляет выбор за государствами, которые не хотели бы быть непосредственными участниками Конвенции по правам человека и, в-четвертых, она обеспечивает своеобразный баланс между правами и обязанностями человека (Trindade, 1998: 396).

Необходимо заметить, что Межамериканский Суд в своем интерпретационном решении относительно Декларации подтвердил тот факт, «что Декларация не является соглашением» (I/A Court H.R., 1989). Это «приводит к выводу о том, что она не имеет юридической силы» (I/A Court H.R., 1989). Суд в то же время посчитал нужным указать: «чтобы определить правовой статус Американской Декларации уместно смотреть на межамериканскую систему сегодня в свете развития, которому она подверглась начиная с принятия Декларации, вместо того, чтобы исследовать нормативные ценности и значение, которые этот инструмент имел в 1948 году» (I/A Court H.R., 1989). Речь идет о том, что, так как Декларация содержит и определяет основные права и обязанности, упомянутые в Уставе ОАГ, из нее вытекают права и обязанности для государств-членов. Другими словами, несмотря на формально политический характер, Декларация формирует и развивает содержание прав, свобод и обязанностей, предусмотренных Уставом организации и, следовательно, обязательно для соблюдения всеми членами ОАГ. Наряду с Судом эту позицию поддержала и Межамериканская Комиссия. Однако, несмотря на позиции Межамериканской Комиссии и Межамериканского Суда относительно правового характера Американской Декларации, многие государства-члены ОАГ, которые не являются участниками Американской конвенции по правам человека, отказались признавать объявленную обязательную силу Декларации и, следовательно, систематически стали игнорировать рекомендации Комиссии, адресованные напрямую им.

Как бы то ни было, Комиссия и Суд в настоящее время являются действующими. Если первая соответственно является тем контрольным органом, который осуществляет свою деятельность прежде всего в рамках Устава ОАГ и в контексте изложенных в Декларации прав и обязанностей человека, а затем уже в соответствии с Конвенцией, то второй непосредственно связан с Межамериканской Конвенцией. Согласно Уставу, на основании которого осуществляет свою деятельность Комиссия, закреплено право (ст.ст. 18 и 20) расследовать не только исключительно индивидуальные жалобы, но и ситуации без получения индивидуальной или межгосударственной петиций. При этом нужно отметить и такую особенность компетенции Комиссии, которая существенно отличает ее от европейской системы, как право индивидов подавать жалобу, не являясь прямой жертвой какого-либо нарушения. Комиссия одновременно рассматривает жалобы и со стороны неправительственных организаций, готовит годовые отчеты по странам, а также тематические отчеты. К примеру, в 2009 году Комиссия посетила семь государств-членов ОАГ, включая Гондурас и Соединенные Штаты. В Гондурасе представители Комиссии встретились с местными властями и с членами гражданского общества; в Соединенных Штатах Специальный докладчик Комиссии по правам рабочих-мигрантов и членов их семей посетил штаты Аризона и Техас. Комиссия также опубликовала два отчета по этим странам и шесть тематических отчетов. Во время обычных и внеочередных сессий Комиссия провела 89 слушаний и 44 рабочие встречи и одобрила главную реформу Правил Процедуры (Naddeo, 2013). По итогам рассмотрения жалоб Комиссия готовит доклад, который может затем быть передан в Межамериканский Суд по правам человека. Но передавать дела в Суд уполномочены только государства-члены и Комиссия. Решения Суда носят обязательный характер. Таким образом, еще раз отметим, «на те государства, которые не являются участниками Конвенции, не распространяется компетенция Суда, но зато нарушения прав человека такими государствами могут рассматриваться Комиссией» (Иванов, Тарасьянц, 2009: 30]. С.К. Наддео, будучи стажером и посещающим специалистом в Комиссии и Суде ОАГ, отмечает, что, в частности, в 2009 году Комиссия получила и рассмотрела в общей сложности 2064 петиции (Naddeo, 2013), содержащие обвинения или жалобы о нарушении положений Конвенции (ст. 44) (American Convention on Human

Rights, 1969). Государствами, против которых было подано больше жалоб, являлись Колумбия (237), Мексика (232), Перу (201) и Аргентина (159) (Naddeo, 2013). При этом, если говорить о четырех предыдущих годах, количество жалоб, полученных Комиссией, не очень различается (1323 в 2008 году, 1456 в 2007 году, 1325 в 2006 году и 1330 в 2005 году) (Naddeo, 2013).

Следует отметить и тот факт, что Комиссией в качестве неконвенционных созданы отдельные органы, действующие в рамках ОАГ, это, к примеру, Рабочая группа по тюрьмам и другим местам заключения свободы, Постоянное бюро специального докладчика по свободе мнений и их свободного выражения.

Межамериканская Конвенция предусматривает широкий перечень гражданских прав и свобод и, соответственно по аналогии с Европейской конвенцией 1950 года ограничен только ими. Среди них можно отметить право на жизнь (ст.4), которое должно защищаться законом «как правило, с момента зачатия», право на достойное лечение (ст.5), свободу от рабства (ст.6), свободу от законов, имеющих обратную силу (ст.9), свободу совести и религий (ст.12), право на семью (ст.17), право на имя (ст.18), в ст.ст. 19, 20 и 23 закреплены права ребенка, иные политические права и судебные гарантии. Недостающие экономические, социальные и культурные, так же как и в Конвенции Совета Европы, закреплены в Дополнительном протоколе, принятом в 1988 году. Единственное упоминание в виде общего пожелания содержится в ст.26 Конвенции, согласно которой государства-участники обязуются предпринимать посредством законодательных или иных подходящих мер шаги с целью достижения прогресса в области реализации прав, включенных в экономические, социальные, образовательные, научные и культурные стандарты в Уставе ОАГ в редакции Протокола, принятого в Буэнос-Айресе (Glahn, Taulbee, 2016: 25-36]. Там же говорится об их «последовательной реализации» (Newman, Weissbrodt, 1996: 257-302). Больше каких-либо специальных приложений к Конвенции, в которых закреплялись бы неотъемлемые права и свободы человека, не существует. В этом отношении более «выигрышной» для индивидов является Европейская конвенция, к которой для государств-участников, как мы уже отмечали, уже разработаны 16 протоколов.

В то же время Конвенции ОАГ присущи собственные, отличные от других международных договоров, в частности Международного пакта

о гражданских и политических правах, Европейской конвенции, особенности. Ими являются изложенные в ее тексте такие права, которые не предусмотрены в вышеуказанных актах, как право на защиту собственности, свобода от изгнания и коллективного выдворения иностранцев, право на содержание.

В отличие от Комиссии, Суд согласно установленной юрисдикции (ст.ст. 61, 62 Конвенции) имеет право рассматривать межгосударственные споры, относящиеся к толкованию и применению ее норм. Первое свое решение Суд вынес только 29 июля 1988 года, то есть через десять лет после вступления Конвенции в силу. Суд, состоящий по составу из семи судей, также правомочен давать консультативные заключения относительно толкования Конвенции и других актов, регулирующих вопросы защиты прав человека по просьбе государств-членов ОАГ и ее органов. Индивиды при этом лишены юридической возможности обращаться в Суд. К настоящему времени Судом публично рассмотрены 11 дел и осуществлены 24 частные слушания по спорным вопросам в рамках его очередных и внеочередных сессий.

Заключение

В целом проведенный обобщенный анализ функционирующей межамериканской системы защиты прав человека показывает, что она по структуре и нормативно-правовой основе совпадает с европейской. Но вместе с тем она не лишена отдельных серьезных недостатков по сравнению с признанными контрольными механизмами. Кроме вышеотмеченного обстоятельства, когда граждане государств-участников Межамериканской Конвенции лишены как такого права обращаться с петициями непосредственно в Межамериканский Суд, можно указать и на отсутствие у них реальных возможностей полностью воспользоваться предусмотренными Декларацией и Конвенцией процедурами в силу низкого уровня образованности, нестабильной политической ситуации, часто сопровождаемой военными переворотами, введением чрезвычайного положения, серьезными нарушениями со стороны государств. Комиссия в этой связи в своем отчете еще за 1997 год особенно акцентировала внимание на том, что имеют место такие противоправные действия, совершаемые представителями власти, как казнь без суда, пытки, исчезновение людей и принудительные выдворения (Naddeo, 2013).

В результате Комиссия установила, что серьезными нарушителями в области соблюдения прав человека являются Колумбия, Куба, Гаити и Венесуэла (Naddeo, 2013). В 2009 году этот список пополнился Гондурасом (Naddeo, 2013). Учитывая изложенные факты, можно сказать о том, что как Декларация, так и Конвенция разработаны в отрыве от реальной жизни и социально-экономических условий, сложившихся на Латиноамериканском континенте (Лукашева, 1996: 486). Здесь же есть смысл привести слова самого бывшего вице-президента Межамериканского Суда, американского профессора Т. Бюргентала, высказанные им в далеком 1984 году: «Политическая нестабильность региона, причин которой много и которая выражается в циклических и часто насильственных потрясениях... делает рискованным предсказание относительно будущей эффективности межаме-

риканской системы в области прав человека» (Buergethal, 1984: 487).

Также в завершение стоит отметить, что для большинства южноамериканских государств все еще свойственна абсолютизация государственного суверенитета и нежелание ограничивать его контрольными механизмами (консультативными и судебными органами) на основе специальных международно-правовых актов и приложений к ним. В контексте анализа функционирующих комиссий и судов учреждения выявлены как общие, схожие методы и принципы организации правозащитной сферы, так и отдельные недостатки, требующие устранения в целях дальнейшего совершенствования и особо акцентировалось внимание на том, что индивиды по аналогии с европейской системой должны получить доступ к защите прав, предусмотренных в Межамериканской Конвенции 1969 г.

Литература

Лукашева Е.А. (1996). Общая теория прав человека / руководитель авторского коллектива и ответственный редактор д.ю.н., проф. Е.А. Лукашева. – М.: Издательство НОРМА, 520 с.

Charter of the Organization of American States, 30 April 1948 // URL: http://www.oas.org/dil/treaties_A41_Charter_of_the_Organization_of_American_States.pdf

Naddeo C. (2013). The Inter-American System of Human Rights: A Research Guide. Published August/September // URL: http://www.nyulawglobal.org/Globalex/Inter_American_human_rights.htm

Grossman C. (2010). American Declaration on the Rights and Duties of Man and the Inter-American Commission on Human Rights // The Max Plank Encyclopedia of Public International Law / R. Woltman, ed., Oxford University Press. Online edition. URL: <http://www.mpepil.com>

Parassan N. (2001). The Legal Implications of Trinidad and Tobago's Withdrawal from the American Convention on Human Rights, 16 Am. U. Int'l L. Rev., 847.

Лукьянцев Г.Е. (2000). Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. М.: «Звенья», 279 с.

Shelton D. (2000). Law, Non-Law and the Problem of Soft-Law, in Commitment and Compliance, The Role Of Non-Binding Norms In the International Legal System, 1. Oxford: Oxford University Press, 588 p.

Cassel D. (2006). Inter-American Human Rights Law, Soft and Hard, in Comment and Compliance, The Role Of Non-Binding Norms In the International Legal System, 1 / Dinah Shelton ed. P. 393.

Trindade C. (1998). The Inter-American Human Rights System at the Dawn of the New Century: Recommendations for Improvement of its Mechanism of Protection // The Inter-American System of Human Rights, 395-6 / David J. Harris and Stephen Livingstone eds. Oxford: Clarendon Press, 616 p.

I/A Court H.R., Interpretation of the American Declaration of the Rights and Duties of Men within the Framework of Article 64 of the American Convention on Human Rights, Advisory Opinion OC-10/89 of July 14, 1989, Series A, No. 10, supra note 43, at paragraph 47.

Иванов Д.В., Тарасьянц Е.В. (2009). Международное право защиты и поощрения прав человека: прошлое, настоящее и будущее (Часть 2) // Московский журнал международного права. № 2. С. 22-43.

American Convention on Human Rights, 22 November 1969 // URL: http://www.oas.org/dil/treaties_B32_American_Convention_on_Human_Rights.pdf

Glahn G., Taulbee J.L. (2016). Law among nations: an introduction to public international law / Gerhard von Glahn, James Larry Taulbee. 10th ed. London: Routledge, Taylor and Francis Group, 720 p.

Newman F., Weissbrodt D. (1996). International Human Rights: Law, Policy and Process. Second edition. Cincinnati, Ohio: Anderson Publishing. P. 257-302.

Buergethal T. (1984). International Systems for the Protection of Human Rights // Human Rights in International Law: Legal and Policy Issues, Meron T. (ed.). Oxford. Vol. 2. 566 p.

References

- Lukasheva E.A. (1996). *Obshchaya teoriya prav cheloveka [The general theory of human rights] / rukovoditel' avtorskogo kollektiva i otvetstvennyy redactor d.yu.n., prof. E.A. Lukasheva. M.: Izdatel'stvo NORMA, 520 s.*
- Charter of the Organization of American States, 30 April 1948 // URL: http://www.oas.org/dil/treaties_A41_Charter_of_the_Organization_of_American_States.pdf
- Naddeo C. (2013). *The Inter-American System of Human Rights: A Research Guide. Published August/September // URL: http://www.nyulawglobal.org/Globalex/Inter_American_human_rights.htm*
- Grossman C. (2010). *American Declaration on the Rights and Duties of Man and the Inter-American Commission on Human Rights // The Max Plank Encyclopedia of Public International Law / R. Woltman, ed., Oxford University Press. Online edition. URL: http://www.mpepil.com*
- Parassan N. (2001). *The Legal Implications of Trinidad and Tobago's Withdrawal from the American Convention on Human Rights, 16 Am. U. Int'l L. Rev., 847.*
- Luk'yantsev G.E. (2000). *Evropeiskie standarty v oblasti prav cheloveka: teoriya i praktika funktsionirovaniya Evropeiskoi konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod [European standards in the field of human rights: theory and practice of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms]. M.: «Zven'ya», 279 s.*
- Shelton D. (2000). *Law, Non-Law and the Problem of Soft-Law, in Commitment and Compliance, The Role Of Non-Binding Norms In the International Legal System, 1. Oxford: Oxford University Press, 588 p.*
- Cassel D. (2006). *Inter-American Human Rights Law, Soft and Hard, in Comment and Compliance, The Role Of Non-Binding Norms In the International Legal System, 1 / Dinah Shelton ed. P. 393.*
- Trindade C. (1998). *The Inter-American Human Rights System at the Dawn of the New Century: Recommendations for Improvement of its Mechanism of Protection // The Inter-American System of Human Rights, 395-6 / David J. Harris and Stephen Livingstone eds. Oxford: Clarendon Press, 616 p.*
- I/A Court H.R., *Interpretation of the American Declaration of the Rights and Duties of Men within the Framework of Article 64 of the American Convention on Human Rights, Advisory Opinion OC-10/89 of July 14, 1989, Series A, No. 10, supra note 43, at paragraph 47.*
- Ivanov D.V., Taras'yants E.V. (2009). *Mezhdunarodnoe parvo zashchity i pooshchreniya prav cheloveka: proshloe, nastoyashchee i budushchee (Chast' 2) [International Law of Protection and Promotion of Human Rights: Past, Present and Future (Part 2)] // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. № 2. S. 22-43.*
- American Convention on Human Rights, 22 November 1969 // URL: http://www.oas.org/dil/treaties_B32_American_Convention_on_Human_Rights.pdf
- Glahn G., Taulbee J.L. (2016). *Law among nations: an introduction to public international law / Gerhard von Glahn, James Larry Taulbee. 10th ed. London: Routledge, Taylor and Francis Group, 720 p.*
- Newman F., Weissbrodt D. (1996). *International Human Rights: Law, Policy and Process. Second edition. Cincinnati, Ohio: Anderson Publishing. P. 257-302.*
- Buergethal T. (1984). *International Systems for the Protection of Human Rights // Human Rights in International Law: Legal and Policy Issues, Meron T. (ed.). Oxford. Vol. 2. 566 p.*

Зенин И.А.¹, Амангельды А.А.²

¹доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва,
e-mail: ivan.a.zenin@gmail.com

²доктор юридических наук, и.о. доцента кафедры международного права,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: aizhan_amangeldy@mail.ru

**ДОГОВОРЫ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВАХ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Интеллектуальные права в Российской Федерации и право интеллектуальной собственности в Республике Казахстан – сравнительно недавно сформировавшиеся подотрасли гражданского права. В этой связи анализируются особенности подходов российского и казахстанского законодателей по договорному регулированию отношений в вышеуказанной сфере права. Раскрываются содержание договоров по созданию объектов права интеллектуальной собственности, предоставлению и передаче исключительных прав в сфере авторского права, смежных прав, патентного права, на средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и услуг, на нетрадиционные объекты права интеллектуальной собственности (селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, ноу-хау). Рассматриваются спорные вопросы гражданского законодательства Российской Федерации, в частности, кодификация четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации. Раскрывается дискуссия по поводу содержания таких понятий как: «интеллектуальные права», «интеллектуальная собственность», «единые технологии», «исключительные права». Анализируются изменения в законодательстве Республики Казахстан в связи с принятием Закона Республики Казахстан от 20 июня 2018 года № 161-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства в сфере интеллектуальной собственности».

Ключевые слова: договор, интеллектуальные права, право интеллектуальной собственности, исключительное право, Российская Федерация, Республика Казахстан.

Zenin I.A.¹, Amangeldy A.A.²

¹doctor of legal Sciences, Professor of the Department of civil law, Lomonosov Moscow state University, Russia, Moscow, e-mail: ivan.a.zenin@gmail.com

²doctor of law, acting associate Professor of international law, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: aizhan_amangeldy@mail.ru

**Contracts intellectual property rights according to the legislation
of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan**

Intellectual rights in the Russian Federation and intellectual property rights in the Republic of Kazakhstan are relatively recent sub-sectors of civil law. In this regard, the features of the approaches of the Russian and Kazakh legislators on contractual regulation of relations in the above sphere of law are analyzed. The content of agreements on creation of objects of intellectual property rights, granting and transfer of exclusive rights in the field of copyright, related rights, patent law, means of individualization of participants of civil turnover, goods, works and services, non-traditional objects of intellectual property rights (selection achievements, topology of integrated circuits, know-how). Controversial is-

sues of the civil legislation of the Russian Federation, in particular, codification of the fourth part of the Civil code of the Russian Federation are considered. The discussion about the content of such concepts as «intellectual rights», «intellectual property», «common technologies», «exclusive rights» is revealed. Changes in the legislation of the Republic of Kazakhstan in connection with the adoption of the Law of the Republic of Kazakhstan dated June 20, 2018 № 161-VI ZRK «on amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on improvement of legislation in the field of intellectual property» are analyzed.

Key words: agreement, intellectual rights, intellectual property right, exclusive right, Russian Federation, Republic of Kazakhstan.

Зенин И.А.¹, Амангелді А.А.²

¹заң ғылымдарының докторы, азаматтық құқық кафедрасының профессоры, М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу мемлекеттік университеті, Ресей, Мәскеу қ., e-mail: ivan.a.zenin@gmail.com

²заң ғылымдарының докторы, халықаралық құқық кафедрасының доцент м.а., әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aizhan_amangeldy@mail.ru

Ресей Федерациясының және Қазақстан Республикасының заңнамасы бойынша зияткерлік құқықтар туралы шарттары

Ресей Федерациясындағы зияткерлік құқықтар және Қазақстан Республикасындағы зияткерлік меншік құқығы салыстырмалы түрде жақында қалыптасқан азаматтық құқықтың кіші салалары. Осыған байланысты жоғарыда аталған құқық саласындағы қатынастарды шарттық реттеу бойынша Ресей және қазақстандық заң шығарушылардың тәсілдерінің ерекшеліктері талданады. Зияткерлік меншік құқығы объектілерін құру, авторлық құқық, сабақтас құқықтар, Патенттік құқық саласындағы айрықша құқықтарды беру және беру, азаматтық айналымға қатысушыларды дараландыру құралдарына, тауарларға, жұмыстар мен көрсетілетін қызметтерге, зияткерлік меншік құқығының дәстүрлі емес объектілеріне (селекциялық жетістіктер, интегралдық микросхемалар топологиясы, ноу-хау) шарттардың мазмұны ашылады. Ресей Федерациясының азаматтық заңнамасының даулы мәселелері, атап айтқанда, Ресей Федерациясының Азаматтық кодексінің төртінші бөлігін кодификациялау қарастырылады. «Зияткерлік құқықтар», «зияткерлік меншік», «бірыңғай технологиялар», «ерекше құқықтар» ұғымдарының мазмұны бойынша пікірталас ашылады. Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне зияткерлік меншік саласындағы заңнаманы жетілдіру мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы талданады.

Түйін сөздер: шарт, зияткерлік құқық, интеллектуалдық меншік құқығы, айрықша құқық, Ресей Федерациясы, Қазақстан Республикасы.

Введение

Класс договоров об интеллектуальных правах во всем мире сформировался сравнительно недавно. Он включает договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности с приобретением на них исключительных прав и распоряжением данными правами. Этот класс договоров, естественно, не имеет латинского названия, подобного названиям, применявшимся еще в римском праве договоров классов *даре* (*даре* – о передаче вещей в собственность или аренду), *facege* (*фацере* – о выполнении работ) и *praestare* (*престаре* – об оказании возмездных услуг).

Сравнительно молодым является и законодательство о договорах об интеллектуальных правах как отдельных стран, включая Российскую Федерацию (далее – РФ) и Республику Казах-

стан (далее – РК), так и международные универсальные и региональные соглашения, прежде всего такие как Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года (*Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works*), Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 года (*Paris Convention for the Protection of Industrial Property*), Стокгольмская конвенция об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) 1967 года (*Convention Establishing the World Intellectual Property Organization*), Мадридское Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности – ТРИПС (1994 год) (*TRIPS Agreement*), Мюнхенская конвенция о выдаче европейских патентов 1973 года (*Convention on the Grant of European Patents*), действующая с 17 декабря 2007 года как Европейская патентная

конвенция 2000 года (*European Patents Convention*), а также Евразийская патентная конвенция 1994 года (*Eurasian Patent Convention*).

И совсем молодым является законодательство о договорах об интеллектуальных правах (т.е. о праве интеллектуальной собственности, понимаемом в соответствии с п. viii ст. 2 Стокгольмской конвенции как совокупность авторских, смежных, патентных и других исключительных прав) РФ и РК. Его основу составляют часть четвертая Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), принятая 18 декабря 2006 года и вступившая в силу с 1 января 2008 года (с отменой всех шести ранее действовавших федеральных законов об авторских, смежных, патентных, селекционных и других правах), и также принятые лишь в период с 1996 года по 2001 год аналогичные законы РК.

Важно и другое: нормы о договорах на создание результатов интеллектуальной деятельности и товарные знаки как средства индивидуализации с приобретением на них исключительных прав и на распоряжение данными правами формировались и в РФ, и в РК под воздействием необходимости учета сложного механизма перехода обеих стран от плановой экономики к рыночной (конкурентной) и одновременно инновационной экономике. В этой связи понятно, что комплекс норм о договорах об интеллектуальных правах изначально не мог быть идеальным и одновременно одинаковым в обеих странах.

Материал и методы

Сравнительный анализ законодательства РФ и РК о договорных формах приобретения исключительных прав и распоряжения ими призван способствовать устранению недостатков, улучшению и взаимообогащению договорного механизма в праве интеллектуальной собственности обеих стран. Во всяком случае уже сейчас (по истечении десяти лет со дня вступления в силу части четвертой ГК РФ) можно признать явным диссонансом как с многолетней имплементацией Россией норм ранее упомянутых и многих других международных соглашений, так и особенно с их двухуровневой законодательной формой отмену в связи с принятием указанной части ГК РФ шести федеральных законов об интеллектуальных правах. Думается, не в последнюю очередь именно отменой указанных законов объясняется внесение в часть четвертую ГК РФ только за десять лет более трехсот пятидесяти изменений и дополнений (Зенин, 2018:

5). То, что этого не сделано в РК, можно считать позитивным явлением.

С другой стороны, несомненным достоинством части четвертой ГК РФ, именно в плане регулирования договоров об интеллектуальных правах, является четкое закрепление в ее статьях 1229, 1233-1236 и других правомочия распоряжения исключительным правом. В связи с длительным отсутствием в российском законодательстве подобного обобщенного правомочия оно иногда подменялось в доктрине конструкцией «использования права на использование». Считалось, что использование, к примеру, авторских, патентных и других исключительных прав является ничем иным, как распоряжением данными правами. Внесение в часть четвертую ГК РФ правомочия распоряжения исключительным правом полностью отвечает рыночным условиям российской экономики.

Вместе с тем вряд ли целесообразно рекомендовать кому бы то ни было, в том числе юристам РК, сосредоточивать в одной и той же части закона об интеллектуальных правах нормы как о видах и содержании данных прав, так и о договорах об их приобретении и распоряжении ими, как это сделано в части четвертой ГК РФ. Договорный «блок» интеллектуальных исключительных прав должен быть помещен в часть вторую ГК РФ, посвященную отдельным видам договорных обязательств.

Не заслуживают поддержки также попытки отождествления договорных форм распоряжения исключительным правом с товарно-денежным оборотом вещей. Закрепление в части четвертой ГК РФ правомочия распоряжения данным правом позволяет подвести под отношения по распоряжению ими лишь квази-товарно-денежную конструкцию, облегчающую решение известной советской и современной российской проблемы тотального неиспользования или по крайней мере недоиспользования многих ценных достижений науки, техники и дизайна. Однако это не означает «товаризации» исключительных прав, попытки которой предпринимались в СССР и России, начиная с конца 80-х годов прошлого столетия в рамках «договоров на создание (передачу) научно-технической продукции» или «научной интеллектуальной собственности» (проект закона 1991 года), а также договоров о передаче права на технологию, содержащую как охраняемые, так и неохраняемые результаты интеллектуальной деятельности в соответствии с гл. 77 ГК РФ и Федеральным Законом от 25.12.2008

№ 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии».

Уязвимость всех отмеченных попыток «товаризации» исключительных прав обусловливается тем, что их инициаторы пытались и до сих пор пытаются противоестественными (экономически необоснованными) способами распространить (в аспекте реализации) внедрение в конечном счете научно-технических достижений (как охраняемые (типа изобретений), так и неохранные (типа ноу-хау) результаты умственного труда).

Одновременно (вопреки нематериальной природе указанных результатов) пытались и пытаются до сих пор использовать в отношении распоряжения исключительными правами на эти результаты или на передачу самих неохранных результатов классические механизмы товарно-денежного оборота товаров-вещей, в том числе механизм ценообразования на товары-вещи (Зенин, 2015: 21-23).

В литературе справедливо отмечалось, что правовая конструкция гл. 77 ГК РФ не отвечает в полной мере требованиям реального экономического оборота в сфере инновационных отношений, ее нормы «выглядят инородным телом в рамках части четвертой ГК РФ, выпадают из ее контекста и могут быть без особого для нее ущерба исключены» (Гаврилов: 2009, 947). Неслучайно сами «разработчики» части 4 ГК РФ уже давно предлагают целиком исключить главу 77 ГК РФ из ГК РФ. О целесообразности признания утратившей силу главы 77 ГК РФ, а также Федерального закона «О передаче прав на единые технологии» говорится и в Экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 26 ноября 2015 года № 147-5/2015 (Гражданское право России, 2016: 318).

Несмотря на это, в доктрине по-прежнему утверждается (при чем вопреки действующему п. 4 ст. 129 ГК РФ, по смыслу которого распоряжаться на договорной основе можно только на результат интеллектуальной деятельности, а не самим этим результатом) «о введении в оборот (эффективной коммерциализации)» «созданных результатов интеллектуальной деятельности», о контроле «за гражданским оборотом» данных результатов, о во влечении в «гражданский оборот... результатов интеллектуальной деятельности и объектов интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий» (Жамойдик, 2016: 17, 74, 148, 149). Необоснованно и утвержде-

ние другого автора, будь то не только права на «продукты творчества», но и сами эти продукты «приобретают значение одного из основных объектов экономического оборота» (Матвеев, 2016: 165).

К числу долговременных стратегических и зачастую дискуссионных проблем российского договорного права в сфере интеллектуальной собственности относится расширенное внедоговорное управление исключительными авторскими и смежными правами в соответствии с п. 3 ст. 1244 ГК РФ, легализация свободных (Мешкова, 2013: 13-17) или «глобальных» лицензий в сети Интернет (Зенин, 2015: 4-7) и в целом внедоговорного использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (Ситдикова, 2013: 1-53). Однако важен и анализ многих других уже легализованных договорно-правовых конструкций и поправок, внесенных в законодательство о договорах об интеллектуальных правах как Российской Федерации, так и Республики Казахстан.

Безусловно, специфика природы объектов интеллектуальной собственности отражается на договорных отношениях. Ранее, в частности, судебная практика в Республике Казахстан признавала в качестве оснований для приобретения, изменения или прекращения прав на объекты интеллектуальной собственности только те договоры, которые были предусмотрены специальным законодательством.

При этом следует отметить важную особенность казахстанского законодательства, заключающуюся в том, что исключительное право делимо на правомочия, эти правомочия определены в статье 16 Закона РК от 10 июня 1996 года № 6-І «Об авторском праве и смежных правах» (далее – ЗоАП), статье 11 Закона РК от 16 июля 1999 года № 427-І «Патентный закон РК», статье 14 Закона РК от 13 июля 1999 года № 422-І «Об охране селекционных достижений», статье 21 Закона РК от 26 июля 1999 года № 456-І РК «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», статье 7 Закона РК от 29 июня 2001 года № 217-ІІ «О правовой охране топологий интегральных микросхем». При этом хотелось бы отметить, что по законодательству РК правообладатель может передать как все исключительные права полностью, так и отдельные правомочия, то есть частично. И в этом состоит одно из существенных отличий от законодательства РФ, поскольку в РФ может быть предоставлено либо передано все исключительное право полностью, частич-

ной передачи (отчуждения, предоставления) не предусмотрено.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим договоры, которые являются основаниями для возникновения, изменения или прекращения прав на объекты интеллектуальной деятельности в РК.

В гражданском обороте имеют место случаи заключения договоров, в результате которых создаются объекты интеллектуальной собственности, так называемые договоры по созданию объектов интеллектуальной собственности. Самым распространенным является авторский договор заказа. Согласно статье 33 ЗоАП РК, по авторскому договору заказа автор обязуется создать произведение в соответствии с условиями договора и передать его заказчику. Заказчик обязан в счет обусловленного договором вознаграждения выплатить автору аванс. Размер, порядок и сроки выплаты аванса устанавливаются в договоре по соглашению сторон. Автор, не представивший заказное произведение в соответствии с условиями договора заказа, обязан возместить реальный ущерб, причиненный заказчику (Закон РК Об авторском праве и смежных правах).

Анализ статьи 33 ЗоАП РК свидетельствует, что предметом выступает произведение, которое автор обязуется создать и передать заказчику, но ввиду того, что это является существенным условием договора, считаем необходимым уточнить качества самого произведения. В этом есть различие в законодательном закреплении договора авторского заказа в РФ. А также из смысла ст. 33 ЗоАП РК следует, что автор передает полностью все исключительные права на созданный им объект.

В соответствии со статьей 1288 ГК РФ по договору авторского заказа одна сторона (автор) обязуется по заказу другой стороны (заказчика) создать обусловленное договором произведение науки, литературы или искусства на материальном носителе или в иной форме. Материальный носитель произведения передается заказчику в собственность, если соглашением сторон не предусмотрена его передача заказчику во временное пользование. Договор авторского заказа является возмездным, если соглашением сторон не предусмотрено иное (Гражданский кодекс РФ, 2013: 477).

Таким образом, мы видим, что ГК РФ четко определяет предмет как произведение науки, ли-

тературы и искусства на материальном носителе или в иной форме, а также то, что допускается не только передача в собственность материального носителя, но и во временное пользование объекта интеллектуальной собственности.

Как отмечают в юридической литературе, предмет такого договора необходимо указывать точно и конкретно: объем, вид, жанр, сфера применения, название, способы будущего использования заказчиком как произведения в целом, так и отдельных его частей. По сути, объектом договора заказа должно быть произведение, уже задуманное автором, а может быть даже уже сложившееся в голове автора, но еще не воспроизведенное им на каком-либо носителе (Камышанский, 2013: 558).

Помимо указанных характеристик, рекомендуется также определять в договоре предполагаемые цели создания и возможные способы использования, а также приложить к договору черновые наброски, описание стилистических особенностей, перечень действующих лиц, описания персонажей, синопсисы и т.д. Это дополнительно позволит защитить заказчика от случаев передачи автором прав на созданное произведение другим лицам, а автору поможет при разрешении споров в случае отказа заказчика принять созданное по авторскому договору заказа произведение (Козырев, 2007: 89).

К договорам по созданию объектов интеллектуальной собственности относятся и договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (далее – НИОКиТР).

В настоящее время согласно ГК РК договоры на выполнение научно-исследовательских работ и опытно-конструкторских и технологических (далее – НИОКиТР) являются разновидностью договора подряда, поэтому общие положения договора подряда распространяются на договоры НИОКиТР. По-иному регулирует данный вопрос ГК РФ, а именно: договоры на выполнение НИОКР относятся к самостоятельному договорному типу (гл. 38), но согласно статье 778 ГК РФ к срокам выполнения и цене работ, а также к последствиям неявки заказчика за получением результатов работ применяются соответствующие правила договора подряда. Таким образом, в ГК РФ реализовалась идея самостоятельности договоров на выполнение НИОКиТР. На наш взгляд, убедительную аргументацию в пользу выделения договоров на выполнение НИОКиТР в качестве самостоятельного типа, наряду с подрядом,

приводит М.И. Брагинский (Брагинский, 1999: 202-217).

В правовой литературе отражается мысль, что по своей юридической природе договоры на выполнение научно-исследовательских работ (далее – НИР) и опытно-конструкторских и технологических (далее – ОКИТР) близки к договорам подрядного типа, так как также направлены на выполнение определенных работ. Однако характер выполняемых работ и достигаемые по этим договорам результаты настолько отличаются друг от друга, что их вряд ли можно отнести к единому договорному типу. Так, если предметом договора подряда является результат обычной производственной деятельности подрядчика, все основные характеристики которого могут быть достаточно конкретно определены сторонами при заключении договора, то на исполнителей по договорам на выполнение НИР и ОКИТР возлагается, в сущности, решение творческих задач, которые нельзя точно предопределить заранее. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что выполнение НИР и ОКИТР нередко приводит к созданию новых объектов интеллектуальной собственности – авторских произведений, изобретений, промышленных образцов, секретов производства и т.п., условия использования которых требуют специального соглашения сторон. Это также накладывает существенный отпечаток на рассматриваемые договоры, которые с учетом всех отмеченных выше обстоятельств следует отнести к самостоятельному договорному типу (Сергеев, 2008: 421).

По нашему мнению, такие договоры являются смешанными по своей правовой природе, являясь договорами по выполнению работ, а также договорами по созданию объектов интеллектуальной деятельности.

При этом следует принять во внимание существование результатов научно-технической деятельности (далее – РНТД). В. Колчанов определяет их важные признаки:

1. Это продукт отношений между научной организацией, заказчиком и иными потребителями научной и (или) научно-технической продукции, в том числе государственными органами исполнительной власти.

2. Отношения возникают исключительно по поводу создания, передачи и использования научной и (или) научно-технической продукции, выполнения (оказания) научных, научно-технических, инженерно-консультационных и иных работ (услуг).

3. Обязательно требование РНТД с использованием бюджетного финансирования.

4. РНТД представляет собой объекты авторского, патентного или иного интеллектуального права, предусмотренного частью четвертой ГК РФ, либо совмещает в себе охраняемые РИД с неохраняемыми, либо это РИД, которые потенциально способны к правовой охране (Колчанов, 2010: 81).

Таким образом, результатом договора на выполнение НИОКИТР может быть объект интеллектуальной собственности, результат мыслительной, творческой деятельности человека. Результатом же договора подряда являются материальные блага. Мы считаем, что правовое регулирование результатов интеллектуальной, творческой деятельности и материальных объектов в договорных отношениях должно обладать специфическими чертами, то есть в этом договоре можно усмотреть черты договоров о создании объектов интеллектуальной собственности.

В продолжение исследования рассмотрим договоры в сфере интеллектуальной собственности, к которым относятся договоры, направленные на предоставление права на использование объектов интеллектуальной собственности, которые включают в себя лицензионные договоры, договор комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга).

Термин «комплексная предпринимательская лицензия» является наиболее точным, с точки зрения казахстанского законодателя, смысловым синонимом термина «франчайзинг», который широко используется в законодательстве большинства экономически развитых стран мира (Сулейменов, 2006: 285).

В ГК РФ договорные отношения по передаче и использованию комплекса исключительных прав урегулированы главой 54, которая называется «Коммерческая концессия».

Термин «коммерческая концессия» не является устоявшимся. Многие авторы считают этот термин неудачным. Сам термин «коммерческая концессия» имеет хождение в немногих странах (Франция, Бельгия, Швейцария и некоторых других). В большинстве же государств договор данной разновидности прямо так и именуется – «эксклюзивным» («исключительные»), а сторона, получающая право на исключительное распространение товаров, – «эксклюзивный дистрибьютор» (Сосна, 1997: 25).

Как пишут в российской литературе, договор коммерческой концессии (франчайзинг) – новый для нашего гражданского права. Эта идея

в значительной мере заимствована из развитых правовых порядков, где этот договор получил достаточно широкое распространение. Фактическое использование такого договора в отечественных условиях сделало необходимым и специальное законодательное оформление данных взаимоотношений (Комментарий к части второй Гражданского кодекса РФ для предпринимателей, 1996: 246).

Л.О. Красавчикова, анализируя место договора коммерческой концессии среди иных договоров концессионного типа, обращает внимание на разнородность договоров, которые законодательством РФ отнесены к концессионному типу. В этот тип вошли и договор подряда, в том числе на выполнение строительных работ, и договор аренды, и договор доверительного управления, и неизвестный ГК РФ договор концессии объектов, находящихся в муниципальной собственности. О.А. Красавчикова пишет, что если вспомнить о предмете договора коммерческой концессии, который составляет комплекс исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, то становится понятной невозможность отнесения указанного договора к тем договорам концессионного типа, о которых идет речь в постановлении Правительства РФ, утверждающего Подпрограмму «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса РФ». Ныне действующие положения ГК РФ о коммерческой концессии вообще не предназначены для улучшения управления объектами коммунальной инфраструктуры, находящимися в муниципальной собственности. Для устранения сложившегося противоречия автору представляется необходимым внесение изменений в действующий ГК РФ, данный договор, по мнению автора, может быть назван в соответствии с Модельным кодексом для стран СНГ «Комплексная предпринимательская лицензия» (Красавчиков, 2002: 89-90).

Мы согласны с мнением Л.О. Красавчиковой, такое наименование договора не вполне верно и неудачно, например, в Казахстане предусматриваются концессионные контракты в сфере недропользования, которые относятся к арендному типу контрактов.

Неясность терминологии, по мнению Д. Бондаренко, не свидетельствует положительно в пользу используемой в законе терминологии. Автор считает, что в среде предпринимателей термин «договор коммерческой концессии» не востребован, поскольку на международном уровне, так же как и в России, общественные ор-

ганизации используют в названиях, документах, руководствах термин «франчайзинг» (Бондаренко, 2011: 10-11).

Таким образом, название «коммерческая концессия» не отражает сущности отношений, регулируемых нормами гл. 54 ГК РФ. Это явилось следствием того, что использованное законодателем понятие «коммерческая концессия» в качестве названия гл. 54 ГК РФ не соответствует реальным отношениям, возникающим при франчайзинге.

Учитывая идеальную природу объектов, которые являются предметом регулирования договоров в сфере интеллектуальной собственности, законодательство РК не стоит на месте, постоянно вносятся изменения и дополнения. Так, в 2018 году законодательство РК об интеллектуальной собственности в части договорного регулирования отношений получило свое дальнейшее развитие путем принятия Закона Республики Казахстан от 20 июня 2018 года № 161-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства в сфере интеллектуальной собственности» (Закон РК О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства в сфере интеллектуальной собственности).

Так, в Гражданский кодекс РК от 01 июля 1999 года № 409-І (Гражданский кодекс РК) были внесены изменения, в частности, статьями 897-1, 966, 1001, 1031 ГК РК предусмотрено, что под термином «предоставление права на использование объекта интеллектуальной собственности» понимается заключение договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга), лицензионного договора.

В настоящее время в ст. 966 ГК РК изменены условия использования объекта интеллектуальной собственности при выдаче исключительной лицензии, а именно: до 20 июня 2018 года лицензиар сохранял право использования переданного им объекта, после указанной даты правообладатель лишен данной возможности. Более того, произошла смена терминологии и соответственно содержания лицензий и лицензионных договоров.

Изменения и дополнения коснулись также и ст. 18 Закона Республики Казахстан от 13 июля 1999 года «Об охране селекционных достижений» (Закон РК «Об охране селекционных достижений») (далее – Закон РК о селекционных

достижениях), поскольку аналогично ГК РК был введен термин «предоставление права использования селекционного достижения», означающий заключение лицензионного договора, договора комплексной предпринимательской лицензии или иного договора с лицензиаром, включающего условия лицензионного договора. Из этого следует вывод, что предоставление права на использование селекционного достижения возможно не только путем договоров, закрепленных специальным законодательством РК, но и посредством заключения других соглашений, например, в виде смешанного договора в форме договора подряда, аренды, оказания услуг и прочее, то есть тем самым расширено применение условий лицензионного договора в иных договорных типах, что расширяет возможности предоставления прав на использование селекционных достижений посредством заключения разных договоров. Ранее такое (до 20 июня 2018 года) было возможно только при заключении лицензионных договоров.

Претерпели изменения содержание и название таких видов лицензий как исключительная и полная лицензии. Так, в ст. 18 Закона о селекционных достижениях предоставление лицензиаром лицензиату права использования селекционного достижения с сохранением за лицензиаром возможности его использования, но без права выдачи лицензии другим лицам в настоящее время именуется единственной лицензией. При этом до изменений и дополнений от 20 июня 2018 года данная лицензия называлась исключительной. Более того, предоставление лицензиаром лицензиату права использования селекционного достижения без сохранения за лицензиаром возможности его использования и без права выдачи лицензии другим лицам называется исключительной лицензией. Следует отметить, что до указанных изменений и дополнений данная лицензия называлась полной.

В ст. 20-1 Закона РК о селекционных достижениях» в соответствии с нормами ГК РК введено понятие «передача исключительного права на селекционное достижение», означающее заключение договора уступки, что из смысла законодательства РК означает отчуждение исключительных прав на селекционные достижения.

Вместе с тем, дополненной статьей 20-2 Закона РК о селекционных достижениях «Условия регистрации передачи исключительного права и предоставления права на использование селекционного достижения» предусмотрены основания:

1) временно препятствующие регистрации лицензионного договора и договора уступки и
2) для отказа в регистрации лицензионного договора и договора уступки.

Так, в соответствии с п. 3 ст. 20-2 Закона о селекционных достижениях основаниями, временно препятствующими регистрации, являются:

1) наличие срока для восстановления прекращенного действия исключительного права на селекционное достижение;

2) представление неполного пакета документов либо несоответствие сведений в представленных документах;

3) несоответствие сведений в представленных документах сведениям в Государственном реестре селекционных достижений.

Согласно п. 5 ст. 20-2 вышеуказанного Закона РК основаниями для отказа в регистрации являются:

1) истечение срока для восстановления прекращенного действия исключительного права на селекционное достижение;

2) истечение срока для устранения оснований, временно препятствующих регистрации;

3) получение заявления о регистрации от лица, не являющегося стороной договора;

4) отсутствие регистрации лицензионного договора или дополнительного соглашения к нему;

5) наличие у стороны принятых обязательств, препятствующих предоставлению права на использование селекционного достижения.

Следует также отметить изменения и дополнения, внесенные в Закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 года «Патентный закон Республики Казахстан» (далее – Патентный закон РК) (Патентный закон Республики Казахстан).

В ст. 14 Патентного закона РК понятие «предоставление права на использование объекта промышленной собственности» расширено, а именно: это заключение не только лицензионного договора, но и договора комплексной предпринимательской лицензии или иного договора с лицензиаром, включающего условия лицензионного договора.

В данной статье аналогично нормам Закона о селекционных достижениях изменено название и содержание таких лицензий как исключительная и полная. Предоставление лицензиаром лицензиату права использования объекта промышленной собственности с сохранением за лицензиаром возможности его использования, но без права выдачи лицензии другим лицам именуется единственной лицензией. Отметим, что

до 20 июня 2018 года она именовалась исключительной лицензией.

Лицензия же без сохранения за лицензиаром возможности его использования и без права выдачи лицензии другим лицам – исключительной лицензией. При этом до 20 июня 2018 года данная лицензия называлась полной.

Дополненный статьей 14-1 Патентный закон РК для лицензионных договоров и договоров уступки введены единые основания, временно препятствующие их регистрации, а также основания для отказа в регистрации данных договоров.

Как мы видим, существенно претерпели изменения нормы о лицензиях. Положительный или отрицательный эффект покажет практика. Сам по себе термин «исключительный» вносит много путаницы, поскольку под исключительными правами в законодательстве РК понимаются имущественные права на объекты интеллектуальной собственности.

Изменения и дополнения также коснулись и Закона Республики Казахстан от 26 июля 1999 года «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (далее – Закон РК о товарных знаках) (Закон Республики Казахстан «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»).

В частности, в ст. 21 Закона РК о товарных знаках конкретизирован и уточнен понятийный аппарат по договорам, а именно:

1) передача исключительного права на товарный знак означает заключение договора уступки прав;

2) предоставление права использования на товарный знак – это заключение договора комплексной предпринимательской лицензии или иного договора (лицензионного договора).

Считаем, данные изменения имеют свои положительные стороны, так как предоставление права на использование товарного знака происходит на практике на основании разных договоров, в частности, договоров о совместной деятельности, продажи предприятий, и до этих изменений суды такие договоры основанием для предоставления прав на товарный знак не считали, буквально трактуя нормы Закона о товарных знаках, которые кроме лицензионного договоров и договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) ничего не предусматривали.

Конечно, не мешало бы и при передаче исключительного права на товарный знак не ограничиваться только договором уступки.

Также в этой же ст. 21 Закона РК о товарных знаках детализирована процедура регистрации договора уступки и лицензионного договора. Передача или предоставление исключительного права подлежат регистрации в течение десяти рабочих дней, следующих за днем получения заявления заинтересованной стороны договора.

Следует отметить, что изменены основания, временно препятствующие регистрации передачи права на товарный знак или предоставления права на его использование, а именно:

1) наличие срока для восстановления прекращенного действия исключительного права на товарный знак;

2) представление неполного пакета документов либо несоответствие сведений в представленных документах;

3) несоответствие сведений в представленных документах сведениям, содержащимся в Государственном реестре товарных знаков или в реестре, который ведется в соответствии с международным договором, ратифицированным Республикой Казахстан.

Также в ст. 21 Закона РК о товарных знаках также увеличен и изменен перечень оснований для отказа в регистрации передачи права на товарный знак или предоставления права на его использование:

1) истечение срока для восстановления прекращенного срока действия исключительного права на товарный знак;

2) истечение срока для устранения оснований, временно препятствующих регистрации;

3) получение заявления о регистрации от лица, не являющегося стороной договора;

4) отсутствие регистрации права на распоряжение исключительным правом на товарный знак;

5) введение в заблуждение относительно товара или его изготовителя в случае передачи права на товарный знак;

6) наличие у стороны принятых обязательств, препятствующих предоставлению права на использование товарного знака.

Заключение

Проанализировав вышеуказанные изменения в законодательстве РК, касающиеся договорного регулирования в сфере интеллектуальной собственности, приходим к выводу, что оборот исключительных прав на результаты интеллектуальной творческой деятельности и средства индивидуализации участников, товаров, работ

и услуг совершенствуется. В этом и заложена специфика объектов интеллектуальной собственности, правовое регулирование которых не стоит на месте, благодаря своей идеальной природе. Большим прорывом стало не только уточнение понятий «предоставление» и «передача», но и расширение перечня договоров, ко-

торые могут являться основанием возникновения, изменения, прекращения прав на объекты интеллектуальной собственности, что, безусловно, делает более гибким подход к правовому оформлению передачи либо предоставления исключительных прав в правоприменительной деятельности.

Литература

- Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works // [<http://www.wipo.int/treaties/en/ip/berne/index.html>]
 Paris Convention for the Protection of Industrial Property// [<http://www.wipo.int/treaties/en/ip/paris/index.html>]
 Convention Establishing the World Intellectual Property Organization // [http://www.wipo.int/treaties/en/text.jsp?file_id=283807]
 World Trade Organization (WTO) – Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS Agreement) (1994) // [http://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/text.jsp?file_id=379915]
 Convention on the Grant of European Patents // [<http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=13944>]
 European Patents Convention // [http://www.wipo.int/wipolex/en/other_treaties/details.jsp?group_id=21&treaty_id=226]
 Eurasian Patent Convention // [http://www.wipo.int/wipolex/en/other_treaties/details.jsp?group_id=21&treaty_id=228]
 Зенин И.А. Гармония и диссонанс справедливости, морали и публичного порядка в российском праве интеллектуальной собственности // *Право интеллектуальной собственности*. 2018, № 1 (51). С. 4-10.
 Зенин И.А. Проблемы российского права интеллектуальной собственности (Избранные труды). – М.: Статут, 2015. – 525 с.
 Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского Кодекса Российской Федерации (постатейный). – М.: Экзамен, 2009. – 978 с.
 Гражданское право России: наука, законы, правосудие, итоги года / Материалы международной конференции. – М.: Статут, 2016. – 368 с.
 Жамойдик К.М. Введение в гражданский оборот результатов НИОКР, выполненных по государственному контракту. Дисс. канд.юрид.наук. – М., 2016. – 189 с.
 Матвеев А.Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: Дисс. докт.юрид.наук. – М., 2016. – 460 с.
 Мешкова К.М. Коллективное управление исключительными авторскими и смежными правами в сети интернет в РФ и ЕС// *Право интеллектуальной собственности*. 2013. – №6. – С. 13-17.
 Зенин И.А. О концепции глобальной лицензии как инструменте управления правами на объекты интеллектуальной собственности в цифровой среде // *Право интеллектуальной собственности*. – 2015. – № 3. – С. 4–7
 Ситдикова Р.И. Гражданско-правовой механизм охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом: автореф. на соискание уч.степени докт.юрид. наук. – Казань, 2013. – 53 с.
 Закон РК от 10 июня 1996 года № 6-1 «Об авторском праве и смежных правах» // *Интеллектуальная собственность в Республике Казахстан: Сборник нормативных актов*. – Алматы: ЮРИСТ, 2009. – С. 19.
 Гражданский кодекс РФ. – М.: Статут, 2013. – С. 477.
 Гражданское право. В 2 ч. Ч. 2: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 558.
 Козырев В.Е., К.Б. Леонтьев. Авторское право: вводный курс: учеб. пособие. – М.: Университетская книга, 2007. – С. 89.
 Брагинский М.И. Договор подряда и подобные ему договоры. – М.: Статут, 1999. – С. 202–217.
 Гражданское право: учебник в 3 т. Т. 2. 4-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М.: Проспект, 2008. – С. 421.
 Колчанов В.О. О правовом содержании понятия «результаты интеллектуальной деятельности» // *Хозяйство и право*. – №11. – 2010. – С. 81.
 Гражданский кодекс РК (Особенная часть). Комментарий (постатейный): в двух книгах. Книга 2 / Отв. ред. М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. – Алматы, 2006. – С. 285.
 Сосна С.А. Новое в гражданском праве: франчайзинг // *Государство и право*. – 1997. – № 7. – С. 25.
 Комментарий к части второй Гражданского кодекса РФ для предпринимателей. – М.: Фонд «Правовая культура», 1996. – С. 246.
 Красавчикова Л.О. Коммерческая концессия в системе гражданско-правовых договоров концессионного типа // *Гражданское законодательство*. Вып. 14. – Астана: ЗО Институт законодательства РК, 2002. – С. 89–90.
 Бондаренко Д. Комплекс исключительных прав, деловая репутация и коммерческий опыт в договоре коммерческой концессии. Окончание // *ИС. Промышленная собственность*. – № 9. – 2011. – С. 10–11.

Закон Республики Казахстан от 20 июня 2018 года № 161-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства в сфере интеллектуальной собственности» // [http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33153855]

Гражданский кодекс РК от 01 июля 1999 года № 409-I (Особенная часть) // [http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880#pos=2420;-58]

Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года «Об охране селекционных достижений» // [http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014046]

Закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 года «Патентный закон Республики Казахстан» // [http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013991#pos=62;-250]

Закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 года «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014203

References

- Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works // [http://www.wipo.int/treaties/en/ip/berne/index.html]
- Bondarenko D. (2011) Kompleks isklyuchitel'nyh prav, delovaya reputaciya i kommercheskij opyt v dogovore kommercheskoj koncessii [The complex of exclusive rights, business reputation and commercial experience in the contract of commercial concession]. *Okonchanie //IS. Promyshlennaya sobstvennost'*. – № 9. – S. 10–11.
- Braginskij M.I. (1999) Dogovor podryada i podobnye emu dogovory [Contract and similar contracts]. – М.: Statut. – S. 202–217.
- Convention on the Grant of European Patents // [http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=13944]
- Convention Establishing the World Intellectual Property Organization // [http://www.wipo.int/treaties/en/text.jsp?file_id=283807]
- European Patents Convention // [http://www.wipo.int/wipolex/en/other_treaties/details.jsp?group_id=21&treaty_id=226]
- Eurasian Patent Convention // [http://www.wipo.int/wipolex/en/other_treaties/details.jsp?group_id=21&treaty_id=228]
- Gavrilov E.P., Yeremenko V.I. (2009) Kommentarij k chasti chetvertoy Grazhdanskogo Kodeksa Rossijskoj Federatsii (postatejnyj) [Commentary on the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation (article by article)]. М., Ekzamen. 978 s.
- Grazhdanskij kodeks RF (2013) [Civil Code of RF]. – М.: Statut. – S. 477.
- Grazhdanskoe pravo (2013) [Civil law]. V 2 ch. CH. 2: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyu «Yurisprudenciya» / Pod red. V.P. Kamyshanskogo, N.M. Korshunova, V.I. Ivanova. – М.: YUNITI-DANA. – S. 558.
- Grazhdanskoe pravo (2008) [Civil law]: ucheb.: v 3 t. T. 2. 4-e izd., pererab. i dop. / Otv. red. A.P. Sergeev, YU.K. Tolstoj. – М.: Prospekt, 2008. – S. 421.
- Grazhdanskij kodeks RK (2006) (Osobennaya chast') [Civil Code of RF. Special part]. Kommentarij (postatejnyj): v dvuh knigah. Kniga 2 / Otv. red. M.K. Sulejmenov, YU.G. Basin. – Almaty. – S. 285.
- Grazhdanskij kodeks RK (1999) № 409-I (Osobennaya chast') [Civil Code of RF. Special part] // [http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880#pos=2420;-58]
- Kozyrev V.E., K.B. Leont'ev (2007). Avtorskoe pravo: vvodnyj kurs [Copyright: introductory course]: ucheb. posobie. – М.: Universitetskaya kniga. – S. 89.
- Kolchanov V.O. (2010) O pravovom sodержanii ponyatiya «rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti» [on the legal content of the concept «results of intellectual activity»] // *Hozyajstvo i pravo*. – №11. – S. 81.
- Komentarij k chasti vtoroj Grazhdanskogo kodeksa RF dlya predprinimatelei (1996) [Commentary on Part Two of the Civil Code of the Russian Federation for Entrepreneurs]. – М.: Fond «Pravovaya kul'tura». – S. 246.
- Krasavchikova L.O. (2002) Kommercheskaya koncessiya v sisteme grazhdansko-pravovyh dogovorov koncessionnogo tipa [Commercial concession in the system of civil contracts of concession type] // *Grazhdanskoe zakonodatel'stvo*. Vyp. 14. – Astana: ZO Institut zakonodatel'stva RK. – S. 89–90.
- Materialy Mezhdunarodnoj konferencii «Grazhdanskoe pravo Rossii: nauka, zakony, pravosudie, itogi goda» (2016) [Materials of the International Conference «Civil Law of Russia: science, laws, justice, results of the year»]. М., Statut. 368 s.
- Matveev A.G. (2016) Sistema avtorskih prav v Rossii: normativnye i teoreticheskie modeli [Copyright system in Russia: regulatory and theoretical models]. Diss. dokt.yurid.nauk. М., 460 s.
- Meshkova K.M. (2013) Kollektivnoe upravlenie isklyuchitel'nymi avtorskimi i smezhnymi pravami v seti internet v RF i ES [Collective management of exclusive copyright and related rights on the Internet in the Russian Federation and the EU] // *Pravo intellektual'noj sobstvennosti*. №6. S. 13-17.
- Paris Convention for the Protection of Industrial Property // [http://www.wipo.int/treaties/en/ip/paris/index.html]
- Sitdikova R.I. (2013) Grazhdansko-pravovoj mekhanizm ohrany chastnyh, obshchestvennyh i publicnyh interesov avtorskim pravom [Civil law mechanism for the protection of private, public and public interests by copyright]. Avtoref. na soiskanie uch. stepeni dokt.yurid. nauk. Kazan'. 53s.
- Sosna S.A. (1997) Novoe v grazhdanskom prave: franchajzing [New in civil law: franchising] // *Gosudarstvo i pravo*. – № 7. – S. 25.
- World Trade Organization (WTO) – Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS Agreement) (1994) // [http://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/text.jsp?file_id=379915]
- Zakon RK ot 10 iyunya 1996 goda № 6-I «Ob avtorskom prave i smezhnyh pravah» (2009) [On copyright and related rights] // *Intellektual'naya sobstvennost' v Respublike Kazahstan: Sbornik normativnyh aktov*. – Almaty: YURIST. – S. 19.

Zakon Respubliki Kazahstan ot 13 iyulya 1999 goda «Ob ohrane selekcionnyh dostizhenij» [On the protection of breeding achievements] // [http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014046]

Zakon Respubliki Kazahstan ot 16 iyulya 1999 goda «Patentnyj zakon Respubliki Kazahstan» [Patent Law of the Republic of Kazakhstan] // [http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013991#pos=62;-250]

Zakon Respubliki Kazahstan ot 26 iyulya 1999 goda «O tovarnyh znakah, znakah obsluzhivaniya i naimenovaniyah mest proiskhozhdeniya tovarov» [On trademarks, service marks and appellations of origin]// [http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014203]

Zakon Respubliki Kazahstan ot 20 iyunya 2018 goda № 161-VI ZRK «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazahstan po voprosam sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v sfere intellektual'noj sobstvennosti» [On introducing amendments and addenda to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on the improvement of legislation in the field of intellectual property] // [http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33153855]

Zenin I.A. (2018) Garmoniya i dissonans spravedlivosti, morali i publichnogo poryadka v rossijskom prave intellektual'noj sobstvennosti [Harmony and discord of justice, morality and public order in Russian intellectual property law] // Pravo intellektual'noj sobstvennosti. № 1 (51). S. 4-10.

Zenin I.A.(2015) Problemy rossijskogo prava intellektual'noj sobstvennosti [Problems of Russian intellectual property law] (Izbrannye trudy). M., Statut. 525 s.

Zenin I. A. (2015) O koncepcii global'noj licenzii kak instrumente upravleniya pravami na ob'ekty intellektual'noj sobstvennosti v cifrovoj srede [On the concept of a global license as a tool for managing intellectual property rights in a digital environment] // Pravo intellektual'noj sobstvennosti. – № 3. – S. 4–7

Zhamojdik K. M. (2016) Vvedenie v grazhdanskij oborot rezul'tatov NIOKR, vypolnennyh po gosudarstvennomu kontraktu [Introduction to civilian circulation of R & D results carried out under a government contract]. Diss. kand.yurid.nauk. M. 189 s.

Baimagambetova Z.M.¹, Gabdulina A.Zh.²

¹Ph.D., associate professor, chair of International law, e-mail: zula_bai@mail.ru

²Master of Law, chair of International law, e-mail: ainash.gabdulina@mail.ru
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

**DISPUTES IN THE WTO WITH PARTICIPATION
OF THE MEMBER COUNTRIES
OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION**

After the accession of the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU) to the World Trade Organization (WTO), the topic of studying the mechanism for resolving disputes within the WTO has become an urgent topic. To date, four countries of the five members of the EAEU: Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Russia (except Belarus) are full members of the WTO and received direct access to the generally accepted mechanism for resolving trade disputes. In their activities, the member states of the EAEU are guided by the norms and principles of the WTO and recognize the importance of the accession of all member states of the Union to the Organization.

The article discusses the features of dispute resolution in the WTO with the participation of the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU). The main task is the need to effectively use the mechanism of resolving trade disputes within the WTO for the development of mutual trade with WTO member countries, guided by the rules and regulations of the WTO while defending the interests of all participants of the EAEU.

The authors identify the main problems of interaction and correlation of the legal regimes of the EAEU and the WTO, compliance with the obligations and agreements of members of the organization by developing common positions and defending the collective interests of states.

Key words: World Trade Organization, Eurasian Economic Union, Eurasian economic commission, Dispute settlement body, dispute settlement, consultations.

Баймагамбетова З.М.¹, Габдулина А.Ж.²

¹PhD докторы, доцент м.а., Халықаралық құқық кафедрасы, e-mail: zula_bai@mail.ru

²LLM, Халықаралық құқық кафедрасы, e-mail: ainash.gabdulina@mail.ru
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

**Еуразиялық экономикалық одаққа мүше мемлекеттердің
қатысуымен өтетін ДСҰ сауда даулары**

Еуразиялық экономикалық одаққа (ЕАЭО) мүше мемлекеттердің Дүниежүзілік сауда ұйымына (ДСҰ) қосылғаннан кейін ДСҰ шеңберінде дауларды шешу тетігін зерттеу өзекті тақырыпқа айналды. Қазіргі таңда ЕАЭО бес мүшесінің төртеуі: Армения, Қазақстан, Қырғызстан және Ресей (Беларусьтан басқа) ДСҰ-ның толыққанды мүшесі болып табылады және сауда дауларын шешудің жалпы қабылданған тетігіне тікелей қолжетімділікке ие болды. ЕАЭО-ға мүше мемлекеттер өзінің қызметінде ДСҰ нормалары мен қағидаларын басшылыққа алады және Одаққа мүше барлық мемлекеттердің Ұйымға қосылуының маңыздылығын мойындайды.

Мақалада Еуразиялық экономикалық одаққа (ЕАЭО) мүше мемлекеттердің қатысуымен ДСҰ шеңберінде дауларды шешу ерекшеліктері қарастырылады. Негізгі міндеті ретінде ЕАЭО барлық қатысушыларының мүддесін қорғай отырып және ДСҰ-ның ережелері мен нормаларын басшылыққа ала отырып, ДСҰ-ға мүше елдермен өзара сауда-саттықты дамыту үшін Дүниежүзілік сауда ұйымы шеңберіндегі сауда дауларын шешу тетігін тиімді пайдалану қажеттілігі болып отыр.

Авторлар ЕАЭО және ДСҰ-ның құқықтық режимдерінің өзара әрекеттесуінің және арақатынасының негізгі проблемаларын, мемлекеттердің ұжымдық мүдделерін қорғау және жалпы

ұстанымдарды шығару жолымен ұйым мүшелерінің міндеттемелері мен уағдаластықтарының ұстануын анықтайды.

Түйін сөздер: Дүниежүзілік сауда ұйымы, Еуразиялық экономикалық одақ, Еуразиялық экономикалық комиссия, Дауларды шешу бойынша Орган, дауларды шешу, кеңес беру.

Баймагамбетова З.М., Габдулина А.Ж.

¹доктор PhD, e-mail: zula_bai@mail.ru

²LLM, e-mail: ainash.gabdulina@mail.ru

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Торговые споры в ВТО с участием государств-членов Евразийского экономического союза

После присоединения государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) к Всемирной торговой организации (ВТО) актуальной стала тема изучения механизма разрешения споров в рамках ВТО. На сегодняшний день четыре страны из пяти членов ЕАЭС: Армения, Казахстан, Кыргызстан и Россия (кроме Беларуси) являются полноправными членами ВТО и получили прямой доступ к общепризнанному механизму разрешения торговых споров. В своей деятельности государства-члены ЕАЭС руководствуются нормами и принципами ВТО и признают важность присоединения всех государств-членов Союза к Организации.

В статье рассмотрены особенности разрешения споров в рамках ВТО с участием государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Основная задача состоит в необходимости эффективно использовать механизм разрешения торговых споров в рамках ВТО для развития взаимной торговли со странами-участниками ВТО, руководствуясь нормами и правилами ВТО, отстаивая при этом интересы всех участников ЕАЭС.

Авторы выделяют основные проблемы взаимодействия и соотношения правовых режимов ЕАЭС и ВТО, соблюдение обязательств и договоренностей членов организации путем выработки общих позиций и отстаивания коллективных интересов государств.

Ключевые слова: Всемирная торговая организация, Евразийский экономический союз, Евразийская экономическая комиссия, Орган по разрешению споров, разрешение споров, консультации.

Introduction

The geopolitical changes happening in the Eurasian region have objectively shown that the concept «Eurasian integration idea» is the important parameter of the modern development of society, so, and jurisprudence.

The Eurasian integration, being a kind of regional integration, can be both the base for development of the international integration economy and a result of the international integration (Лукьянов 2012: 34).

The rapid development of trade causes requirement of the states for receiving more favorable privileges and preferences in relation to other states. The World Trade Organization cannot fulfill such necessities: states conclude more and more trade agreements at the regional level, regulation becomes more detailed and flexible.

One of the types of cooperation is the Eurasian Economic Union. -The Treaty of the EAEU has been signed on May 29, 2014, in Astana by Presidents of Russia, Belarus, and Kazakhstan. It has come into force on January 1, 2015.

The Eurasian Economic Union is created on the basis of the Customs union of Russia, Kazakhstan, Belarus, and the Common economic space as the international organization of regional economic integration having the international legal personality.

The EAEU has the following purposes:

– creation of conditions for the stable development of economies of the member states for the benefit of the increase in living standards of their population;

– the aspiration to the formation of the uniform commodity market, services, the capital and a manpower within the EAEU;

– comprehensive modernization, cooperation and increase in competitiveness of national economies in the conditions of global economy (Договор о Евразийском экономическом союзе, Астана, 29 мая 2014 года).

The main operating conditions of EAEU is the application of the uniform foreign policy in a trade with the third countries. For the performance of this condition by the countries of the union, a number of the international agreements are adopted and also functions on maintaining and change of the foreign

trade policy are transferred to supranational level – the Eurasian Economic Commission (EEC).

The agreement between the countries of the Customs union is also reached that for a basis of the consolidated obligations, so and future tariff of the Customs union obligations of the country first which has joined WTO is assumed.

With the countries of the WTO, the agreement on carrying out consultations on harmonization of Kazakhstan and the Russian obligations for levels of the customs duties is reached.

One of the most sophisticated questions is the international processes directed to the complex and harmonized entry of member states of EAEU into the WTO without violation of performance of earlier undertaken obligations following from membership in other international organizations, first of all in EAEU and the WTO.

The main document regulating how the provisions of the WTO Agreement will be applied in the legal order of the EAEU is the Treaty on Customs Union in the framework of the multilateral trading system (*Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы*, Минск, 19 мая 2011 года).

It was signed for ensuring performance by the countries of EEU of obligations assumed during negotiations on accession to WTO, having kept at the same time full functioning of the union. According to provisions of the specified Treaty, obligations of the first country which has joined WTO in the part referred to the competence of ECE become a part of the contractual base of the Customs union. At the same time, the countries of the CU have to coordinate negotiation processes and inform each other on the assumed obligations.

Agreements of the WTO also govern the relations affecting foreign trade of the participating countries, at the same time some of the obligations assumed by the applicant countries directly are within the competence of EEC.

As the member of the WTO Kazakhstan has got direct access to the conventional mechanism of resolving trade conflicts. However, on the other hand, Kazakhstan can become also a subject of complaints from trade partners which for protection of the interests can initiate a dispute within the WTO. In this regard for Kazakhstan experience of participation of other states in procedures of the WTO for settlement of disputes, and a possibility of the corresponding preparation for future disputes, including legal issues, political measures or change of the external economic policy are very interesting and useful. To the Republic of Kazakhstan as to the new member

of the WTO, it is necessary to develop legal examination in the field of the mechanism of settlement of disputes in order to fully use the existing advantages of our participation in the WTO (Amirbecova, R. Galyamov: 2016, 333).

Given some examples of the resolution of disputes between WTO member states. As far as, Kazakhstan from July 27, 2015 has been a full member of the WTO, it provided access to international mechanisms and institutions of dispute settlement in the WTO and it will allow to use this opportunity to protect our national interests, in accordance with the rules and regulations of the WTO (Baimagambetova, Gabdulina: 2017, 70).

The experience of the WTO member countries shows that in addition to the purely economic benefits of joining this international organization, which are achieved by reducing the barriers to free trade, the system of multidimensional trade liberalization positively influences the political and social situation in the member countries, as well as on the individual well-being of citizens. The advantages of the WTO international trading system are manifested at all levels – from an individual citizen and country to the world community as a whole.

Methodology

A methodological basis of a research consists of the method of scientific modeling, a historical method, an analysis method, a method of comparison and statistics, including the analysis of a total of disputes, a ratio of the lost and carried case of the states in various sectors.

On the basis of a historical method digression on stories of formation and development of one of the most authoritative organizations and history of the emergence of disputes per se between the states has been carried out. By means of a method of scientific modeling options of the settlement of disputes within the WTO are presented. Comparative and statistical methods have allowed to estimate various reasons of the carried case at certain states and also to reveal those fields of the economy on most of which often there are disputes further to pay closer attention to all questions.

Results

An international legal basis of cooperation of the states within the World Trade Organization and EAEU

According to the Treaty on Custom Code of the EAEU, since January 2018 new Custom Code of the

EAEU came into force (Договора таможенно-кодексе Евразийского экономического союза, Москва 11 апреля 2017 года).

The world practice demonstrates that, on the one hand, accession to WTO of the states with the insufficient level of development of economy doesn't influence positively on development of their economy – these countries rather largely lose, than receive any benefits (protecting domestic markets from expansion is extremely difficult), with another hand- developing countries, perhaps, expect inflow of the foreign capital to the economy by opening the market and becoming a part of huge international trade space.

In 2006 on General Council of the WTO the Decision on the transparency mechanism for regional trade agreements (document WT/L/671) has been made. Control of observance of requirements is exercised by Committee on regional trade agreements (further – Committee on RTA), however, because of rules of consensus it wasn't able to accept any report on an occasion of the discrepancy of RTA of the WTO, despite the numerous recorded divergences. The role of the committee has been reduced only to obtaining texts of Regional Trade Agreements. Other control mechanisms within the WTO aren't provided.

Only once the question of compliance of RTS to the right of the WTO was brought up before DSB. In the decision on dispute of India against the European Union and Turkey, the Appeal Body of the WTO has evaded from the solution of a question of compliance of the Customs union of the EU and Turkey to the right of the WTO, having specified that now it cannot solve such questions (Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products, 2011).

It is possible to draw a conclusion that not legal agencies, but the states have to deal with the matters.

As for compliance of provisions of the Agreement of the WTO of EAEU, on the matter A.S. Ispolinov says: «The court of EAEU faces the difficult choice now – whether to accept logic of hierarchy and to recognize the right of the WTO having a priority before the right of EAEU, or to proceed from pluralism and the competition of laws and orders of the WTO and EAEU. Development of law and order of EAEU substantially depends on the solution of this question (Исполинов: 2015).

Really, the question of hierarchy of two legal systems is also one of the main problems of the relationship of the WTO and EAEU. Most international lawyers agree in opinion that the hierarchy doesn't exist.

Both Russia and the ECU have recently imposed new standards on alcoholic beverages in terms of labeling and warehousing requirements and conformity assessment procedures.³¹ For example, labels on all alcoholic beverages must have an expiration date or indicate that the expiry date is unlimited if the storage conditions are observed. Under the Codex products containing more than 10 percent alcohol do not expire and are explicitly exempt from such requirements. Proposed amendments to the ECU technical regulations require that whiskey be aged no less than three years. In similar areas, Russia has liberalized recently, in November 2012, removing mandated aging of rums. However, it is said that Russian importers of U.S. products often complain that their import applications are denied.

The ban is to expire in one year. In ideal cases, the Dispute Resolution Mechanism with appeal requires about 15 months and in practice can take many years when the parties strongly disagree. The WTO agreements contain a broad exception for countries to determine what national security measures they apply to trade (GATT 1947, Article XXI (b)(iii)). Such claims have rarely been challenged, and there is little WTO jurisprudence on the contestability of national security measures (Russian Federation, the World Trade Organization, and the Eurasian Customs Union: tariff and non-tariff policy challenges: 2016).

Discussion

The international lawyer A.S. Smbatyan also adheres to the second approach that the agreements of the system of the WTO and the agreement signed within regional integration associations have identical legal force – contrary to the developed stereotype the first have no priority over the last (Смбатян: 2011, 18).

Meet as well opinions that the hierarchy nevertheless takes place to be: «At last, the priority of agreements of the CU as it is represented, is directly excluded by item 1 of Art. 2 of the Contract on functioning.

Third, an important issue for the WTO and the EAEU is the ratio of their jurisdictions. The Treaty on the EAEU does not prevent the conclusion by the Member States of international treaties that do not contradict the purposes and principles of this Treaty. At the same time, bilateral international treaties between the Member States providing for a deeper level of integration than in the provisions of this Treaty or international treaties within the Union or providing additional advantages in favor

of their physical and (or) legal persons are applied in relations between the states that have concluded them and may be concluded on the condition that they do not affect the exercise by them and the other Member States of their rights and the fulfillment of obligations under this Treaty international agreements in the framework of the Union (Alter Karen: 2003).

The mechanism of advanced cooperation on harmonization and unification of the customs tariff for the accession of the EAEU member states to the WTO, similar to European practice, provides for the active use of the method of consolidated negotiations and consultations on the most important moments and obligations of a system nature for the state. At the same time, in negotiations on systemic obligations on issues within the competence of the Customs Union bodies, each party that joins the WTO aspires to form such a volume of obligations affecting legal relations, the powers to regulate which are delegated to the bodies of the Customs Union, and legal relations settled by international agreements, which make up the legal framework of the Customs Union, which would be most consistent with the obligations of the party, the first entry lice in the WTO. The fundamental deviations from such obligations, which are the result of negotiations of the newly acceding party to the WTO, are subject to discussion and agreement by the parties.

Despite the fact that the experience of each country of the EAEU member and WTO is specific, it will be interesting to consider some of the results of regionalism and regionalization. Kyrgyzstan is the first state from the members of EAEU, which joined the WTO. Roman Mogilevsky from the Center for Economic Research believes that Bishkek has not received «immediate benefits» although he suggests that the WTO helped the country to develop «open trade with almost no restrictions».

In Armenia, after accession to the WTO in 2003, the main economic indicators grew. Armenian exports expanded their access to European markets. Along with this, competition in business has also increased, jobs and purchasing power have decreased, and the volume of imported products has increased (Кадрия: 2016).

At the same time, in the early years, the conjuncture of world markets had a greater impact on the Russian economy than accession to the WTO (Лисоволик: 2002).

Belarus is in the process of negotiating accession to the WTO since 1995. The intensification of negotiations is observed as Belarus's partners join the WTO.

Of course, membership in this organization does not imply immediate benefits. Becoming a party of the WTO agreements should not be the ultimate goal, it should be a stimulant for an effective long-term policy. If earlier Eurasian integration was seen as a rehearsal for the WTO, now one can say that without increasing the competitiveness of the internal potential of each member of the EAEU, it is difficult to expect significant results from global integration.

As the Russian Federation has joined the WTO, the international obligations following from the international treaties existing within this international organization are subject to conscientious execution by Russia. In this regard, one of the legal means of an increase in efficiency of implementation of international treaties of the WTO is legal monitoring. Besides, legal monitoring of the implementation of the international obligations following from WTO membership has to consider that circumstance that the Russian Federation is a member of the Eurasian Economic Union.

Thus, legal monitoring of implementation of international treaties of the WTO by the Russian Federation has to be considered in system communication with the obligations following from membership of the Russian Federation in other international organizations having the competence crossing in certain spheres, namely of the Customs union and the Eurasian economic community, and after entry into force of the relevant international treaty and in system communication with the international legal acts of the Eurasian Economic Union.

Kozheurov Ya. S. notes that the competition of jurisdictions can arise, but it depends on the parties of a dispute: «If the defendant state doesn't object to involvement of this procedure and won't announce in bodies of EAEU, including the Court, violation by the claimant of the integration obligations for commitment to a uniform order of settlement of dispute, then the Court will lose an opportunity even to comment on it. If the defendant state opposes resolving a dispute by DSB and will challenge the actions of the plaintiff state in Court, then the last will face a hard task» (Кожеуров: 2013).

Thus, it is possible to conclude that the appeal of members of EAEU to other international institutions of justice, in particular in DSB WTO, isn't excluded. The situation is complicated because for a bigger number of the states the DSB is the most preferable mechanism of the settlement of disputes due to its authority and complete practice of interpretation and application of provisions of norms of the WTO.

The practice of the Court is too poor today to draw sure conclusions concerning its efficiency, therefore, the trust of member states of EAEU will depend in many respects on the Court: whether it will prove as the impartial judicial body will be shown only by its further practice.

For the system of settlement of disputes within the Customs union and also taking into account further development of integration and formation of the Eurasian Economic Union it is impossible to recognize rather an effective mechanism of control of execution of the decisions made by the international legal agencies including in the former Soviet Union. Besides, in the existing international legal acts in insufficient degree questions of interim measures, the prejudicial character of judgments, etc. are regulated.

Thus, it is possible to summarize that the system of settlement of disputes functioning within the WTO is one of the most effective at the international legal level. It is caused by the worked international legal mechanisms of the settlement of disputes, arising between members of the WTO and also a wide range of international legal means of settlement of disputes. In this regard at the level of integration associations in the former Soviet Union, first of all, it concerns the Eurasian Economic Union, it is necessary to consider the experience accumulated by the WTO and also to expand international legal tools of permission of various disputes arising from functioning of the specified integration associations (Макарова: 2017).

Simultaneous membership both in the WTO and in EAEU definitely causes many serious contradictions. Such main problems as compliance of EAEU to the WTO, a ratio of obligations and jurisdictions in practice raise not only many questions from the academic circles, but also slow down development of the most Eurasian integration. The characteristic of the WTO and EAEU shows that two of these associations are not identical, but only similar in the relation to each other. However, in many respects smoothing of the relationship between the universal and regional level of integration depends on the WTO owing to his settled authority. It is important not to make a relationship at the vertical level, but to cooperate with EAEU on a horizontal level, to involve the intellectual resources in the person of arbitrators and members of Panels for impartial permission of the above problems. Only close interaction and cooperation of the World Trade Organization and Eurasian Economic Union will allow strengthening the system and unity of international law (ЕАЭСиВТО – проблематичноесуществование: 2017).

Comparative and legal analysis of disputes with the participation of the EAEU member states

The most active participant of disputes in the WTO among the countries of EAEU is certainly the Russian Federation.

All complaints of Russia are caused by violation of provisions of GATT 1994, Marrakesh agreement, GATS, Agreement on subsidies and countervailing measures, Agreement on anti-dumping, TRIMS and TRIPS. In April 2014 Russia has filed a complaint to the EU concerning «The third power package» according to which the companies which are engaged in gas production can't be owners of the main pipelines in the EU (DS476). As consultations haven't led to permission of a disputable situation, the Panel was created. Nowadays, this case is still not resolved.

Disputes against Russia cover such subjects as:

Anti-dumping measures: for instance, the complaint of the EU in May 2014 concerning anti-dumping measures on light commercial vehicles from Germany and Italy (Russia – Anti-Dumping Duties on Light Commercial Vehicles from Germany and Italy.-WT/DS479/11, 2018). At the moment this dispute is at a stage of the Panel

Sanitary and phytosanitary measures – the dispute initiated by the EU about the ban of import to Russia of pork and pigs from all EU countries in connection with threat of the African plague of pigs and imposition of the restriction for import of all types of finished meat goods from pork from Poland and Lithuania (Russian Federation – Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union).

– Customs assessment of goods – the complaint of the EU on the fact that Russia applies duties on a number of goods (in particular on paper, palm oil, deep freezes, and refrigerators) higher than it should apply (Russia – Tariff Treatment of Certain Agricultural and Manufacturing Products: 2017).

Now, there are the most interesting disputes concerning the Russian Federation. In the case DS474: The EU – Methodology of adjustment of cost and certain anti-dumping measures concerning import from Russia. On December 2013 Russia has requested consultations with the EU about the methodology of adjustment of the cost used by the EU for calculation of a margin of dumping in anti-dumping investigations. In 2002 the EU has provided to Russia the status of the country with a market economy, but, despite it, EU continued to use so-called power adjustments. The main claims of Russia are that during conducting anti-dumping investigations the EU doesn't take into account

information on costs of production (including expenses on energy carriers) and the prices of similar goods from the Russian producers and exporters. Russia considers that thereof the EU incorrectly defines a margin of dumping and damage. The EU replaces properly provided information on costs from the Russian producers and exporters with information from alternative sources, including statements of the European producers on the introduction of anti-dumping measures (European Union – Cost Adjustment Methodologies and Certain Anti-Dumping Measures on Imports from Russia).

In October 2015 Ukraine has requested consultations with Russia on the measures limiting the import of the railway equipment and its parts. The main claim is that because of action suspension of certificates of compliance confirmation and obstacles in delivery in the updated technical regulations of EAEU the Ukrainian producers can't export disputable goods to Russia. These measures discriminate goods of Ukrainian origin in comparison with similar goods from other countries and domestic production. Ukraine considers that competent authorities of Russia have violated assessment procedures of compliance and haven't explained the reason of the introduction of measures (Russia – Measures Affecting the Importation of Railway Equipment and Parts Thereof, 2018).

The EU and Japan have requested consultations with Russia on utilization collecting on the vehicles. According to the EU, Russia imposes on imported vehicles additional payments in the form of utilization fees, at the same time national vehicles are exempted from these payments under certain conditions. Companies, which have undertaken obligations for ensuring the subsequent safe handling of waste, formed as a result of the loss of the consumer properties by vehicles do not pay such utilization fee. One of the conditions under which the company-manufacturer is able to do it is that it has to be the legal entity registered in the territory of Russia. The release was also available for the vehicles, imported from Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan at the observance of a number of conditions.

The Government of the Russian Federation has approved an order of utilization fee from national automobile plants according to which since January 1, 2014, national manufacturers are obliged to pay utilization fee in accordance with general practice. Despite it, the EU hasn't withdrawn the request for creation of the Panel in the WTO as considers that the amount of fee shouldn't depend on car engine

displacement, and at a calculation procedure, there is the too big difference at a rate of fee for new and used cars (Лемяскина: 2014).

Participation of Russia as the third party:

At the end of August 2014, the EU canceled the ban of import and other measures against the Faroe Islands concerning the Atlantic-Scandinavian herring. Indirect benefit for Russia that if the EU has no right to forbid the import of a herring and production from the countries between which this species of fishes are distributed then has no right to forbid the import of these goods from Russia which is one of five such countries.

Russia has joined in September 2015 a dispute of Japan against the Republic of Korea concerning the import ban and also requirements for carrying out tests and certification concerning radioactive materials. The interest of Russia can be explained with the fact that Russia also has forbidden the import of fish from Japan after an accident on Fukushima. This subject is also interesting to Russia from the procedural point of view of the application of sanitary and phytosanitary measures according to the norms and rules of the WTO. Two disputes which Russia has joined in 2015 are connected with subsidies a dispute of the USA against China about measures of providing public services (DS489) and a dispute of Japan against Brazil on the measures of taxes and tax benefits (DS497). These disputes are interesting to Russia as an understanding of procedures of use of norms and rules of the WTO concerning granting subsidies and also use of other measures of support of domestic manufacturers. The dispute between China and the EU on change of tariff concessions of the EU for fowl which Russia has joined in July, 2015 is interesting to Russia as a practice of participation in disputes over an occasion of change of lists of the connected tariffs and to understand better the procedure of such changes, carrying out the corresponding negotiations, etc.

Armenia participated only in one dispute within the WTO- DS411 «Armenia – the Measures Influencing Import and Internal Sales of Cigarettes and Alcoholic Beverages». Ukraine has filed complaints to the WTO on the fact that Armenia applies different rates of a duty on alcoholic drinks, protecting national producers by discrimination of the imported production from Ukraine (Armenia – Measures Affecting the Importation and Internal Sale of Cigarettes and Alcoholic Beverages, 2010).

Ukraine considers that such actions from Armenia contradict the article III.1, III.2, III.4 of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994 (GATT of 1994) which provides to goods, origin from an-

other country, the mode not less favorable, than to similar goods of national production (national treatment). This case has come to the end at the level of consultations. As a result, Armenia has removed discrimination fee.

In 2016 after the decision of DSB on the case-DS485 Russia-Tariff Treatment of Certain Agricultural and Manufacturing Products the real threat of jurisdiction of the Court has appeared. The EU appealed against the decisions undertaken by the Eurasian Economic Commission namely overestimate of the customs duties on a number of goods (paper, palm oil, refrigerators) that violates the Art. of:1(b) of GATT-1994. However, for the reason that a complaint against EAEU can't be filed to the WTO (isn't a member of the WTO), the EU has directed it against Russia. The European Union proceeded from contents of the Report of the Working group, is the annex to the Protocol on the entry of the Russian Federation into the WTO. Optional paragraphs of the Protocol establish that the measures were taken in the CU (EAEU) will be brought into accord with obligations of the Russian Federation within the WTO. In spite of the fact that even the Panel has expressed bewilderment by such approach, the Russian Federation hasn't given any comments. In case the Appeal Body supports this approach from the EU, it will create a potential risk of the appeal of any decision of bodies of EAEU by any state non-member of EAEU (respectively directed against the EAEU member state) and the Russian Federation should bear responsibility for decisions of the Commission every time in case of a dispute.

The problem of responsibility of the Russian Federation for decisions of EEC is examined by Kadysheva O.V. that Russia has no opportunity to unilaterally cancel the decision of EEC, moreover, its decision is obligatory for Russia according to corresponding international legal obligations (Кадышева: 2015).

It is necessary to agree with the aforesaid statement as, really, the Russian Federation takes part in the vote for acceptance of the challenged measures, however, cancellation of these measures can't be carried out without the participation of other member states of EAEU.

The complaint of Ukraine in the WTO about systematic violation of EAEU of norms of the WTO when conducting anti-dumping investigations became one more case against EAEU expecting the consideration that has led to the restriction of access of the Ukrainian production for the markets of the states of EAEU.

At the meeting of Committee of the WTO on anti-dumping practice on April 25-28, 2016 the Ukrainian delegation has made the requirement of cancellation from EAEU of anti-dumping measures concerning bars and steel pipes (on March 29 the Board of EAEU has made the decision to introduce anti-dumping duty for a period of 5 years, including from occupied territories of Donbass) and also to terminate the investigation concerning ferrosilikomarganets. It is established that anti-dumping investigations have been made with violation of Art. 2 (dumping definition), Art. 3 (determination of damage) and Art. 5 (the procedure of excitement and conducting the investigation) of the Agreement of the WTO on the application of the Art. VI of GATT 1994 and GATT.

The representatives of EAEU didn't give an answer to the question, however, they have undertaken to provide explanations in writing. This case is one of the most relevant for EAEU therefore at the moment it isn't possible to foresee a position of the WTO on the solution of this question.

The Republic of Kazakhstan – the equal member of the WTO and EAEU

Implementation of the obligations arising from membership of the Republic of Kazakhstan in the World Trade Organization and EAEU

On July 27, 2015, the President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev and the CEO of the World Trade Organization Robert Azevedo have signed the protocol on the entry of Kazakhstan into the WTO.

In the 12th of October the law of the Republic of Kazakhstan «On ratification

of the Protocol on accession of the Republic of Kazakhstan to the Marrakesh agreement on establishment of the World Trade Organization» was signed (Закон Республики Казахстан от 12 октября 2015 года № 356-V «О ратификации Протокола о присоединении Республики Казахстан к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года).

The process of goods is almost imperceptible. Kazakhstan has started to fulfill its obligations in the WTO, by adopting the law «On modification and additions in some acts of The Republic of Kazakhstan in connection with the accession to the World Trade Organization».

Besides, there are still obligations of Kazakhstan within EAEU. The plans for the creation of the common financial market are the most affecting the local domestic market. According to the draft of the Concept of formation of the common financial mar-

ket of EAEU till 2025, the participating countries have to:

1. Extremely big lag effect of economic integration changes. If it is about real trade streams and the competition, business goes very slowly. For example, the agreed principles of currency policy, the agreement on trade in services and investments, the free market of oil and oil products, the agreement on free access to gas pipelines – whether they really work? It is possible even to take two reports of the Eurasian economic commission: «The main directions of development of EAEU till 2030», published in 2015, and «Barriers, withdrawals, and restrictions of EAEU», published in 2016. A lot of things from what is stated in documents still don't work – just because disturbs the interests of the elite.

2. Violations of agreements in economic integration associations are punished and stopped as a result of the long procedure. At first, there has to pass the complaint or lawsuit, then there is a trial in the coordinating body, then this supranational body addresses the government of the country to resolve a problem. That is any way it is necessary that someone has become interested in this violation and I worked hard that to correct it on what several years can leave, and it is a big term for businessmen. Now we can analyze internal reasons.

Also, Katerina Putts holds such opinion, emphasizing that distribution of some obligations of RK on all members of the Euroasian Union is the irritating factor in the relations between member countries. Considering similarity of structures of economies of member countries of EAEU which often compete with each other more, it is possible to assume that obligations within the WTO will enter amendments into the general view of association (Смирнова: 2015).

Under the terms of the WTO, Kazakhstan undertakes to create equal conditions both for local and for the foreign business of the subject.

It should be noted that Kazakhstan has also received the status of the observer of the Agreement on government purchases. Considering that the state and private economic subjects of Kazakhstan quite often function in one field, conditions of the WTO can lead to a reduction of access to resources of the first. In case of coordination of the inventory and services, the country will join this agreement in 4 years. In 2021 the requirements of local content in contracts for subsurface, use have to be abolished.

If to consider the list of withdrawals (3512 commodity positions among which cars, foodstuff, forest products, jewelry, wires, cables, drinks, etc.),

it is possible to assume that to the population import production which will be delivered at the rates below EAEU will cost cheaper. It is remarkable, shows experiment of Russia that due to the reduction of the import customs duties mostly was earned only by those sellers who could reduce the expenses (Эксперты оценили возможности и вызовы для Казахстана как члена ВТО: 2015).

Functioning within the organization demands high-quality preparation and the aspiration to protect the interests of the country. Kazakhstan needs to operate with adequate measures for the purpose of the creation of conditions for economic activity in the country. In this connection, it is necessary to solve big layer of tasks in the field of providing effective mechanisms of realization and adaptation of policy of economy support taking into account the undertaken obligations.

It means that Kazakhstan has:

- to increase examination of experts in the field of identification and counteraction of the illegal competition, application of the forbidden measures in trade;

- to increase the level of knowledge of subjects of economy features of functioning within the WTO, opportunities for participation in settlement of trade disputes;

- to increase transparency of the made decisions within EAEU and the WTO.

The principles which are applied at a payment of the customs duties taking into account the entry of Kazakhstan into the WTO and its participation in EAEU.

If the goods from the third country are intended for Kazakhstan, then the rate of the customs duty will be paid according to the requirements of the WTO: At entry into force of withdrawals from the Common customs tariff of EAEU in connection with obligations of Kazakhstan at accession to WTO, when importing goods to Kazakhstan from the third countries (which aren't the states of EAEU) the lowered rates of the import customs duties according to the approved list can be applied.

Participation of the Republic of Kazakhstan in the disputes resolved within the WTO

Kazakhstan becoming a member of the WTO also has received access to the mechanism of the settlement of disputes within the WTO. Due to it, Kazakhstan has an opportunity to solve the conflicts in the international area.

Nowadays in the WTO, there is only one dispute in which the Republic of Kazakhstan acts as the defendant. In other disputes, our state participates in quality of the third party.

A complaint to Kazakhstan was filed by Ukraine in the case: Kazakhstan – Anti-dumping Measures on Steel Pipes. The discontent of Ukraine was caused by the anti-dumping policy of the Eurasian Economic Union (EAEU), in particular, Kazakhstan, concerning import of the Ukrainian steel pipes. According to Ukraine, the decision of Kazakhstan to impose on pipe Ukrainian production high taxes doesn't correspond to Agreements on the application of the article of 1994 (Kazakhstan – Anti-Dumping Measures on steel pipes, 2017).

For settlement of the conflict, Kiev has sent the complaint to the WTO and the requirement about consultations with Kazakhstan. According to the Deputy Minister of Economic Development and trade – the sales representative of Ukraine Natalya Nikolskaya, Kiev hopes to resolve an issue of duties in the nearest future not to pass «to the following stage of the settlement of a dispute».

Anti-dumping duties have been introduced in the territory of EAEU in October 2011, in July 2016 they have been prolonged for five years. Anti-dumping measures establish duties at the rate from 18,9% up to 37,8% for import of the Ukrainian pipe production to the EAEU countries.

The measures were imposed pursuant to the Decision of the Collegium of the Eurasian Economic Commission No. 48 of 2 June 2016 on imports of certain types of steel pipes originating in Ukraine in connection with the sunset review of the anti-dumping measures on imports of certain types of steel pipes originating in Ukraine and imported on the customs territory of the Eurasian Economic Union.

It is also necessary to note that the introduction of anti-dumping duty doesn't mean the import termination. The import goods continue to come to the domestic market, but only with payment of anti-dumping duty which equalizes competitive conditions of the importer and local producer.

Disputes in which the Republic of Kazakhstan participates in quality of the third party:

1. DS493: Ukraine – Anti-Dumping Measures on Ammonium Nitrate. Ukraine has submitted the application to the WTO to demand cancellation of restrictions for the transit of production to Kazakhstan from Russia. In the document, it is specified that the actions of the Russian Federation break the principles of the WTO and have discrimination character concerning the Ukrainian production. Within the meeting of the WTO, the Ukrainian side has read the application to the Russian Federation on the lifting of restrictions and obstacles in the sphere of the transit of the Ukrainian agricultural

production to Kazakhstan as these restrictions break the key principles of the WTO and actually mean failure to follow by Russia obligations assumed at accession to WTO. At a discussion of a question, the Russian side couldn't provide the convincing bases for the introduction of such restrictions. In a question of consideration of this statement in the WTO Ukraine is supported by the EU and the USA. In accordance with the article 5 of GATT freedom of transit through the territory of each contracting party along routes, for transit transportations in the territory or from territories of other contracting parties is established by the most convenient for the international transit. No distinction based on a flag of the vessels, places of origin, departure, calling, an exit or appointment or any circumstances relating to property on goods, vessels or other vehicles becomes, the expert considers.

Transit transportations shouldn't be exposed «to any excessive delays or restrictions (Ukraine – Anti-Dumping Measures on Ammonium Nitrate, 2018).

2. DS502: Colombia – Measures Concerning Imported Spirits. On 13 January 2016, the European Union requested consultations with Colombia regarding certain measures in relation to the treatment that Colombia accords at a national and departmental level to imported alcoholic beverages. At its meeting on 26 September 2016, the DSB established a panel. Brazil, Canada, Chile, China, Ecuador, El Salvador, Guatemala, India, Kazakhstan, Korea, Mexico, Panama, the Russian Federation, Chinese Taipei, and the United States reserved their third-party rights. The EU's concerns about discrimination in the Colombian market are longstanding. In Colombia, EU spirits face higher taxes than local brands through higher national consumption tax and higher local charges. In addition, Colombia's regional authorities or departments impose market-access restrictions for imported spirits.

These measures raise the cost of doing business in Colombia and place EU spirits at a competitive disadvantage on the Colombian market. This is in contravention of Colombia's non-discrimination obligations under WTO rules. In Colombia, a number of departments exercise the so-called fiscal monopoly over the introduction and commercialization of spirits. As a result, the entry of imported spirits is subject to the conclusion of 'introduction contracts' with the department that contain trade restrictive clauses, impose maximum values and minimum selling prices, and requiring traders to secure the payment of the amount of a future fiscal debt, etc. In addition, the departments

enjoy great discretion to arbitrarily deny access to imported brands (Colombia – Measures Concerning Imported Spirits, 2016).

3. China – Export Duties on Certain Raw Materials- the United States requested consultations with China regarding China's export duties on various forms of antimony, cobalt, copper, graphite, lead, magnesia, talc, tantalum, and tin. The United States also considers that the measures appear to nullify or impair the benefits accruing to the United States directly or indirectly under China's Accession Protocol. The Republic of Kazakhstan made a wish to be a third-party. China has been imposing export restrictions—essentially duties and quotas—on these raw materials for companies outside of China, which means companies inside of China are saving money and are thus at an advantage because they can make lower-priced goods with unfairly priced inputs. It also means non-Chinese companies are under pressure to set up production operations in China (which means they're sending jobs to China, too).

The problem, other than the obvious, is that the practice goes against the rules China signed onto when it joined the WTO in 2001. What's more, as the EU charged, China's alleged aim to support an environmentally friendly and sustainable production of raw materials could be achieved more effectively with other measures, without negative impact on trade (China -Duties and other Measures concerning the Exportation of Certain Raw Materials, 2016).

The EU brought similar cases before the WTO in 2012 and 2014 (both of which were successful), but for this go around, graphite, cobalt, copper, lead, chromium, magnesia, talcum, tantalum, tin, antimony, and indium are on the target list. The U.S. is targeting nine raw materials in its case: antimony, cobalt, copper, graphite, lead, magnesia, talc, tantalum and tin (the same as the EU with the exception of chromium—largely used in stainless steel production and indium -which goes into goods like flat screen computer monitors).

4. DS511: China – Domestic Support for Agricultural Producers. On 13 September 2016, the United States requested consultations with China regarding certain measures through which China appears to provide domestic support in favor of agricultural producers, in particular, to those producing wheat, India rice, Japonica rice, and corn. At its meeting on 25 January 2017, the DSB established a panel. Australia, Brazil, Canada, Colombia, Ecuador, Egypt, El Salvador, the European Union, Guatemala, India, Indonesia,

Israel, Japan, Kazakhstan, Korea, Norway, Pakistan, Paraguay, the Philippines, the Russian Federation, Saudi Arabia, Singapore, Chinese Taipei, Thailand, Turkey, Ukraine and Viet Nam reserved their third-party rights (China – Duties and other Measures concerning the Exportation of Certain Raw Materials, 2016).

The US claimed that China had provided domestic support to the products mentioned above in excess of its WTO accession commitment, and has violated the Agreement on Agriculture.

As the largest exporter of agricultural products, the US, with large production scale and strong competitiveness, produces agricultural commodities mainly for export. By contrast, China is the largest importer of agricultural products, with its agriculture characterized by small-scale production and subsistence farming. The average production scale of China per household is only 1/400 of that of the US. Suffice it to say, the US and China are typical examples of commercial agriculture and subsistence agriculture. By its nature, initiating WTO dispute proceedings against China by the US represents the conflict between interests of large commercial farmers in the US and livelihood of small holder farmers in China.

The US challenge against China's grain support policy is, in a matter of fact, the reflection of conflict between trade liberalization doctrine and real need of developing members to safeguard food security, which had once happened in the 9th WTO Ministerial Conference in 2013, where developing members and developed members had a dispute over public stockholding for food security purposes. Global cereal trade volume accounts for less than 15% of its output, more than 85% of cereal demand is met by domestic supply. The only way for developing members to have a stable food supply thereby ensuring food security is to increase investment in agriculture and food production, and support small farmers, in particular, thus enhancing food production capacity. This is the reason why developing members reiterated in Doha negotiations that food security which is of paramount importance to developing members is not negotiable.

Conclusion

Nowadays, four member states of the EAEU are also members of the WTO. The question of the relationship between EAEU and the WTO is one of most relevant. The authors has revealed a number of problems on the basis of analyzing the disputes with the participation of the member countries of the

WTO and EAEU. First, a question of hierarchy of two legal systems – one of the main problems (Макарова: 2017). Whether the law of the WTO has the privilege before the law of the EAEU. Having studied opinions of various authoritative experts, the author has come to a conclusion that norms of the WTO have a priority over norms of the EAEU in case of a contradiction (in particular it concerns that period until the legal systems of the EAEU are brought into accord with provisions of the Agreement of the WTO), for the rest the hierarchy is absent.

One more problematic issue is the jurisdiction of the EAEU court. There is a potential risk of the appeal of any decision of bodies of EAEU by any state – not the member of EAEU (respectively, directed against the EAEU member state), and the Russian Federation should bear responsibility for decisions of the Commission every time in case of a dispute. The author sorts this situation in work on the basis of the disputes against Russia. As the EAEU isn't a member of the WTO, the plaintiff states file the complaints to one of the EAEU member states, especially the Russian Federation. However Russia has no opportunity to unilaterally cancel the decision of bodies of EAEU, moreover, the decision of

EAEU is obligatory for Russia corresponding to the international legal obligations.

The WTO and EAEU legal regimes are part of the international law; they are part of autonomous rule complex which governs international trade relations in the framework of multilateral trade system. The WTO and EAEU legal regimes are not isolated from the system of international law and should be interpreted and applied on the basis of the principle of harmonization aimed at systematic integration (Boklan: 2017).

The Republic of Kazakhstan, as rather a new member of the WTO, has a brief experience of participation in disputes of the WTO. The authors, having considered disputes with the participation of RK, defined that today the state acts as the defendant in the case of «Kazakhstan – Anti-dumping Measures on Steel Pipes». A complaint has been filed by Ukraine in response to the anti-dumping policy of Kazakhstan. The decision on the case isn't made yet. According to the authors in the Republic of Kazakhstan, there aren't enough experts with profound knowledge of the law of the WTO that in the future can lead to increase in a number of disputes in which RK will act as the state violator, or to loss of disputes.

References

- Alter Karen J., Resolving or Exacerbating Disputes? The WTO's New Dispute Resolution System // *International Affairs journal* vol. 79, issue 4.-Cambridge.-2003.-P.29-34
- Amirbecova A., Galyamov R. Participation Constraints in the WTO Dispute Settlement: Considering Kazakhstan// *Journal of World Trade – Volume 50.- March, 2016 Issue 2. – P. 333-365.*
- Baimagambetova Z.M., Gabdulina A. Features Resolving Trade Disputes Under World Trade Organization (WTO) // *Scientific journal «Fundamentalis scientiam» №4 (5), 2017. – P.70*
- Armenia – Measures Affecting the Importation and Internal Sale of Cigarettes and Alcoholic Beverages.-WT/DS411/2, 2010.
- Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 года). <http://www.eaeunion.org/#about-countries>
- Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы (Минск, 19 мая 2011 года) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30995023
- Договор о таможенном кодексе Евразийского экономического союза (Москва 11 апреля 2017 года).
- European Union – Cost Adjustment Methodologies and Certain Anti-Dumping Measures on Imports from Russia. – WT/DS474/4, 2014.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds474_e.htm
- Закон Республики Казахстан от 12 октября 2015 года № 356-V «О ратификации Протокола о присоединении Республики Казахстан к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года».
- Исполинов А.С. ВТО и региональные торговые соглашения или что нам делать с ВТО и ЕАЭС. – 2015. https://zakon.ru/blog/2015/11/2/vto_i_regionalnye_torgovye_soglasheniya_ili_chno_nam_delat_s_vto_i_eaes
- Кадрия Д. Влияние обязательств новых членов ЕАЭС перед ВТО на унификацию таможенного законодательства интеграционного объединения.-2016. <http://отрасли-права.рф/article/17078>
- Кадышева О.В. Комментарий по спору России – Антидемпинговые пошлины в отношении легковых автомобилей из Германии и Италии // *Право ВТО №1. – 2015. – С.80-83.*
- Кожеуров Я.С. Международная ответственность за нарушение «права ВТО»: соотношение с общим международным правом // *Актуальные проблемы российского права № 10. – М., 2013. – С. 43-47*
- Kazakhstan – Anti-Dumping Measures on steel pipes.-WT/DS530/4, 2017.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds530_e.htm
- Colombia – Measures Concerning Imported Spirits.-WT/DS502/6, 2016.
- China – Duties and other Measures concerning the Exportation of Certain Raw Materials.-WT/DS509/6, 2016.

Лемяскина Н.Е. Апелляционный орган ВТО: теоретические и практические вопросы // Актуальные проблемы российского права №12(49). – 2014. – С. 76-81.

Лисоволик Я.Д. Региональные аспекты присоединения России к ВТО // Мировая экономика и международные отношения №5. – М., 2002. – С. 49-58

Лукьянов В.Ю. Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и таможенного союза ЕВРАЗЭС): монография / Отв. ред. В.Ю. Лукьянова. – М.: «Анкил», 2012. – 336 с.

Макарова А. ЕАЭС и ВТО: проблематичное сосуществование // https://zakon.ru/blog/2017/7/25/eaes_i_vto_problematichnoe_sosuschestvovanie

Russian Federation, the World Trade Organization, and the Eurasian Customs Union: tariff and non-tariff policy challenges// Official report.-2016.<http://documents.worldbank.org/curated/en/897951468935088832/pdf/WPS7748.pdf>

Russia – Anti-Dumping Duties on Light Commercial Vehicles from Germany and Italy.-WT/DS479/11,2018.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds479_e.htm

Russian Federation – Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union.-WT/DS475/20, 2017.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds475_e.htm

Russia – Tariff Treatment of Certain Agricultural and Manufacturing Products.-WT/DS485/11, 2017.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds485_e.htm

Смбатян А.С. ВТО и региональные интеграционные объединения: соотношение «правовых сил» в урегулировании торговых споров//Российский внешнеэкономический Вестник №8. – 2011. – С. 18.

Смирнова А.А. Право ВТО в Евразийском экономическом союзе: в поисках баланса интересов и автономии//Право ВТО №1. – 2015. – С. 15-30.

Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products.-WT/DS34/14, 2011.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds34_e.htm

Ukraine – Anti-Dumping Measures on Ammonium Nitrate.-WT/DS493/5.-2018.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds493_e.htm

Шепенко Р.А. ВТО и урегулирование антидемпинговых споров: общая характеристика // Вестник Пермского университета выпуск №1. – 2014. – С. 19-21

D.S. Boklan Eurasian Economic Union and World Trade Organization: Interrelation of Legal Regimes // 2017. No. 2. P. 223–236

References

Alter Karen (2003) Resolving or Exacerbating Disputes? The WTO New Dispute Resolution System [Resolving or Exacerbating Disputes? The WTO's New Dispute Resolution System]. – International Affairs journal vol. 79, issue 4.-Cambridge., pp. 29-34

Amirbecova A., Galyamov R. (2016) Participation Constraints in the WTO Dispute Settlement: Considering Kazakhstan [Participation Constraints in the WTO Dispute Settlement: Considering Kazakhstan]. – Journal of World Trade, vol. 50.- March, Issue 2., pp. 333-365.

Baimagambetova Z.M., Gabdulina A. (2017) Features Resolving Trade Disputes Under World Trade Organization (WTO) [Features Resolving Trade Disputes Under World Trade Organization (WTO)]. Scientific journal «Fundamentalis scientiam», №4 (5), pp.70

Armeniya-Measures Affecting the Importation and Internal Sale of Cigarettes and Alcoholic Beverages [Armenia – Measures Affecting the Importation and Internal Sale of Cigarettes and Alcoholic Beverages].-WT/DS411/2, 2010.

Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze [Treaty on the Eurasian Economic Union] (Astana, 29 maya 2014 goda) <http://www.eaeunion.org/#about-countries>

Dogovor o funkcionirovanii Tamozhennogo souza v ramkah mnogostoronnei torgovoi sistemyi (Minsk, 19 maya 2011 goda) [Treaty On Functioning of the Customs Union within the Multilateral Trade System] https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30995023

Dogovor o Tamozhennom kodekse Evraziyskogo ekonomicheskogo souza (Moskva 11 aprelya 2017 goda) [Agreement on The customs Code of the Eurasian economic Union].

European Union – Cost Adjustment Methodologies and Certain Anti-Dumping Measures on Imports from Russia. [European Union – Cost Adjustment Methodologies and Certain Anti-Dumping Measures on Imports from Russia]. – WT/DS474/4, 2014. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds474_e.htm

Zakon Respubliki Kazakhstan ot 12 aprelya 2015 goda № 356-V «O ratifikatsii Protokola o prisoedinenii Respubliki Kazakhstan k Marakeshskomy soglasheniyu ob uchrezhdenii Vsemirnoi torgovoi organizatsii ot 15 apralya 1994 goda» [Law of the Republic of Kazakhstan on 12 April 2015 No. 356-V on Ratification of the Protocol on accession of the Republic of Kazakhstan to the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization on 15 April 1994].

Ispolinov A.S. (2015) VTO i regionalnyi torgovyi soglasheniya ili sho nam delat s VTO i EAES [WTO and regional trade agreements or what we should do with WTO and EEU] https://zakon.ru/blog/2015/11/2/vto_i_regionalnye_torgovye_soglasheniya_ili_chno_nam_delat_s_vto_i_eaes

Kadriya D. (2016) Vliyanie obyazatelstv novyh shlenov EAES pered VTO na unifikatsiy tamozhennogo zakonodatelstva integratsionnogo obedineniya. [The impact of the obligations of the new members of the EAEU to the WTO on the unification of the customs legislation of the integration Association].- <http://отрасли-права.рф/article/17078>

Kadisheva O.V. (2015) Kommentarii po spory Rossii – Antidempingovye poshlini v otnoshenii legkih kommersheskih avtomobilei iz Germanii i Italii [Comment on sport Russia-anti-Dumping duties on light commercial vehicles from Germany and Italy]. – Pravo VTO №1. – С. 80-83.

Kozheurov Yu. C. (2013) Mezhdunarodnaya otvetstvennost za narushenie «prava VTO»: sootnoshenie s obshim mezhdunarodnim pravom [International responsibility for violation of WTO law: relationship to General international law] // Aktyalni problem rossiiskogo prava № 10.- Moskva.- С.43-47

Kazakhstan – Anti-Dumping Measures on steel pipes. – WT/DS530/4, 2017.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds530_e.htm

Colombia – Measures Concerning Imported Spirits. -WT/DS502/6, 2016.

China – Duties and other Measures concerning the Exportation of Certain Raw Materials..-WT/DS509/6, 2016.

Lemyaskina N.E. (2014) Appelyatsionnii organ VTO: tehnikheskie i praktisheskie voprosy . [The WTO appellate body: technical and practical issues]. – Aktyalniuyi problemi rossiiskogo prava №12 (49). – С.76-81.

Lisovolik Ya.D. (2002) Redionalnyie aspekti prosodineniya Rossii k VTO [Regional aspects of Russia’s accession to the WTO]. – Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnyie otnosheniy N5. – Moskva.- С. 49-58

Lukiyanov V.Yu. (2012) Pravovyi problem formirovaniya mezhgosudarstvennih obedinenii na primere zoni svobodnoi trgovli I Tamozhennogo souza EVRAZES [Legal Problems of Formation of Interstate Associations on the Example of Free Trade of the EURASEC Customs Union]: monografiya/ Otv.red. Lukiyanov V.Yu. – М.: «Анkil», 2012. – 336 стр.

Makarova A. (2017) EAES i VTO problematichnoe sosuschestvovanie [The EEU and the WTO: a problematic coexistence] https://zakon.ru/blog/2017/7/25/eaes_i_vto_problematichnoe_sosuschestvovanie

Russian Federation, the World Trade Organization, and the Eurasian Customs Union: tariff and non-tariff policy challenges // Official report.-2016. <http://documents.worldbank.org/curated/en/897951468935088832/pdf/WPS7748.pdf>

Russia – Anti-Dumping Duties on Light Commercial Vehicles from Germany and Italy.-WT/DS479/11,2018.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds479_e.htm

Russian Federation – Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union. – WT/DS475/20, 2017.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds475_e.htm

Russia – Tariff Treatment of Certain Agricultural and Manufacturing Products.-WT/DS485/11, 2017.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds485_e.htm

Smbatyun A.S. (2015) VTO i regionalnye integratsionnye obedineniya sootnoshenie pravovih sil v uregulirovanii torgovih sporov [WTO and regional integration associations correlation of legal forces in the settlement of trade disputes]. – Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik №8. – С.18

Smirnova A.A. (2015) Pravo VTO v Evraziiskom ekonomicheskome souze v poiskah balansa interesov i avtonomii [WTO law in the Eurasian economic Union in search of a balance of interests and autonomy]. – Pravo VTO №1. – S. 15-30

Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products.-WT/DS34/14, 2011.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds34_e.htm

Ukraine – Anti-Dumping Measures on Ammonium Nitrate.-WT/DS493/5.-2018.https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds493_e.htm

Shepenko R.A.(2014) VTO i yregulirovanie antidempingovyh sporov obshaya haraktewristika [WTO and anti-dumping dispute settlement: General characteristics]. Vestnik Permskogo universiteya vipusk №1.- С.19-21

Boklan D. (2017) Evraziyskiy ekonomicheskii soyuz i Vsemirnaya torgovaya organizatsiya: sootnoshenie pravovykh rezhimov [Eurasian Economic Union and World Trade Organization: Interrelation of Legal Regimes]. Vysshey shkoly ekonomiki, no 2, pp. 223-236 (in Russian).

Татарина Л.Ф.

к.ю.н., доцент кафедры «Юриспруденция и международное право»,
Университет Туран, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: danila_tatarinov@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ
ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА**

В настоящее время, под влиянием информационных технологий, многие всем известные явления претерпевают изменения, в том числе и такой феномен, как терроризм. Определение понятия информационного терроризма в национальном законодательстве Республики Казахстан нет, что создает сложности при его квалификации и соответственно при привлечении к ответственности. В этой связи, учеными-юристами стал делаться акцент на раскрытие и анализ данного явления, что способствовало выработке подходов, согласно которым информационный терроризм был внесен в имеющуюся классификацию форм и видов терроризма. Проблемы определения правовой природы информационного терроризма обостряются тем, что нет единой дефиниции в определении характера информационности. То есть, авторы разделились в своем мнении, которое анализируется в данной статье. Автор предпринял попытку не только проанализировать существующие точки зрения, но и предложить собственное видение правовой природы информационного терроризма.

Ключевые слова: терроризм, информация, Интернет, общество, киберпространство, природа, сущность.

Tatarinova L.F.

PhD in Law, Turan University, associate professor,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: danila_tatarinov@mail.ru

Problems of determining the legal nature of information terrorism

Currently, under the influence of information technology, many well-known phenomena are undergoing changes, including the phenomenon of terrorism. The definition of the concept of information terrorism in the national legislation of the Republic of Kazakhstan does not exist, which creates difficulties in its qualifications and, accordingly, in bringing to justice. In this regard, legal scholars began to focus on the disclosure and analysis of this phenomenon, which contributed to the development of approaches according to which information terrorism was included in the existing classification of forms and types of terrorism. Problems of determining the legal nature of information terrorism are aggravated by the fact that there is no single definition in determining the nature of information. That is, the authors are divided in their opinion, which is analyzed in this article. The author attempted not only to analyze the existing points of view, but also to offer his own vision of the legal nature of information terrorism.

Key words: terrorism, information, Internet, society, cyberspace, nature, essence.

Татарина Л.Ф.

заң ғылымдарының кандидаты, Заңтану және Халықаралық құқық
кафедрасының доценті, Тұран Университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: danila_tatarinov@mail.ru

Ақпараттық терроризмнің құқықтық табиғатын анықтау мәселелері

Қазіргі таңда ақпараттық технологиялардың әсерінен, көптеген танымал құбылыстар, соның ішінде терроризм сияқты құбылыс өзгерістерге ұшырайды. Қазақстан Республикасының заңнамасында ақпараттық терроризм түсінігі анықтамасының болмауы оның біліктілігінде

қиындықтар тудырады және сәйкесінше сот төрелігін жүзеге асырады. Осыған байланысты заң ғалымдары осы құбылыстың ашылуына және талдауына баса назар аудара бастады, бұл ақпараттық терроризмнің нысандары мен түрлерінің жіктелуіне енгізілген тәсілдердің құрылуына ықпал етті. Ақпараттық терроризмнің құқықтық табиғатын анықтау мәселелері ақпараттық сипатты анықтаудың бірде бір түсінік жоқтығымен шиеленіседі. Яғни, авторлардың ойлары осы мақалада талдамалары бойынша бөлінеді. Автор қазіргі көзқарасты талдауға ғана емес, сондай-ақ ақпараттық терроризмнің құқықтық табиғатына өз көзқарасын ұсынуға тырысты.

Түйін сөздер: терроризм, ақпарат, ғаламтор, қоғам, кибер кеңістік, табиғат, мәні.

Введение

Особенности информационного терроризма неоднократно обсуждались в научной сфере, в частности в таких проводимых исследованиях, как труды следующих специалистов: Д.А. Соломин, С.И. Грачев, Е.В. Белая и другие, которые отстаивают точку зрения, согласно которой информационный терроризм необходимо выделять, основываясь на классификации оснований, в частности по средства воздействия (Грачев, 2010, Соломин, 2004, Белая, 2005). И в то же время, анализ трудов данных авторов свидетельствует об отсутствии единого подхода к дефиниции и правовой природе информационного терроризма.

Однако большинство склонны к мнению, что особенность информационного терроризма заключается в том, что он характеризуется наличием определенного уровня интеллекта, необходимого для совершения противоправного акта. Так, в доктрине подчеркивается, что информационный терроризм является одним из самых опасных на сегодняшний день феноменов, именно из-за «функционального его в интеллектуальной сфере» (Глотина, 2014).

Методология

Методологическую базу данного исследования составляют такие общенаучные методы, как: диалектический и дедуктивный методы, системный подход и анализ, методы гносеологии, формальной логики, а также социального управления.

В работе применялись и специальные методы исследования: сравнительно-правовой и статистический методы, включающие в себя подробный анализ существующей практики развитых государств с переориентацией основных выводов на правовую систему Республики Казахстан, а также метод экспертных оценок, конкретно-социологический и формально-юридический методы.

Дискуссия

Если предпринять попытку систематизации существующих точек зрения и подходов к пониманию правовой природы информационного терроризма, то можно разделить их на следующие группы:

1. отождествляют информационный терроризм с кибертерроризмом (киберпреступление) такие специалисты, как: М.Б. Касенова, А.В. Федоров, Д.А. Соломин, С.И. Грачев, И.Н. Панарин, Л.Г. Панарина, Е.А. Роговский, С.Г. Туронок, Е.В. Старостина и др. (Грачев, 2010, Соломин, 2004, Касенова, 2014, Федоров, 2006, Роговский, 2007, Старостина, 2013, Туронок, 2011, Панарин, 2003).

2. Приравнивание информационного терроризма к психологическому терроризму, основной целью которого является вызвать страх (испуг), то есть оказать исключительно психо-эмоциональное воздействие на общество, посредством информации. Такого мнения придерживаются А.Н. Кулибаба, О.Н. Алексеев, Д.В. Ольшанский, И.М. Глотина, М.И. Шамонов и др. (Кулибаба, 2014, Алексеев, 2013, Ольшанский, 2002, Глотина, 2014, Шамонов 2007).

Но и те и другие авторы не могут однозначно ответить на вопрос, к какому пространству можно отнести информационный терроризм и в чем заключается его природа. Подобная проблема обусловлена тем, что у оборота информации нет закрепленных границ, аналогично таким видам пространств, как воздушное, сухопутное, морское (имеющие границы и правовой статус), что создает трудности, так же и в сфере противодействия исследуемому феномену. Хотя некоторые ученые придерживаются точки зрения, согласно которой понятие «информационное пространство» известно человечеству еще до октября 1969 г. (дата считающаяся отправной точкой в формировании сети Интернет) (Иванов, 2005), поскольку оборот информации уже существовал посредством печатных изданий и других средств коммуникации.

С течением времени было принято значительное количество международных документов, нормы которых направлены на противодействие терроризму на земле, в воздухе и на море (Сочнев, 2013). Однако касательно информационного терроризма, то специального документа, направленного именно на данный вид (форму), мировым сообществом не принято. Более того, даже на внутреннем законодательном уровне отсутствует законодательно закрепленное определение термину «информационный терроризм», и как отмечается в доктрине, «...на сегодняшний день данное понятие характеризуется высокой распространенностью и пониманием на уровне интуиции» (Wiener, 1961).

А все существующие международные договоры, конвенции и соглашения и вовсе содержат размытую информацию, об угрозах безопасности информационного пространства, не дающую какой-либо конкретики. Об этом мы уже говорили в предыдущих работах (Tatarinova, Shakirov, Tatarinov, 2016).

На заполнение данного пробела была направлена Концепция конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, подготовленный специалистами Российской Федерации, содержащий подробный перечень возможных угроз международному миру и безопасности в информационной сфере (Конвенция, 2011).

В проекте указываются основные информационные угрозы (статья 4), которые нашли свое отражение и в действующем УК РК, а именно в нормах, предусматривающих ответственность отдельно за терроризм и за правонарушения в сфере информатизации (Уголовный кодекс, 2014).

А предложенный проект не только дает возможность очертить смысловую нагрузку термина «информационный терроризм», но и определить признаки информационного пространства путем закрепления перечня предполагаемых угроз. Дополнительные усилия для преодоления пробела в сфере определения природы информационного терроризма должны быть предприняты на уровне каждого отдельно взятого государства, а именно путем принятия Концепции по формированию и развитию единого информационного пространства. При этом, в подобном документе должно быть определено понятие «информационного пространства», а также закреплена специфика указанного вида пространства. В

данном случае стоит учитывать, что характер угроз, которые существуют при информационном терроризме, представляют собой деяния, осуществляемые в пространстве, уникальном по своей сущности и при применении самой информации, информационных технологий и/или информационных ресурсов и телекоммуникационных сетей.

Наше предположение, касающееся применяемых ресурсов, подкрепляется доктринальными исследованиями, в которых указывается, что «... основным существенным компонентом информационного пространства выступают информационные ресурсы» (Marthoz, 2017).

Результаты

Учитывая изложенное, мы можем предположить, что «информационное пространство» представляет собой сферу общественных отношений, возникающих в области использования информации, информационных технологий и информационных ресурсов, которая не имеет осязаемых границ.

И как справедливо отмечается в специальной литературе и научных публикациях, «...отличительным признаком ...выступает связь этого пространства с сетью Интернет» или любой иной сетью, имеющей локальный или территориальный характер, доступ к которым обеспечивается посредством специальных технических устройств (Телешина, 2011). Более того, стоит акцентировать внимание на том, что информационное пространство, неразрывно связано с понятием «киберпространство», поскольку существуют они в тесной взаимосвязи между собой (Электронный ресурс, 2009).

Это подтверждается нормами Европейской Конвенции по киберпреступлениям, в которой предприняли попытку определения предполагаемых угроз, способных возникнуть в киберпространстве. Все указанные в данной Конвенции противоправные деяния напрямую связаны с конфиденциальностью, целостностью и доступностью информации и компьютерных систем, сетей данных и др. (Конвенция, 2001) и сетью Интернет (Carr, 2012), что свидетельствует о том, что киберпространство по своей природе является совокупностью общественных отношений, которые возникают в процессе «использования и функционирования электронной компьютерной сети по поводу обращения информации» (Грибанов, 2003).

Следовательно, все противоправные деяния, имеющие место в киберпространстве, должны рассматриваться как правонарушения в сфере информатизации, где ключевую роль играет информация. Таким образом, кибертерроризм можно отнести к одному из элементов информационного терроризма.

Исследователями неоднократно подчеркивалось, что особую опасность в сети Интернет имеет информация, поскольку она способна оказать психологическое воздействие на индивида и на общество. Поэтому, деятельность, имеющая террористический характер и осуществляемая в информационном пространстве, не должна быть ограничена критерием «...распространения информации о насилии или искажением объективной информации» (Шамов, 2007).

Однако, мы должны помнить, что воздействие на общественное сознание (или психику индивида) в виде пропаганды, вербовки, применения психологического насилия выступает концептуальной частью любой террористической деятельности, в том числе и в информационном пространстве (Россошанский, 2011). Ученые-юристы также подчеркивают то, что информационный терроризм в настоящее время выступает феноменом информационного общества, поскольку под влиянием цифровизации современный терроризм также претерпел трансформацию, характеризующуюся усовершенствованием средств и способов совершения правонарушений (Воронина, 2010).

Заключение

Правовая природа информационного терроризма указывает нам на такую качественную характеристику последнего, как оборот информации, способной повлиять на работу информационной системы, информационных ресурсов. Естественно, что терроризм любого вида (формы) преимущественно всегда носит информационный характер, но сам информационный терроризм направлен на изменение работы информационных систем, в том числе программно-го обеспечения.

Как показывает анализ доктрины, информационный терроризм больше направлен безопасность в информационном пространстве, в том числе на попытки проводить мероприятия, получившие название «информационная война», как мы отмечали ранее (Татарина, 2014).

Подводя итог исследованию данного вопроса, следует выявлять прежде всего правовую природу феномена «информационного терроризма» как идеологически обоснованную практику, оказывающую устрашающее воздействие на население, при принятии решения или совершения действия (бездействия) органом государственной власти, субъектом международного права, социальной группой, физическим или юридическим лицом в области информационного пространства, связанного с использованием информации, информационных технологий и (или) информационных ресурсов.

Литература

- Грачев С.И. Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории: учебное пособие. – Н. Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010. – 242 с.
- Соломин Д.А. Противодействие терроризму в информационной сфере: дис. ... канд. политич. наук. – М., 2004. – 197 с.
- Белая Е.В. Феномен терроризма в современном обществе: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2005. – 153 с.
- Глотина И.М. Информационный терроризм и его влияние на экономику // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3 (51). – С. 132 – 134.
- Касенова М.Б. Трансграничное управление интернетом: основные термины и понятия // Юридический мир. – 2014. – № 2. <http://www.center-bereg.ru/h31.html>
- Федоров А.В. Федоров А.Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: криминологическая характеристика и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. – С. 6-8.
- Роговский Е.А. Россия в борьбе с международным терроризмом: грани повышения позитивного образа страны // Электронный научный журнал «Россия и Америка в XXI веке». 2007. №3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=66>
- Старостина Е.В. Терроризм и кибертерроризм: угроза международной безопасности // Центр исследования компьютерной преступности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crime-research.ru/articles/starostina/3>
- Турунок С.Г. Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 132.
- Панарин И.Н., Панарина Л.Г. Информационная война и мир. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 317.
- Кулибаба А.Н. Информационный терроризм URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1252544>

- Алексеев О.Н. Международный терроризм и борьба с ним крупнейших государств тихоокеанского региона: дис. ... канд. политич. наук. – Владивосток, 2013. – С. 64.
- Ольшанский Д.В. Психология терроризма. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с. http://scienceport.ru/files/psi_terror.pdf
- Глотина И.М. Информационный терроризм и его влияние на экономику // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3 (51). – С. 133.
- Шамов М.И. Государственная стратегия и политические технологии предупреждения информационного терроризма в современном обществе: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – С. 11-12.
- Иванов А.К. Глобальное информационное пространство и его место в современном международном праве // Ползуновский вестник. – Барнаул, 2005. – № 1. – С. 220.
- Сочнев Д.В. Основные виды и наиболее распространенные формы международного терроризма // Полицейская и следственная деятельность. 2013. № 2 URL: http://enotabene.ru/pm/article_801.html
- Wiener N. Cybernetics (first edition 1948). – Cambridge: MIT Press, 1961. – 212 p.
- Tatarinova L. F., Shakirov K. N., Tatarinov D. V. Criminological Analysis of Determinants of Cybercrime Technologies International Electronic Journal of Mathematics Education // IEJME – MATHEMATICS EDUCATION. – 2016, VOL. 11. – NO. 5. – P. 1127-1134
- Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // Официальный сайт МИД РФ http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkVB6BZ29/content/id/191666
- Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. В редакции Закона РК от 12.07.2018 № 180-VI // Ведомости Парламента РК 2014 г., № 13-II, ст. 83
- Jean-Paul Marthoz Terrorism and theMedia. – Published in 2017 by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization Revised edition // <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002470/247074E.pdf>
- Sweden has central role in cyber warfare // <http://www.dn.se/nyheter/sverige/sweden-has-central-role-in-cyber-warfare>
- Телешина Н.Н. Виртуальное пространство как объект контрольной деятельности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Муром, 2011. – С. 9.
- Цифровые информационные ресурсы – это переведенная в цифровой код информация в форме данных, баз данных и программно-информационных продуктов, которая обрабатывается с использованием средств вычислительной техники [Электронный ресурс]. URL: http://normative_reference_dictionary.academic.ru/87332/цифровые_информационные_ресурсы
- Европейская конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве). Будапешт, 23 ноября 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603>
- Carr J. Inside cyberwarfare. – Sebastopol: O’Really, 2012. – 295 p.
- Грибанов Д.В. Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 125.
- Росошанский А.В. Риски и угрозы информационного терроризма // Человек. Сообщество. Управление. – 2011. – № 3. – С. 101.
- Воронина Т.П. Современный терроризм как феномен информационного общества // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – М.: Университетская книга, 2010. – Т. I. – С. 446-447.
- Татарина Л.Ф. Концептуальные проблемы соблюдения нейтралитета во время «информационной войны» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – №10 (67). – Октябрь 2014. – М., 2014.

References

- Grachev S.I. Terrorizm i kontrterroristicheskaja dejatel’nost’: voprosy teorii: uchebnoe posobie [Terrorism and counterterrorism activities: theory questions: study guide] – N. Novgorod: FMO/ISI NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2010. – 242 s.
- Solomin D.A. Protivodejstvie terrorizmu v informacionnoj sfere: dis. ... kand. politich. nauk. [Countering terrorism in the information sphere: dis. ... Cand. politic sciences.] – M., 2004. – 197 s.
- Belaja E.V. Fenomen terrorizma v sovremennom obshchestve: dis. ... kand. sociol. nauk. [The phenomenon of terrorism in modern society: dis. ... Cand. sociol. sciences.] – M., 2005. – 153 s.
- Glolina I.M. Informacionnyj terrorizm i ego vlijanie na jekonomiku // Problemy sovremennoj jekonomiki. [Information terrorism and its impact on the economy] – 2014. – № 3 (51). – S. 132 – 134.
- Kasanova M.B. Transgranichnoe upravlenie internetom: osnovnye terminy i ponjatija [Cross-border Internet Governance: Basic Terms and Concepts]// Juridicheskij mir. – 2014. – № 2. <http://www.center-bereg.ru/h31.html>
- Fedorov A.V. Fedorov A.Ju. Kriminal’noe manipulirovanie v sfere jekonomicheskoy dejatel’nosti: kriminologicheskaja harakteristika i preduprezhdenie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Criminal manipulation in the field of economic activity: criminological characteristics and warning: author. dis. ... Cand. legal sciences.] Omsk, 2006. S. 6 S. 8;
- Rogovskij E.A. Rossija v bor’be s mezhdunarodnym terrorizmom: grani povyshenija pozitivnogo obraza strany [Russia in the fight against international terrorism: the verge of increasing the positive image of the country]// Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «Rossija i Amerika v XXI veke». 2007. №3 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=66>
- Starostina E.V. Terrorizm i kiberterrorizm: ugroza mezhdunarodnoj bezopasnosti [Terrorism and cyber-terrorism: a threat to international security] // Centr issledovanija komp’juternoj prestupnosti [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.crime-research.ru/articles/starostina/3>
- Turonok S.G. Informacionnyj terrorizm: vyработка strategii protivodejstvija [Information Terrorism: Developing a Counteraction Strategy]// Obshhestvennye nauki i sovremennost’. 2011. № 4. S. 132 .

- Panarin I.N., Panarina L.G. Informacionnaja vojna i mir. [Information war and peace.] M.:OLMA-PRESS, 2003. S. 317
- Kulibaba A.N. Informacionnyj terrorizm [Information terrorism] URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1252544>
- Alekseev O.N. Mezhdunarodnyj terrorizm i bor'ba s nim krupnejshih gosudarstv tihookeanskogo regiona: dis. ... kand. politich. nauk. [International terrorism and the fight against it the largest states in the Pacific region: dis. ... Cand. politic sciences.] Vladivostok, 2013. S. 64
- Ol'shanskij D.V. Psihologija terrorizma. [Psychology of terrorism.] SPb.: Piter, 2002. 288 s. http://scienceport.ru/files/psi_terror.pdf
- Glolina I.M. Informacionnyj terrorizm i ego vlijanie na jekonomiku [Information terrorism and its impact on the economy] // Problemy sovremennoj jekonomiki. 2014. № 3 (51). S. 133.
- Shamov M.I. Gosudarstvennaja strategija i politicheskie tehnologii preduprezhdenija informacionnogo terrorizma v sovremenom obshhestve: dis. ... kand. jurid. nauk. [State strategy and political technologies of information terrorism prevention in modern society: dis. ... Cand. legal sciences.] N. Novgorod, 2007. S. 11-12.
- Ivanov A.K. Global'noe informacionnoe prostranstvo i ego mesto v sovremennom mezhdunarodnom prave [Global information space and its place in modern international law] // Polzunovskij vestnik. Barnaul, 2005. № 1. S. 220.
- Sochnev D.V. Osnovnye vidy i naibolee rasprostranennye formy mezhdunarodnogo terrorizma [The main types and the most common forms of international terrorism // Police and investigative activities.] // Policeskaja i sledstvennaja dejatel'nost'. 2013. № 2 URL: http://enotabene.ru/pm/article_801.html
- Wiener N. Cybernetics (first edition 1948). – Cambridge: MIT Press, 1961. – 212 p.
- Tatarinova L. F., Shakirov K. N., Tatarinov D. V. Criminological Analysis of Determinants of Cybercrime Technologies International Electronic Journal of Mathematics Education // IEJME – MATHEMATICS EDUCATION. – 2016, VOL. 11. – NO. 5. – R. 1127-1134.
- Konvencija ob obespečenii mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti (koncepcija) [Convention on ensuring international information security (concept)] // Oficial'nyj sajt MID RF http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptfCk6BZ29/content/id/191666
- Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan] ot 3 ijulja 2014 goda № 226-V ZRK. V redakcii Zakona RK ot 12.07.2018 № 180-VI // Vedomosti Parlamenta RK 2014 g., № 13-II, st. 83
- Jean-Paul Marthoz Terrorism and the Media. – Published in 2017 by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization Revised edition // <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002470/247074E.pdf>
- Sweden has central role in cyber warfare // <http://www.dn.se/nyheter/sverige/sweden-has-central-role-in-cyber-warfare>
- Teleshina N.N. Virtual'noe prostranstvo kak ob'ekt kontrol'noj dejatel'nosti gosudarstva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Virtual space as an object of state control activity: author. dis. ... Cand. legal sciences.] Murom, 2011. S. 9.
- Cifrovye informacionnye resursy – jeto perevedennaja v cifrovoj kod informacija v forme dannyh, baz dannyh i programmno-informacionnyh produktov, kotoraja obrabatyvaetsja s ispol'zovanijem sredstv vychislitel'noj tehniki [Digital information resources – this is digitized information in the form of data, databases and software and information products, which is processed using computer technology] [Jelektronnyj resurs]. URL: http://normative_reference_dictionary.academic.ru/87332/cifrovye_informacionnye_resursy
- Evropejskaja konvencija po kiberprestuplenijam [European Convention on Cybercrime (crimes in cyberspace)] (prestuplenijam v kiberprostranstve). Budapest, 23 nojabrja 2001 goda [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603>
- Carr J. Inside cyberwarfare. – Sebastopol: O'Really, 2012. – 295 p.
- Gribanov D.V. Pravovoe regulirovanie kiberneticheskogo prostranstva kak sovokupnosti informacionnyh otnoshenij: dis. ... kand. jurid. nauk. [Legal regulation of cyberspace as a set of informational relations: dis. ... Cand. legal sciences.] Ekaterinburg, 2003. S. 125
- Rossoshanskij A.V. Riski i ugrozy informacionnogo terrorizma [Risks and threats of information terrorism] // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2011. № 3. S. 101.
- Voronina T.P. Sovremennyj terrorizm kak fenomen informacionnogo obshhestva [Modern terrorism as a phenomenon of the information society] // Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M.: Universitetskaja kniga, 2010. T. I. S. 446-447.
- Tatarinova L.F. Konceptual'nye problemy sobljudenija nejtraliteta vo vremja «informacionnoj vojny» [Conceptual problems of maintaining neutrality during the «information war»] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – №10 (67). – Oktjabr' 2014. – Moskva, 2014.

Nurmukhankyzy D.¹, Ayanbayev Ye.², Begzhan A.³

¹PhD in Jurisprudence, State and legal disciplines department, I. Zhansusgurov Zhetysu State University, Kazakhstan, Taldykorgan, e-mail: daniyafmo@mail.ru

²PhD International Law, e-mail: eldar.ayanbayev@gmail.ru

³Master of legal sciences, e-mail: aizat007@mail.ru
Chair of International Law, Department of International Relations,
al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

**THE ANALYSIS OF WTO MANDATORY
AND FACULTATIVE AGREEMENTS: APPLICATION OF SANITARY
AND PHYTOSANITARY MEASURES (SPS)
AND GOVERNMENT PROCUREMENT**

The package of agreements of the Uruguay Round of multilateral trade negotiations consists of the Agreement establishing the WTO (an integral part of the Final Act) and its annexes. The annexes contain legal agreements and other documents covering the areas of trade in goods, services and the protection of trade-related aspects of intellectual property rights. This whole package of arrangements is considered as a whole. This means that a country acceding to the WTO should accept all agreements without exception. The only advantage provided for in this plan is the different conditions for the implementation of the agreements: longer for developing countries and, in some cases, for countries with economies in transition. This study focuses on the analysis of the legal mechanism to ensure the rights and obligations of member states in the interaction of mandatory and optional WTO agreements. This article discusses the scope and role of the above types of WTO regulations on the example of the Agreement on the application of sanitary and phytosanitary measures and the Agreement on public Procurement. The study shows the importance of these documents in the field of trade and the economy as a whole. The article also discusses theoretical and practical recommendations for improving the current legislation of the Republic of Kazakhstan and the practice of their application.

Key words: WTO, agreement, SPS, public, Procurement.

Нурмуханкызы Д.¹, Аянбаев Е.², Бегжан А.³

¹құқықтану мамандығы бойынша PhD, I. Жансүгіров атындағы Жетісу мемлекеттік университеті, мемлекеттік-құқықтық пәндер кафедрасы, Қазақстан, Талдықорған қ., e-mail: daniyafmo@mail.ru

²халықаралық құқық мамандығы бойынша PhD, e-mail: eldar.ayanbayev@gmail.ru

³заң ғылымдарының магистрі, e-mail: aizat007@mail.ru
халықаралық қатынастар факультеті, халықаралық құқық кафедрасы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

**ДСҰ міндетті және факультативті келісімдердің сараптамасы:
санитарлық және фитосанитарлық шараларды қолдану жөніндегі
және мемлекеттік сатып алу туралы келісімдер**

Көпжақты сауда келіссөздерінің Уругвай кезеңінің келісімдер пакеті ДСҰ-ның құрылуы туралы (Қорытынды актінің ажырамас бөлігі) және оның қосымшаларын құратын Келісімнен тұрады. Қосымшаларда тауарлармен сауда-саттық, қызмет көрсету және зияткерлік меншік құқықтарының сауда аспектілерін қорғау салаларын қамтитын құқықтық келісімдер және басқа да құжаттар бар. Бұл барлық келісімдер жиынтығы тұтастай алғанда қарастырылады. Бұл ДСҰ-ға қосылған ел, барлық келісімдерді қабылдайтындығын білдіреді. Бұл жоспарда көзделген жалғыз артықшылық- бұл келісімдерді жүзеге асырудың әртүрлі шарттары: дамушы елдер үшін және кейбір жағдайларда өтпелі экономикасы бар елдер үшін ұзақ болады. Бұл зерттеу ДСҰ-ның

міндетті және қосымша келісімдерінің мүше мемлекеттердің өзара әрекеттесуінде құқықтары мен міндеттерін қамтамасыз етудің құқықтық тетігін талдауға бағытталған. Бұл мақалада ДСҰ-ның санитарлық және фитосанитарлық шараларды қолдану туралы және Мемлекеттік сатып алу туралы келісімдердің үлгісінде, жоғарыда аталған құжаттардың маңыздығы мен заңды көлемі талқыланады. Зерттеу осы құжаттардың тұтастай алғанда сауда және экономика саласындағы маңыздылығын көрсетеді. Сондай-ақ, мақалада Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасын жетілдіру және оларды қолдану практикасы бойынша теориялық және практикалық ұсыныстар талқыланады.

Түйін сөздер: ДСҰ, келісім, СФС, қоғамдық, сатып алу.

Нурмуханкызы Д.¹, Аянбаев Е.², Бегжан А.³

¹доктор философии (PhD), кафедра государственного-правовых дисциплин, Жетысуский государственный университет им. И. Жансугурова, Казахстан, г. Талдыкорган, e-mail: daniyafmo@mail.ru

²доктор философии (PhD), e-mail: eldar.ayanbayev@gmail.ru

³магистр юридических наук, e-mail: aizat007@mail.ru

кафедра международного права, факультет международных отношений, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

**Анализ обязательных и факультативных соглашений ВТО:
соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер (СФС)
и соглашение по правительственным закупкам**

Пакет соглашений Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров состоит из Соглашения об учреждении ВТО (неотъемлемой части Заключительного акта) и приложений к нему. В приложениях содержатся юридические соглашения и другие документы, охватывающие сферы торговли товарами, услугами и защиты торговых аспектов прав интеллектуальной собственности. Весь этот пакет договоренностей рассматривается как единое целое. Это означает, что страна, присоединяющаяся к ВТО, должна принимать все без исключения соглашения. Единственным преимуществом, предусмотренным в этом плане, являются различные условия для осуществления соглашений: дольше для развивающихся стран и, в некоторых случаях, для стран с переходной экономикой. В этом исследовании основное внимание уделяется анализу правового механизма обеспечения прав и обязанностей государств-членов при взаимодействии обязательных и факультативных соглашений ВТО. В данной статье обсуждается сфера действия и роль вышеназванных видов нормативных актов ВТО на примере Соглашения о применении санитарных и фитосанитарных мер и Соглашения о государственных закупках. Исследование показывает важность данных документов в области торговли и экономики государства в целом. В статье также рассматриваются теоретические и практические рекомендации по совершенствованию действующего законодательства Республики Казахстан и практика их применения.

Ключевые слова: ВТО, соглашение, СФС, общественность, закупки.

Introduction

The agreement establishing the WTO covers only organizational and procedural issues. The WTO does not have a statute containing legal rules and regulations. The legal basis of the WTO is the GATT in the 1994 edition (hereinafter referred to as GATT 1994), which includes a number of new agreements, agreements and decisions, as well as the General Agreement on Trade in Services (GATS); The Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) (WTO Legal Texts) and a number of agreements and other legal instruments.

All the legal documents resulting from the Uruguay Round constitute one integrated package of agreements and arrangements. This package contains legal rules, regulations and decisions that the

WTO is intended to promote. In this regard, the abbreviation «WTO» has a double meaning: it means the organization and at the same time a complex of legal documents defining the rights and obligations of governments in the field of international trade in goods and services. The term «WTO Law» is increasingly used in legal and economic literature. And this is not by chance.

The provisions of the agreements forming the legal framework of the WTO codify in a systematic way what is commonly referred to as generally accepted international practice. The term «generally accepted world practice» is a kind of synthesis of national legal systems in the sphere of regulating international trade relations. The generally accepted world practice is based on a complex system of multilateral agreements; conventions and decisions rooted in the national legislation of the largest

countries in the world, and create in many ways a common international legal space – the basis for the growth of world trade. In this article we will give the analysis of one mandatory Agreement on SPS measures and the facultative on the example of the Agreement of public Procurement.

Theoretical-methodological bases of the article

The theoretical basis of the research was scientific research on the issues of the use of mandatory and facultative agreements, general theoretical works of legal scholars on the theory of law, as well as on trade, civil and international law. The research was based on the works of D. Karro, P. Juiar, A.S. Smbatyan, P. Van den Bosche, R.A. Askhodzhayeva, L. Lacovone.

In the development of the topic, the works of researchers in the field of philosophy, also economics and ecology, natural and technical sciences were used.

The methodological basis of the research is the methods and methods of scientific knowledge that established in science. In particular, such general scientific methods as logical, systemic, functional, method of analysis and synthesis, as well as the dialectical method as the fundamental general scientific method of cognition of processes and phenomena of the objective world and the private-scientific methods based on it are used: historical-legal, comparative legal, formally legal.

Literature review

The overall goals of this article are firstly to establish the significance of the mandatory and facultative agreements of the WTO, and then identify their place in the legal system in trade relations. The main scope of the research is aimed on the analysis of the functioning of mandatory agreement on SPS measures and facultative agreement on Government procurement. Foreign authors mostly in Russian legal science such as Chuyko N.A. and Azkhodzhaeva R.A. in their thesis works define the mandatory agreement on SPS measures as a tool in monitoring the harmonization of international standards; interactions with international organizations whose activities include food safety issues. The foreign scientists as Van den Bosche P. and Silverglade B. approach the research that the mandatory agreements form a new legal space that has a significant impact on the domestic legislation of the member states. On the other hand researchers like Lacovane

L. think that SPS measures prevent arbitrary and unreasonable discrimination on the part of member states due to differences in sanitary and phytosanitary standards. In order to balance the interests of trade liberalization, on the one hand, and non-trade aspects, on the other, Bisgaard C. in 2001 noted that the approach is that any SPS measure should have a scientific rationale and be evaluated in terms of possible risks.

Concerning the facultative agreements and in particular the agreement on Government procurement their role is underestimated. Pascal Lami in his Remarks to a Symposium on «The WTO Agreement on Government Procurement: Developmental and Trade Significance, Changing Context and Future Prospects» in 2010 stated that it is necessary to carry out government procurement in the member states, «preventing corruption practices», that is a very important issue in every legal state. Russian scholar Makarova in her work: Bans and restrictions in foreign trade states that at the same time, all countries of the world actively apply the terms of the above mentioned facultative agreement in their foreign trade practice and government procurement system. The points of such authors as Marcia G. Madsen, Timothy J. Keeler, Krista Nadakavukaren Schefer, Michael R. Liners, Fraser Johnson, Anna E. Flynn, Harold E. Firon shows us that WTO agreements are a form of lawful interference in the internal affairs of states, since each state, joining the WTO, voluntarily assumes legal obligations under the agreements to which it becomes a party.

Discussion

Multilateral agreements that are part of the WTO contain legal norms that should guide governments in mutual trade in goods and services. In this capacity, they replace more than 30,000 bilateral agreements and create the legal basis of modern international trade (Дюмулен, 1997: 158).

From the point of view of ensuring the safety of imported goods, the passage of certain procedures to prevent the presence of pathogens and harmful substances in them is of key importance. These procedures are in the nature of pre-market inspections, market control, quarantine regime. Together with relevant laws, regulations, rules, requirements, risk assessments, etc. they are called sanitary, phytosanitary and veterinary measures.

As a result of liberalization in the framework of the GATT / WTO, customs tariffs today do not create as serious barriers to international trade in goods,

as it was before. However, in such circumstances, the role of non-tariff regulatory measures in the form of restrictive measures in relation to the import of certain goods from certain countries increases. Such measures can become both a hidden tool for the protection of the national interests of the country, and an obstacle for poor-quality foreign goods. Among non-tariff measures, sanitary and phytosanitary measures are particularly important.

The importance of WTO activities in the field of food safety is increasing. It plays a special role, forming a new legal space that has a significant impact on the domestic legislation of states. Most of the emerging controversial situations related to food belong to trade issues and, therefore, to the scope of the WTO agreements (Van den Bosche, 2005: 608).

Both in science and among the general public, a point of view is expressed that Kazakhstan's accession to the WTO threatens the country's food security. Consumer protection and environmental NGOs are concerned that WTO promotes trade to the detriment of health and environmental concerns. They express concerns that the uniform trade rules lead to a decrease in the level of national environmental, sanitary and technical protection. In order to study this issue, it is necessary to analyze what the WTO as an international organization represents, what are its features and terms of reference for regulating food safety.

Food safety issues may be within the purview of bodies such as the Committee on Technical Barriers to Trade and the Committee on Sanitary and Phytosanitary Measures (included in the Council for Trade in Goods), disputes arising are referred to the Dispute Resolution Authority (Silverglade, 2014: 2).

The Committee on Technical Barriers to Trade is established in accordance with Art. 13 Agreements on technical barriers to trade. It consists of representatives from each member country who meet at least once a year to provide members with the opportunity to hold consultations on issues related to the functioning of the relevant TBT Agreement or the implementation of its goals, and also performs other duties assigned to it this Agreement TBT or members.

If the disputable measures of states fall within the scope of the Agreement on the Application of SPS Measures, then such issues may be submitted for consideration by the SPS Measures Committee (Article 12 of the SPS Agreement). The committee encourages and facilitates ad hoc consultations or negotiations on specific sanitary or phytosanitary issues. It performs three main functions: 1) it acts as a forum for expressing concern on specific product

items; 2) it established a procedure for monitoring the harmonization within the framework of related organizations that are engaged in the development of standards in this area; 3) The Committee is engaged in the development of the norms established in the Agreement.

At each meeting within the framework of the Committee, Member States have the opportunity to express their concerns regarding specific product positions and to receive support from other members. In this regard, the Committee works as a multilateral forum where states have the opportunity to explain and argue on their adopted measure.

In addition to the discussion platform, the Committee develops a procedure for monitoring the process of international harmonization, the application of international standards, guidelines or recommendations and coordinates this work with relevant international organizations. They maintain close contacts with international organizations in the field of SPS protection, especially with the CCA, the OIE and the Secretariat of the International Plant Protection Convention.

The WTO SPS Committee on Measures makes a significant contribution to the resolution of food safety issues through the resolution of disputes related to the application of SPS measures; monitoring the harmonization of international standards; interactions with international organizations whose activities include food safety issues; development, development and interpretation of the norms of the WTO Agreement on the application of SPS measures; collection, dissemination of information on the application of SPS measures by Member States and the provision of technical assistance to them (Чуйко, 2015:11a).

According to the famous Russian scientist V.M. Shumilova, in practice the selective use of SPS measures turns them into a means of restricting access to the national market. SPS standards are in the trade of agricultural products, food products, medicines, perfumes, chemicals, etc. the same as technical barriers to trade in manufactured goods (Азходжаева, 2008:107-108a).

Regarding international standards, the SPS Agreement establishes two main functions of the Committee, one of which is to monitor the use of international standards by member states. To this end, the Committee is developing a list of international standards that have the greatest effect on trade, and controls the extent to which member states adhere to them. In cases where a member state does not adhere to these standards, it must justify the relevant reasons that the standard does not provide the state's

objectives in SPS protection. This monitoring procedure was first introduced in 1997 and continues to be applied at present. It allows you to establish where the development of a new standard is required, and in which cases the current standard does not meet the proper level, since it does not provide the necessary degree of protection. As a result, this process of monitoring, ongoing dialogue and information sharing within the framework of the Committee underlines its role as coordinator in the process of international harmonization. Nevertheless, much more needs to be done in order to engage and more actively engage developing countries in this process.

Within the WTO, there is no special agreement regulating relations in the field of food safety, but these issues are addressed in such agreements as GATT, SPS Agreement, TBT Agreement. Neither the GATT, nor the SPS Agreement, nor the TBT Agreement are agreements in the field of health and food safety – these are trade agreements. Based on the exemptions provided for in these agreements, States can take measures to protect the life and health of people, animals and plants, thereby ensuring the import of food of good quality. However, for such measures to take place, the WTO agreements provide for special conditions, and if such measures are discriminatory or provide protectionism measures against national producers, they can be challenged under the LFS as illegal and subject to cancellation (Шумилов, 2013: 20).

As noted T.M. Kovaleva and S.A. Malinin, many of the constituent acts of specialized organizations provide for liaison with UN bodies and other organizations. As for legal relations with sovereign subjects, they are not limited to contacts with member states. Cooperation is also carried out with non-member states, for which the relevant treaties are concluded. The Vienna Convention of 1975 gives states the right to have representative offices at international organizations of universal character, therefore, an organization has the right to enter into relations with sovereign entities through these representations (Ковалева, 1992: 55-56a).

SPS measures are legal provisions aimed at protecting the life and health of people, animals and plants. Sanitary measures are designed to protect the health of people and animals from diseases, pests, as well as the risks arising from additives, pollutants and toxins in food. Phytosanitary measures deal with the protection of plant health from pests. In general, SPS measures include various laws, regulations, rules, instructions and procedures covering veteri-

nary, quarantine and sanitary and epidemiological requirements for the final product (for example, the permissible level of pesticides in feed), to the process of production and processing of products, inspection procedures and certification, etc.

The SPS Agreement contains a balance of rights and obligations. Due to the fact that SPS measures are a less transparent way to regulate trade than tariffs, and may differ depending on the country of origin of the imported goods, it is possible for countries to abuse the right to apply SPS measures and discriminate some goods against others. The SPS Agreement applies to all sanitary and phytosanitary measures that may directly or indirectly have a negative impact on international trade. Having no analogue in the era of GATT-47, the SPS Agreement replaced Art. XX GATT, which was poorly applicable to sanitary and phytosanitary measures taken by states, as it contained rather vague provisions and lacked an effective institutional framework for their application. Clause 4 of Article 2 of the SPS Agreement states that sanitary or phytosanitary measures consistent with the provisions of the Agreement are deemed to be in accordance with the obligations of the members provided for by the provisions of GATT 1994 relating to the use of sanitary or phytosanitary measures, in particular the provisions of art. XX (b).

The SPS Agreement defines two main objectives: on the one hand, to promote the protection and improvement of human, animal and plant life and health and the sanitary and epidemiological situation of member states; on the other hand, to prevent arbitrary and unreasonable discrimination on the part of member countries due to differences in sanitary and phytosanitary standards (Lacovone a).

The SPS Agreement is designed to prevent such abuses and defines mechanisms to ensure conditions under which WTO members will not apply SPS measures for protectionist purposes so that the implementation of these measures does not create unreasonable barriers in international trade (Сайрамбаева, 2014: 113). This agreement enshrines the rights of member countries to impose restrictions in order to protect the life and health of people, animals and plants from:

1. Risks arising from the penetration, rooting or spread of pests, diseases, pests, or pathogens;
2. The risks posed by additives, pollutants, toxins or pathogens in food, beverages or feed;
3. Risks arising from diseases carried by animals, plants or their products, or in connection with the penetration, rooting or spread of pests;

4. Other damage caused by the penetration, establishment or spread of pests (Гурбаева, 2009: 13a).

At the same time, the SPS Agreement recognizes the sovereign right of WTO members to establish such a level of SPS protection as it seems necessary for them to protect the life and health of people, animals and plants based on climate, prevalence of diseases and pests, as well as other internal country conditions. However, the established level of SPS protection must necessarily be based on scientific evidence (Гурбаева, 2009: 13б).

SPS measures include all relevant laws, regulations, rules, requirements and procedures covering, including requirements for the final product; processing and production methods; testing, inspection, certification and approval procedures; quarantine regulations, including relevant requirements related to the transportation of animals or plants or materials necessary for their livelihoods during transportation; provisions for relevant statistical methods, sampling procedures and risk assessment methods; packaging and labeling requirements aimed directly at ensuring food safety.

The SPS Agreement is based on several basic principles and provisions, developed, including on the basis of the practice of resolving disputes: equivalence, transparency, non-discrimination, harmonization, scientific justification and regionalization (Ковалева, 1992: 216).

Kazakhstan researcher B. Kalymbek adds to this list the principle of recognizing zones free from pests or diseases, and zones with insignificant spread of pests or diseases, as well as the principle of openness of measures taken by SPS (Калымбек).

In order to balance the interests of trade liberalization, on the one hand, and non-trade aspects, on the other, the SPS Agreement establishes a scientifically based approach as a determining factor (Bisgaard, 2001: 105.). This approach is that any SPS measure should have a scientific rationale and be evaluated in terms of possible risks.

In accordance with Art. 5 of the SPS Agreement, member states should ensure that the basis of their SPS measures is an appropriate risk assessment for human, animal or plant life or health, taking into account risk assessment methods developed by competent international organizations. The available scientific rationale should be taken into account; appropriate production and processing methods; relevant inspection, sampling and testing methods; the prevalence of specific diseases or pests; the presence of zones free from diseases or pests;

Relevant environmental conditions and quarantine or other measures.

In cases where the scientific rationale is insufficient, any member may temporarily introduce sanitary or phytosanitary measures based on available relevant information, including information received from relevant international organizations, as well as information on the SPS measures applied by other members. In such circumstances, members should seek to obtain additional information necessary for a more objective risk assessment, and to review the sanitary or phytosanitary measure within a reasonable period of time (Lacovone б).

In addition, the measure adopted by Member States must meet the criteria of necessity and consistency.

Accordingly, in the case of a dispute, the measure adopted by a WTO SPS member state will be evaluated according to three criteria:

1. Has it been used only to the extent necessary to protect the life or health of people, animals or plants.
2. Was it based on scientific principles and did not remain in force without sufficient scientific substantiation.
3. Whether it serves as a means of arbitrary or unjustified discrimination and whether it is not applied in a way that would be a hidden restriction of international trade.

Taking into account the principle of regionalization, the member states ensure that their sanitary or phytosanitary measures are taken taking into account the sanitary or phytosanitary characteristics of the area – both the whole country and its part, or several countries or parts of it, from which the goods originate and for which one he intended. Assessing the sanitary or phytosanitary characteristics of a region, members take into account, inter alia, the prevalence of specific pests or diseases, the existence of programs to control or eradicate them, and appropriate criteria or guidelines that can be developed by relevant international organizations.

Exporting members who declare that zones within their territories are zones free from pests or diseases, or zones with a low prevalence of pests or diseases, should provide the necessary confirmation of this. To this end, the importing member is provided, upon request, reasonable access for inspection, testing and other relevant procedures (Антонова, 2009: 85).

In addition to the principles considered, in accordance with Art. 10 of the SPS Agreement in the development and application of sanitary or phyto-

sanitary measures Member States should take into account the specific needs of members – developing countries and in particular members from among the least developed countries. For their goods, a longer period should be provided for adapting to these measures in order to preserve the possibilities of their export.

The problem of supporting food safety systems in developing countries is one of the most pressing. Developed countries, through the provision of technical assistance, can contribute to their more active involvement in the work of specialized WTO bodies and protect their rights within the Dispute Resolution Authority (Чуйко, 2014: 1086).

In order to further liberalize trade in agricultural products, the SPS Agreement promotes the harmonization of the laws of member countries, as well as their closer cooperation through equivalence and the application of international standards, guidelines and recommendations.

The principle of equivalence (Article 4 of the SPS Agreement) is that member states recognize the measures of other members as equivalent, even if these measures differ from their own or from those used by other members trading in the same product, and if the exporting member will objectively demonstrate to the importing member that his measures provide an adequate level of sanitary or phytosanitary protection for the importing member.

In accordance with the principle of harmonization (Article 3 of the SPS Agreement), member states should strive to base their sanitary or phytosanitary measures on international standards, guidelines or recommendations, if any, that do not contradict the provisions of the SPS Agreement.

States may establish a higher level of SPS protection than established on the basis of relevant international standards, if there is an appropriate scientific justification or if a member determines that this level of SPS protection is appropriate under the provisions of Art. 5 of the SPS Agreement. Thus, measures that were not based on international standards, guidelines and recommendations, where they exist, will not be applied without providing members with a scientific justification for these measures in accordance with Art. 3.3 SPS Agreement.

To the extent possible, States commit to participate in the activities of international organizations and their subsidiary bodies, such as the AC Commission, the International Epizootic Bureau and international and regional organizations operating under the International Plant Protection Convention. Coordination and monitoring of the process of in-

ternational harmonization is carried out by the SPS Measures Committee.

Each state entering the WTO accepts a package of mandatory documents, which include multilateral agreements of the WTO. However, there are so-called plurilateral, i.e. non-binding for the adoption of the WTO agreement, which means that states independently determine the appropriateness of accession to such agreements.

One of these agreements is the WTO Agreement on Government Procurement (Agreement on Government Procurement), which is a very significant international document in the field of public procurement.

It should be noted that the international rules of this type of trade began to develop only towards the end of the last century, because in 1947, when GATT was concluded, government Procurement were specifically excluded from it. However, as international economic relations developed, government Procurement became part of the global trading system. In this regard, there is a need to develop common rules that would ensure transparency, competitiveness and non-discrimination in this market segment and would not contradict the interests of the states themselves.

Thus, in 1979, the Government Procurement Agreement was signed at the Tokyo Round of Multilateral Trade Negotiations. In 1994, the WTO Agreement on Government Procurement was again reviewed. The revised agreement entered into force on January 1, 1996 within the framework of the established World Trade Organization (Государственные закупки в системе ВТО а).

State procurement is the totality of the various functions and actions that are focused on the increase of centralized controllability, reduction of state budget expenditures, control of material flows and ensuring the needs of state institutions (Michael, 2007: 221).

The main principle of the WTO Agreement on Government Procurement is non-discrimination. It is aimed at developing international trade, restricting discrimination against foreign suppliers and ensuring the transparency of national legislation and applicable procurement procedures. At the same time, the WTO legal documents contain strict rules for using numerous measures of non-tariff regulation of foreign trade. At the same time, all countries of the world actively apply them in their foreign trade practice (Макарова, 2007: 4).

Thus, according to the WTO Agreement on Government Procurement, states must provide suppliers

from all other member countries with equal conditions, rights and opportunities to participate in their public procurement with domestic suppliers. The provisions of the Agreement do not allow government Procurement authorities to provide benefits, privileges or preferences to any particular supplier for receiving orders. It is also prohibited to impede the participation of foreign suppliers in public Procurement by unreasonably tightening qualification requirements, technical regulations and other means.

However, this WTO Agreement on Government Procurement does not imply full liberalization of the government procurement market. First of all, the rules of the Agreement do not cover Procurement related to ensuring the national defense and security of the state. In addition, all the benefits provided for in the Agreement are given only for its members, and there is no requirement for a favorable regime for third countries (Государственные закупки в системе ВТО б).

When joining the WTO Agreement on Government Procurement, all commitments made by countries are clearly specified, which are documented as individual Annexes to the Agreement for each country. The application of each country consists of five sections. Sections 1-3 present lists of organizations conducting public Procurement in accordance with the standards prescribed by the Agreement. The first section shows the list of central government bodies, the second one lists the local authorities, and the third section indicates the other organizations involved in government Procurement (for example, state-owned companies) (Государственные закупки в системе ВТО в).

Sections 4 and 5 include a list of services and construction services, respectively. The rules and regulations of the WTO Agreement on Government Procurement apply only to government procurement of those services that are included in these sections. For example, if the list of services of a particular country does not include veterinary services, then the Ministry of Agriculture of this country (or another competent authority) will procure these services according to other internal rules and laws that may be contrary to the provisions of the WTO Agreement on Government Procurement (Государственные закупки в системе ВТО г).

The purpose of the Agreement is to oblige governments to use commercial considerations in the procurement of goods and services for government use, without distinguishing between foreign and national suppliers.

On April 6, 2014, a new version of the World Trade Organization Agreement on Government Pro-

urement entered into force. The changes will create new opportunities for Procurement, according to which it became possible to liberalize potential markets for more than 80 billion US dollars annually, giving companies of the parties to the Agreement the opportunity to participate in tenders for government Procurement.

The changes to the GPA expand the scope of its coverage to more government entities, services and other procurement activities—including local governments and sub-central entities. The WTO estimates that the parties to the revised Agreement will see annual gains ranging from \$80 – \$100 billion in market access for their businesses. The GPA is a plurilateral agreement, meaning it only applies to those WTO members that have agreed to be bound by it. Two-thirds of the signatories were required to accept the Protocol of Amendment before the revised GPA could enter into force. This condition was met on March 7, 2014, when Israel approved the Protocol. The revised Agreement is now in force for the first 10 parties to have accepted the Protocol of Amendment: the United States, the European Union, Canada, Norway, Taiwan, Hong Kong, Singapore, Iceland, Liechtenstein and Israel. The revision will come into force for Japan on April 16, 2014. South Korea, Switzerland, Armenia and the Dutch territory of Aruba will continue to operate under the original 1994 GPA until they submit their instruments of acceptance (Marcia G. Madsen, 2014).

In the following paragraphs, the relationship between government Procurement and trade liberalization on the one hand and corruption on the other is briefly described, and then the most remarkable aspects of the new edition of the Government Procurement Agreement about the corruption are considered. The original version of the Agreement entered into force in 1996. The new version of the document applies to a larger number of subjects, including such as ministries and agencies. In addition, the Agreement covers a greater amount of goods and services. Included rules are new; simpler and designed to discourage corruption and protectionism. The WTO members participating in the new edition of the Government Procurement Agreement have committed themselves not only to recognize the importance of preventing corruption (according to the preamble of the Agreement), but also to carry out government procurement in their states, «preventing corruption practices». The latter wording is contained in the text of the Agreement and is a general binding principle (Krista N. Schefer, 2013: 1135).

Results

The SPS Agreement is part of the mandatory WTO accession package. That is, Kazakhstan, becoming a member of the WTO, fully accepted the obligations stipulated by this Agreement.

In accordance with the requirements of the SPS Agreement, the national standards of WTO members should be harmonized with international standards, in particular, with the requirements of international organizations such as the FAO SC Commission, the International Epizootic Bureau, as well as the provisions of the International Plant Protection Convention (The WTO Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures). On the whole, this will positively affect the foreign trade activity of Kazakhstan, since it means that the national legislation will be brought in line with the rules of trade recognized by most countries.

At the same time, the SPS Agreement, as noted above, allows countries to establish the level of sanitary and phytosanitary protection that they consider necessary, subject to the availability of the scientific validity of the measures taken and the risk assessment (Стандарты по пестицидам). That is, Kazakhstan, with the appropriate scientific justification, will be able to set stricter standards than those provided for by international organizations, and trading partners will be deprived of grounds for accusing Kazakhstan of excessive protectionism.

It is also worth noting that membership in the WTO, and in particular accession to the SPS Agreement, will allow Kazakhstan to protect the export of domestic goods from discrimination and unreasonable protectionist measures of the SPS used by importing countries. So, for example, an importing country will be able to prohibit the importation of Kazakhstani meat only if there is scientific evidence that the import of this product in any way endangers the life and health of the population, animals or plants of the given country. In the case of the introduction of an unreasonable ban, Kazakhstan, as a member of the WTO, will be able to challenge its rights using the WTO dispute resolution mechanism.

The Marrakesh Agreement Establishing the WTO refers to such international treaties that affect the entire legal system. The implementation of commitments made under the WTO affects almost all economic and legal spheres, which inevitably leads to the need to protect social values such as human life and health, the welfare of animals, plants and the environment. However, the introduction of restrictive technical, sanitary and phytosanitary measures in certain cases can be considered contrary to WTO

rules and become the basis for the emergence of an international trade dispute (Азходжаева, 2008: 4-56).

An example of positive changes in Kazakhstan in the course of bringing national legislation in line with the provisions of the SPS Agreement is to achieve some progress in improving the system of veterinary medicine, phytosanitary and food safety, both in law and in terms of improving the material and technical base. A striking example is the situation with genetically modified products (GMOs). The negotiation process on Kazakhstan's accession to the WTO and, in particular, the harmonization of its legislation with the requirements of the SPS Agreement made the issue of regulating GMOs one of the priorities of the national policy in the field of food safety. Membership in the WTO has a significant impact on the national legislation in the field of food safety regulation. The impact of WTO rules of law is manifested in the need to bring the regulatory framework in line with WTO rules. By referring to other international legal norms, the orientation of the legislation of the Member States to accepted international standards is established. In addition, the WTO dispute resolution mechanism has not only a corrective, but also a deterrent effect on domestic lawmaking. The implementation of commitments under the WTO in the field of food safety regulation is associated with a narrowing of the scope of state competence in terms of regulating the import and export of food and the adoption of sanitary and phytosanitary measures. Through the WTO law, part of the domestic authority in the field of food safety is placed under international legal control and regulation (Азходжаева, 2008: 19-20).

Thus, the process of accession to the WTO and accession to the SPS Agreement in Kazakhstan has become a kind of catalyst for the development and improvement of the national system of veterinary medicine, phytosanitary and food safety. Further work in this direction, ultimately, will allow, on the one hand, increasing confidence in Kazakhstan products in importing countries, which will affect the growth of exports of national goods, and on the other hand, will ensure the import of only high-quality and safe imported products into the republic.

Each state that is considering joining the WTO Agreement on Government Procurement is faced with the question of what are the main advantages and negative consequences of participation in it.

Considering advantages, we can specify the following. First, the WTO Agreement on Government Procurement requires the most transparency, and this greatly limits the spread of corruption, which is

one of the main problems in the public Procurement system of any country. Secondly, the opening of the public Procurement market implies an increase in the number of suppliers, which leads to increased competition. As a result, the state will receive better products and services, thereby contributing to the optimal spending of budget funds. Also, on the external market, the WTO Agreement on Government Procurement will provide domestic companies with a non-discriminatory regime on the part of partner countries, that is, full participation in their tenders, which implies an increase in the sphere of sales markets for exporters.

On the other hand, liberalization means abandoning protective measures, which are usually prominent in the public Procurement sector. Secondly, all the reservations that will allow protecting individual sectors, countries are negotiating. In addition, after joining the WTO Agreement on Government Procurement, the state reduces measures to encourage domestic business and provide preferences to categories that need government support. First of all, this measure will adversely affect domestic suppliers, which are more or fully dependent on Government Procurement.

Conclusion

There are a number of erroneous opinions in the interpretation and perception of the norms of the WTO agreements. For example, some authors believe that the WTO dictates trade policy. We believe that this view is erroneous, as it is an organization governed by Member States. The WTO does not

dictate trade rules, but only provides an arena for resolving disputes and creating principles and norms for regulating the trade activities of states through a negotiation process. Each agreement is subject to ratification by the state that has undertaken the obligations under this agreement. The only situation in which the WTO may have an impact on the government of a member state is when the dispute is to be discussed in a Dispute Resolution Body composed of members of this organization. The dispute resolution body makes a decision based on an expert analysis or appeal. Even in this case, the decision, as a rule, affects only the violation of a country's obligations under the WTO agreement.

WTO agreements are a form of lawful interference in the internal affairs of states, since each state, joining the WTO, voluntarily assumes legal obligations under the agreements to which it becomes a party. The rules and regulations of the WTO are enshrined in agreements that were concluded as a result of negotiations between the member states of the organization in order to liberalize world trade as a whole. In international law, there is an imperative principle of non-interference in the internal affairs of states, which is one of the fundamental principles of international law enshrined in the UN Charter and a number of other international documents and plays an important role in the international legal order, in particular, in the normative provision of economic security. However, modern international law permits lawful interference with the national laws of states, which is the result of their participation in various international treaties and international organizations.

References

- WTO legal texts // https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/legal_e.htm (дата обращения: 22.09.2018).
- Дюмулен И.И. Всемирная торговая организация. – М.: ВАБТ, 1997. – 158 с.
- Van den Bosche P. The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases and Material. Cambridge University Press, 2005. – 1112 p.
- Silverglade B. The WTO Agreement on Sanitary and Phytosanitary Measures: Weakening Food Safety Regulations to Facilitate Trade? // Food and Drug Law Journal. – 2014. – Vol. 55, №4. -P.2.
- Чуйко Н.А. Международно-правовое регулирование безопасности пищевых продуктов в рамках Всемирной торговой организации: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2015. – 28 с.
- Азходжаева Р.А. Международно-правовое регулирование охраны здоровья в рамках ВТО: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2008. – 187 с.
- Шумилов В.М. Право Всемирной торговой организации (ВТО): Учебник для магистрантов и аспирантов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 219 с.
- Ковалева Т.М., Малинин С.А. Правосубъектность международных организаций // Правоведение. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та., 1992. – №5. – С. 53-62.
- Lacovone L. Analysis and Impact of Sanitary and Phytosanitary Measures // <http://www.cid.harvard.edu/cidtrade/Papers/iacovone.pdf> (дата обращения: 11.09.2018).
- Сайрамбаева Ж.Т., Аянбаев Е.С. Важность соглашения по применению санитарных и фитосанитарных мер Всемирной торговой организации для Республики Казахстан // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Серия международная жизнь и политика. – 2014. – №3 (38). – С. 113-116.

Нурбаева Б. Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер: значение для Казахстана // Мосты между торговлей и устойчивым развитием. – Женева, 2009. – №2. – 13 с.

Verifying the business standing of the Russian Companies // http://www.ved.gov.ru/mdb/information/restrictive_measures/sanitary_measures/.

Калымбек Б. Проблемы правового обеспечения ветеринарной безопасности в условиях вхождения Республики Казахстан в ВТО [Электронный ресурс] // <http://articlekz.com/article/7084> (дата обращения: 11.09.2018).

Bisgaard C. Assessing the Standard of Review for Trade-Restrictive Measures in the Sanitary and Phytosanitary Agreement, in E. Brown Weiss and J.H. Jackson, *Reconciling Environment and Trade*, Transnational Publishers, 2001. – P.375.

Lacovone L. The Impact of Sanitary and Phytosanitary Measures on Developing Country Exports of agricultural and food products // https://siteresources.worldbank.org/INTARD/864477-1112355387702/20424577/henson_et+al.pdf. Data obracheniya 01.11.2018.

Антонова И.В. Современные международно-правовые проблемы деятельности ФАО: дис. ... канд. юрид.наук: 12.00.10. – М., 2009. – 197 с.

Чуйко Н.А. Взаимосвязь правил ВТО с вопросами защиты окружающей среды и безопасности продуктов питания // Сибирский юридический вестник. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. Ун-та. – 2014. – № 2. – С. 104-110.

Agreement on Government Procurement, 6 april 2014 [electronic resource] // https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/rev-gpr-94_01_e.htm (date of the application: 10.01.2018).

Государственные закупки в системе ВТО [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центра развития торговой политики: [сайт]. Режим доступа: http://trade.gov.kz/ru/Tamozennyj_Sojuz_i_Edinoe_Ekonomicheskoe_Prostranstvo/Svobodnoe_dvizhenie_tovarov/Gosudarstvennye_zakupki/ (дата обращения: 12.09.2018).

Michael R. Liners, Fraser Johnson, Anna E. Flynn, Harold E. Firon. *Purchasing & Supply Management: With 50 Supply Chain Cases*. 13th edition. – М.: UNITY-DANA, 2007. – 752 p.

Макарова Г.В. Матвеева О.П. Запреты и ограничения во внешней торговле. – Белгород: Кооперативное образование, 2007. – С. 11

Paskal Lami «Remarks to a Symposium on «The WTO Agreement on Government Procurement: Developmental and Trade Significance, Changing Context and Future Prospects»» [electronic resource] // Center of William Rappard, Geneva, February 11, 2010: [site]. Access mode: http://www.wto.org/english/news_e/sppl_e/sppl147_e.htm.

Marcia G. Madsen, Timothy J. Keeler Revisions to WTO Agreement on Government Procurement Enter into Force [electronic resource] // Mayer Brown, 9 april 2014: [site]. Access mode: <https://www.mayerbrown.com/revisions-to-wto-agreement-on-government-procurement-enter-into-force-04-09-2014/>

Krista N. Schefer, Mintewab G. Woldeesenbet The Revised Agreement on Government Procurement and Corruption. *Journal of World Trade*. 2013. Volume 47, Issue 5, pp. 1129–1161.

The WTO Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures. The Legal Texts. The Results of the Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations, – Cambridge University Press. – №13. – 2007. – С.59-72.

Стандарты по пестицидам // <http://www.codexalimentarius.org/standarty/pesticidy/ru/> (дата обращения: 11.09.2018).

Portugal-Perez A., Reyes J-D and J. Wilson Beyond the Information Technology Agreement: Harmonization of Standards and Trade in Electronics // Policy Research Working Paper, 2009. N°4916.

Kee, H. L., A. Nicita and M. Olarreaga Estimating Trade Restrictiveness Indices // *Economic Journal*. – №119. – 2009. – pp. 172-199.

Fontagné, L., M. Mimouni and J-M. Pasteels Estimating the Impact of Environmental SPS and TBT on International Trade // *Integration and Trade Journal*. – № 22. – 2009. – pp. 7–37.

Disdier, A.C., L. Fontagné, and M. Mimouni The Impact of Regulations on Agricultural Trade: Evidence from the SPS and TBT Agreements // *American Journal of Agricultural Economics*.- №90 (2). – 2008. – p. 50.

References

Agreement on Government Procurement (2014) [electronic resource] // https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/rev-gpr-94_01_e.htm (date of the application: 10.01.2018).

Antonova I.V. (2009) *Sovremennyye mezhdunarodno-pravovyye problemy deyatel'nosti FAO* [Contemporary international legal issues of FAO activity]: dis. ... kand. jurid.nauk: 12.00.10. – М. – 197 s.

Azkhodzhayeva R.A. (2008) *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie okhrany zdorov'ya v ramkakh VTO*. [International legal regulation of the health security within the framework of WTO] Dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.10. – М. – 187 s.

Bisgaard C. (2001) *Assessing the Standard of Review for Trade-Restrictive Measures in the Sanitary and Phytosanitary Agreement*, in E. Brown Weiss and J.H. Jackson, *Reconciling Environment and Trade*, Transnational Publishers. – P.375.

Chuyko N.A. (2015) *Mezhdunarodno-pravovoye regulirovaniye bezopasnosti pishchevykh produktov v ramkakh Vsemirnoy trgovoy organizatsii* [International legal regulation of the food security within the framework of World Trade Organization]: avtoref. ... kand. jurid. nauk: 12.00.10. – М. – 28 s.

Chuyko N.A. (2014) *Vzaimosvyaz' pravil VTO s voprosami zashchity okruzhayushchey sredy i bezopasnosti produktov pitaniya* [Interaction of the WTO rules with the issues of environmental protection and food security] // *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. Un-ta. – № 2. – S. 104-110.

Dyumulen I.I. (1997) *Vsemirnaya trgovaya organizatsiya*. [World Trade Organization] – М.: VAVT. -158s.

- Disdier, A.C., L. Fontagné, M. Mimouni (2008) The Impact of Regulations on Agricultural Trade: Evidence from the SPS and TBT Agreements // *American Journal of Agricultural Economics*. - №90 (2). – p. 50.
- Fontagné, L., M. Mimouni, J-M. Pasteels (2009) Estimating the Impact of Environmental SPS and TBT on International Trade // *Integration and Trade Journal*. – № 22. – pp. 7–37.
- Gosudarstvennyye zakupki v sisteme VTO [Public Procurement in WTO system] // *Ofitsial'nyy sayt Tsentra razvitiya torgovoy politiki*: [sayt]. Rezhim dostupa: http://trade.gov.kz/ru/Tamozennyj_Sojuz_i_Edinoe_Ekonomicheskoe_Prostranstvo/Svobodnoe_dvizhenie_tovarov/Gosudarstvennyye_zakupki/ (data obrashcheniya: 12.09.2018).
- Kalymbek B. Problemy pravovogo obespecheniya veterinarnoy bezopasnosti v usloviyakh vkhozheniya Respubliki Kazakhstan v VTO [Problems of legal support of veterinary security in the context of the entry of the Republic of Kazakhstan into the WTO] // <http://articlekz.com/article/7084>.
- Kee, H. L., A. Nicita, M. Olarreaga (2009) Estimating Trade Restrictiveness Indices // *Economic Journal*. – №119. – pp. 172-199.
- Krista N. Schefer, Mintewab G. Woldesenbet (2013) The Revised Agreement on Government Procurement and Corruption. *Journal of World Trade*. Issue 5, Volume 47, pp. 1129–1161.
- Kovaleva T.M., Malinin S.A. (1992) Pravosub'yektnost' mezhdunarodnykh organizatsiy [Legal personality of international organizations] // *Pravovedeniye*. S.-Pb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta. – №5. – S.53-62.
- Lacovone L. Analysis and Impact of Sanitary and Phytosanitary Measures // <http://www.cid.harvard.edu/cidtrade/Papers/iacovone.pdf>.
- Lacovone L. The Impact of Sanitary and Phytosanitary Measures on Developing Country Exports of agricultural and food products // https://siteresources.worldbank.org/INTARD/864477-1112355387702/20424577/henson_et+al.pdf. Data obracheniya 01.11.2018.
- Makarova G.V. Matveyeva O.P. (2007) Zaprety i ogranicheniya vo vneshney torgovle. [Bans and restrictions in foreign trade] – Belgorod: Kooperativnoye obrazovaniye. – S. 11.
- Marcia G. Madsen, Timothy J. Keeler (2014) Revisions to WTO Agreement on Government Procurement Enter into Force [electronic resource] // Mayer Brown: [site]. Access mode: <https://www.mayerbrown.com/revisions-to-wto-agreement-on-government-procurement-enter-into-force-04-09-2014/>
- Michael R. Liners, Fraser Johnson, Anna E. Flynn, Harold E. Firon. (2007) *Purchasing & Supply Management: With 50 Supply Chain Cases*. 13th edition. – M.: UNITY-DANA. – 752 p.
- Nurbayev B. (2009) Soglasheniye po primeneniyu sanitarnykh i fitosanitarnykh mer: znachenije dlya Kazakhstana [Agreement on the application of sanitary and phytosanitary measures: meaning for Kazakhstan] // *Mosty mezhdru torgovley i ustoychivym razvitiyem*. – №2. – 13 s.
- Paskal Lami (2010) «Remarks to a Symposium on «The WTO Agreement on Government Procurement: Developmental and Trade Significance, Changing Context and Future Prospects»» [electronic resource] // Center of William Rappard, Geneva: [site]. Access mode: http://www.wto.org/english/news_e/sppl_e/sppl147_e.htm.
- Portugal-Perez A., Reyes J-D, J. Wilson (2009) Beyond the Information Technology Agreement: Harmonization of Standards and Trade in Electronics // *Policy Research Working Paper*. №4916.
- Sayrambayeva ZH.T., Ayanbayev Ye.S. (2014) Vazhnost' soglasheniya po primeneniyu sanitarnykh i fitosanitarnykh mer vseмирnoy torgovoy organizatsii dlya Respubliki Kazakhstan [The importance of the agreement on the use of sanitary and phytosanitary measures of the World Trade Organization for the Republic of Kazakhstan] // *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. Abaya. Seriya mezhdunarodnaya zhizn' i politika*. – №3 (38). – S.113-116.
- Shumilov V.M. (2013) *Pravo Vsemirnoy torgovoy organizatsii (VTO)*. [World Trade Organization (WTO) law] *Uchebnik dlya magistrantov i aspirantov*. – izd.2-ye, pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo Yurayt. – 219 s.
- Silverglade B. (2014) The WTO Agreement on Sanitary and Phytosanitary Measures: Weakening Food Safety Regulations to Facilitate Trade? // *Food and Drug Law Journal*. – Vol. 55, №4. -P.2.
- Standarty po pestitsidam [Pesticide standards] // <http://www.codexalimentarius.org/standarty/pesticidy/ru/>. (data obrashcheniya: 25.09.2018).
- The WTO Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures (2007). The Legal Texts. The Results of the Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations, – Cambridge University Press. – №13. – C.59-72.
- Van den Bosche P (2005). *The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases and Material*. Cambridge University Press, 2005. – 1112 p.
- Verifying the business standing of the Russian Companies // http://www.ved.gov.ru/mdb/information/restrictive_measures/sanitary_measures/. (data obrashcheniya: 25.09.2018).
- WTO legal texts // https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/legal_e.htm. (data obrashcheniya: 22.09.2018).

3-бөлім
**ӘЛЕМДІК ЭКОНОМИКАНЫҢ
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Section 3
**ACTUAL ISSUES
OF WORLD ECONOMY**

Раздел 3
**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

Melnikova J.¹, Zaščerinska J.²

¹Klaipeda University, Lithuania, Klaipeda, e-mail: julija.melnikova@ku.lt

²Centre for Education and Innovation Research, Latvia, Riga, e-mail: knezna@inbox.lv

FOSTERING THE INTEGRATION OF IMMIGRANTS AND ASYLUM SEEKERS INTO LABOUR MARKET IN BALTIC COUNTRIES: OPPORTUNITIES OF DIGITAL ENTREPRENEURSHIP

As European countries face huge challenges seeking to support immigrants and asylum seekers' socio-economic inclusion, some innovative means of fostering their integration into labour markets as a factor of economic self-sufficiency, should be developed in the cooperation of research, education and business sectors. The aim of the article is to disclose the relevance of the digital entrepreneurship as a new competence of immigrants and asylum seekers' with respect to their needs for successful integration into the socio-economic situation of a host country. The empirical evidence received proves that Baltic countries are highly interested in the effective ways of the integration of immigrants and asylum seekers into labour market. As the development of ICT prompts new ways for business development (one of the ways is digital entrepreneurship), the educational programmes for target groups of adults should appear in order to fill in the gap in knowledge and skills. However, at present, there are no specific programmes for immigrants and asylum seekers in the field of digital entrepreneurship in partner countries.

Key words: Immigrants and asylum seekers, Digital entrepreneurship, Integration into labour market.

Мельникова Ю.¹, Защеринская Е.²

¹Клайпеда университеті, Литва, Клайпеда қ., e-mail: julija.melnikova@ku.lt

²Оқу және инновациялық зерттеу орталығы, Латвия, Рига қ., e-mail: knezna@inbox.lv

Балтық елдеріндегі еңбек нарығында пана іздеген тұлғалар мен иммигранттар интеграциясына жәрдемдесу: сандық кәсіпкерліктің мүмкіндіктері

Европа елдері иммигранттар және пана іздеген тұлғалардың әлеуметтік-экономикалық интеграциясын қолдауды қажет ететін үлкен проблемалармен бетпе-бет келіп отыр. Инновациялық жолдар еңбек нарығында экономикалық өзін-өзі қамтамасыз ете алу факторы ретінде олардың интеграциясына жәрдемдесуі және зерттеу, білім беру және бизнес секторларымен ынтымақтастықта дамытылуы керек. Мақаланың мақсаты – сандық кәсіпкерліктің өзектілігін қажеттілігі қабылдаушы мемлекеттің әлеуметтік-экономикалық жағдайына сәтті интеграция болып табылатын пана іздеушілер мен иммигранттардың жаңа құзыреттілігі ретінде ашу. Табылған эмпирикалық деректер Балтық елдерінің еңбек нарығында пана іздеушілер мен иммигранттардың интеграциясының тиімді жолдарында қызығушылық білдіретінін дәлелдейді. ИКТ дамуы бизнес дамуының жаңа жолдарын көрсететіндіктен (сандық кәсіпкерлік бір жолы болып табылады), ересектер бағдарланған тобына арналған білім беру бағдарламалары олардың білімі мен шеберліктерін жетілдіру үшін әзірленуі керек. Алайда қазіргі кезде серіктес-мемлекеттерде сандық кәсіпкерлік саласында пана іздеушілер мен иммигранттарға арналған арнайы бағдарламалар жоқ.

Түйін сөздер: иммигранттар мен пана іздеушілер, сандық кәсіпкерлік, еңбек нарығындағы интеграция.

Мельникова Ю.¹, Защеринская Е.²

¹Клайпедский университет, Литва, г. Клайпеда, e-mail: julija.melnikova@ku.lt

²Образовательный и инновационный центр исследований, Латвия, г. Рига, e-mail: knezna@inbox.lv

Содействие интеграции иммигрантов и лиц, ищущих убежища на рынке труда в Балтийских странах: возможности цифрового предпринимательства

Европейские страны сталкиваются с огромными проблемами, требующими поддержки социально-экономической интеграции иммигрантов и лиц, ищущих убежища. Инновационные способы должны содействовать их интеграции в рынки труда в качестве фактора экономической самообеспеченности и разрабатываться в сотрудничестве с исследованиями, образованием и секторами бизнеса. Цель статьи – раскрыть актуальность цифрового предпринимательства как новой компетенции иммигрантов и просителей убежища, потребность которых заключается в успешной интеграции в социально-экономическое состояние принимающей страны. Полученные эмпирические данные доказывают, что страны Балтии заинтересованы в эффективных способах интеграции иммигрантов и просителей убежища на рынке труда. Поскольку развитие ИКТ подсказывает новые пути развития бизнеса (одним из способов является цифровое предпринимательство), образовательные программы для целевых групп взрослых должны разрабатываться, чтобы заполнить пробел в их знаниях и навыках. Однако в настоящее время нет конкретных программ для иммигрантов и просителей убежища в области цифрового предпринимательства в странах-партнерах.

Ключевые слова: иммигранты и просители убежища, цифровое предпринимательство, интеграция в рынок труда.

Introduction

As countries in Europe and beyond have faced a large influx of immigrants and asylum seekers, social and integration services have to take the immediate response and to provide sufficient support to integrate newcomers into the host society and get them on a path to economic self-sufficiency. The investments in labor market integration policies are especially compelling in countries facing demographic decline and skills shortages. Baltic countries face unbalance in their labour markets. On the one hand, there is unemployment (Estonia – 7.0%, Latvia – 9%, Lithuania – 7.5%, Eurostat 2017). On the other hand, many industries, in particular in the field of ICT, experience a shortage of skilled workforce. Another tendency is that immigrants in these countries continue to face great difficulties in finding employment, and are also more likely to be found working on short-term, low-paid jobs which fail to fulfil their skills potential, moreover, entrepreneurial capabilities of immigrants are not sufficiently developed (Eurofund, 2017).

Given the fact that immigrants and asylum seekers' employment potential in European countries is rather low (report of Migration Policy Institute, 2017) the new ways of integration should be developed especially those of fostering entrepreneurial competence. Advances in digitisation and developments in ICTs create opportunities for new types of entrepreneurial activities. One such type of entrepre-

neurial activity is digital entrepreneurship, defined as a new business creation opportunity generated by ICTs – internet, mobile technology, social computing and digital platforms. Digital entrepreneurship is supposed to become in future one of the opportunities in promoting the successful integration of immigrants and asylum seekers into labour market. Therefore, by supporting the development of entrepreneurship as an integral part of adult education, and by modelling new methods of combining new digital technologies, entrepreneurship education in Baltic countries it is intended to help both immigrants and asylum seekers to acquire relevant competence for successful integration into labour markets.

The aim of the article is to disclose the relevance of the digital entrepreneurship as a new competence of immigrants and asylum seekers' with respect to their needs for successful integration into the socio-economic situation of a host country.

Theoretical Analysis

Advances in digitisation and developments in information and communication technologies (ICTs) is changing the international business landscape, transforming business practices and creating opportunities for new types of entrepreneurial activities. One such type of entrepreneurial activity is digital entrepreneurship, defined as a new business creation opportunity generated by ICTs – internet,

mobile technology, social computing and digital platforms (Davidson; Vaast, 2010).

Digital entrepreneurship is defined as a practice of pursuing «new venture opportunities presented by new media and internet technologies» (Davidson, Vaast, 2010). It is similar to traditional entrepreneurship. Entrepreneurship is the capacity and willingness to develop, organize and manage a business venture along with any of its risks in order to make a profit. The most obvious example of entrepreneurship is the starting of new businesses. Entrepreneurial spirit is characterized by innovation and risk-taking, and is an essential part of a nation's ability to succeed in an ever changing and increasingly competitive global marketplace. It involves recognizing and seizing opportunities, transforming those opportunities into marketable goods or services, assuming risk, and realizing rewards, and may occur in a variety of settings, including new and old ventures, non profit institutions, and the public sector (Man et al, 2002). Digital entrepreneurship – is a subcategory of entrepreneurship that leverages new technologies in novel ways such as the Internet Communications Technology. A digital entrepreneur is an individual who uses the Internet as a tool to create commercial opportunities, disseminate information, and collaborate with clients and partners (Nuthall, 2006). In the sense that «digital ventures aim at generating a financial profit and are directly inscribed into the economic realm, such as creation of a new company or commercialization of an innovation» (Davidson, Vaast, 2010). In digital entrepreneurship «some or all of the entrepreneurial venture takes place digitally instead of in more traditional formats» (Hair et al, 2012). Digital enterprises are different from traditional entrepreneurial ventures because they have different business models and can pursue their products, marketing and distribution activities using digital platforms.

In the article, we follow the «mild digital entrepreneurship» approach provided by Hull et al. (2007). Mild digital entrepreneurship means venturing into the digital economy as a supplement or complement to traditional setting. Digital ventures can use computerized technologies as the main means of communications within their organization, between the organization and their key stakeholders (for example, suppliers and customers), or both (De-Sanctis and Monge, 2009). Entrepreneurial competencies have been identified as a specific group of competencies relevant to the exercise of successful entrepreneurship. Such entrepreneurship is often associated with the development of small and new businesses (Colombo and Grilli, 2005; Nuthall,

2006). Digital entrepreneurship competencies have been defined as the total ability of the entrepreneur to perform a job role successfully using a range of ICT means. There is a general consensus that entrepreneurial competencies are carried by individuals, who begin and transform their businesses.

As stated by research, digital entrepreneurship is supposed to become one of the most effective ways for immigrants and asylum seekers' to integrate into labour markets, because it is not directly related to their qualifications or language skills that usually limits their employment capacity (Eurostat, 2017).

The concept of «integration» with respect to immigrants can take on a number of meanings (Venturini, Villosio, 2002). At one end of the spectrum is the notion of an economic/social convergence between the immigrant and native population with respect to a number of statistical measures, such as the unemployment rate, the employment / population ratio, average earnings, school achievement, etc. At the other end is the much broader notion of integration as assimilation, i.e. acceptance of, and behaviour in accordance with, host country values and beliefs, including similarity of economic and social outcomes. This study will limit itself to integration into the labour market, by which is meant that gradually, over time, immigrants will tend to show the same range of labour market outcomes as the native population. Integration into the labour market does not necessarily guarantee social integration, it is certainly a major step with respect to immigrants' being able to function as autonomous citizens in the host country and with respect to ensuring both acceptance of immigration by the host country population and the sustainability of migration policy over the long term. Labour market integration is arguably the single most important thing that can be done to contribute to the integration of immigrants, in whatever way this term is defined (Lematre, 2007).

There are barriers that derive from the immigrants and asylum seekers' status and from the situation in the local labour market that are common to all immigrants:

- Competition (Venturini, Villosio, 2002),
- Problems deriving from the macro-economic environment: trough of production or crisis in the labor market (Birjandian, 2004),
- Lack of social networks in the host country (Heilbrunn, Kushnirovich, 2008),
- Lack of experience in the host country (Birjandian, 2004),
- Differences in mentality (Birjandian, 2004; Heilbrunn; Kushnirovich, 2007).

- Lack of adequate work because of host country's labour market structure (Kogan, 2007),
- Language problems (Valenzuela, 2000).

The competitiveness of immigrants and asylum seekers in the Baltic countries should be strengthened by combining the development of adult educators' digital competence and entrepreneurship in adult education, and by creating the necessary methods and partnerships between education, business and non-profit sector and development of innovative training programme for adult educators' competence development. By supporting the development of entrepreneurship as an integral part of adult education, and by modelling new methods of combining new digital technologies, entrepreneurship education and involvement of companies, it would be possible to help both immigrants, asylum seekers, educators, trainers, teachers, researchers and entrepreneurs acquire relevant competences and frameworks for cooperation.

Empirical Study

The present part of the contribution demonstrates the design of the empirical study, results of the empirical study and findings of the study.

Design of the Case Study

The empirical study has been carried out in the period between 2017 10 – 2018 01, by project «Adult educators' competence training for development of immigrants and asylum seekers' digital entrepreneurship» (funded for Nordplus Adult programme) team. Project partners from Lithuania, Latvia and Estonia have carried out the research of labour market needs with regards to integration of immigrants and asylum seekers, and demands for training programmes. The aim of the research was to justify the demand for adult educators' training programme in the development of immigrants and asylum seekers' digital entrepreneurship competence. Each country has surveyed 10 immigrants and/or asylum seekers, and 3 representatives of labour markets' training centers.

Respondents' cultural and educational experience emphasized the significance of each participant's opinion on research question (Luka, Ludborza, Maslo, 2009) within the present empirical study. It should be noted that opinion is determined as individual's view based on awareness and attitudes (Lūka, 2007). The group of research participants was considered to be homogeneous.

The exploratory type of the comparative study (Phillips, 2006) was applied within the present

empirical study. The exploratory type of the comparative study aims to generate new hypotheses and questions. The exploratory methodology proceeds (Phillips, 2006):

- 'conceptualisation' in Phase 1,
- detailed description of educational phenomena in the countries to be investigated features in Phase 2,
- the data collection in Phase 3,
- explanation through the development of hypotheses in Phase 4,
- re-consideration of the initial questions and application of the findings to other situations in Phase 5.

The method of data collection was interview in a written form (Mayring, 2004).

The interpretive paradigm was used in the empirical study. The interpretive paradigm aims to understand other cultures, from the inside through the use of ethnographic methods such as informal interviewing and participant observation, and establishment of ethically sound relationships (Mayring, 2004). The interpretive paradigm creates an environment for the development of any individual and helps them to develop their potential (Lūka, 2008, 52). The core of this paradigm is human experience, people's mutual everyday interaction that tends to understand the subjectivity of human experience (Lūka, 2007). The paradigm is aimed at understanding people's activity, how a certain activity is exposed in a certain environment, time, conditions, i.e., how it is exposed in a certain socio-cultural context (Lūka, 2007). Thus, the interpretive paradigm is oriented towards one's conscious activity, and it is future-oriented. Interpretive paradigm is characterized by the researcher's practical interest in the research question. The researcher is the interpreter.

After the answers were received the content analysis has been carried out. Informants' answers of a similar meaning were combined to so called categories. In other words, similar opinions were joined under generalized label. After qualitative research procedure there appeared a possibility to calculate the frequencies of categories that show the distribution of separate opinions in the objective population. Such a calculation empowered to find out dominating and uncommon opinions.

Results of the Case Study

The analysis of immigrants and asylum seekers' interviews.

Having generalized informants' answers the following tendencies were disclosed (see table 1).

Table 1 – Immigrants and asylum seekers' interview results

Question	Lithuania (N=10)	Latvia (N=10)	Estonia (N=10)
What do you consider to be the most important needs of immigrants and asylum seekers with regards to socio-economic situation of a host country?	<ul style="list-style-type: none"> - Understanding of the lifestyle of a country (8) - Support in education, employment, healthcare, etc. (7) - Immediate employment (5) 	<ul style="list-style-type: none"> - Socio-cultural adaptation (9) - Integration to labour market (8) - Education (8) 	<ul style="list-style-type: none"> - Employment (10) - System of benefits and allowances (9) - Healthcare (8) - Support system (8)
Please identify specific barriers faced by immigrants and asylum seekers, who are intending to integrate into labour market, in a host country (except for language barrier)?	<ul style="list-style-type: none"> - Lack of informational support (6) - Lack of free work places (4) - Low income work (4) - Lack of relevant training programmes (3) 	<ul style="list-style-type: none"> - Low-paid job not related to actual qualification (7) - Lack of support how to integrate into social-economic life (7) 	<ul style="list-style-type: none"> - Economic downturn (7) - Discrimination against immigrants in layoff (7) - Non-relevant training programmes (4)
What are the most important changes required for immigrants and asylum seekers' successful integration into the labour market in a host country?	<ul style="list-style-type: none"> - Integration support system (9) - System of daily allowances and allocation (8) 	<ul style="list-style-type: none"> - Quality education and support (8) - Recognition of qualifications (6) 	<ul style="list-style-type: none"> - The system of conversion of foreign educational qualifications (9)
What are the changes immigrants and asylum seekers are not willing to do in a host country?	<ul style="list-style-type: none"> - Language learning (10) - Obtaining new qualifications (8) 	<ul style="list-style-type: none"> - Integration into labour market (6) - Entrepreneurship (5) 	<ul style="list-style-type: none"> - Country language instructions (8) - Self-directed integration, career planning (5)
How you would describe the integration system into labour market (for legal voluntary immigrants and asylum seekers) in a host country?	<ul style="list-style-type: none"> - Not satisfactory, there is a lack of assistance and counselling (7) - Does not comply with the needs of immigrants (6) 	<ul style="list-style-type: none"> - Not satisfactory, lack of support and mentorship (7) - Lack of mediation between labour market offices and employers (6) 	<ul style="list-style-type: none"> - Lack of preparation to transition to labour market (7) - No assessment if immigrants are ready for insertion into labour markets (4)
Please indicate what specific needs (except for language barrier) immigrants and asylum seekers have in obtaining access to education and training. What specific steps have been taken to address these needs?	<ul style="list-style-type: none"> - Under qualifying the original qualifications (8) - Nobody carries out needs analysis of immigrants and asylum seekers (8) - Possibility to choose the relevant training programme (7) 	<ul style="list-style-type: none"> - Recognition of gained education and qualifications (9) - Variety of training programmes in foreign languages (7) 	<ul style="list-style-type: none"> - Professional counselling (8) - Counselling on career perspectives (5)
Please indicate examples of practices that have proven successful to facilitate the inclusion of immigrants and asylum seekers into the host country's socio-economical system	<ul style="list-style-type: none"> - Address the needs of job-seeking immigrants and asylum seekers (9) 	<ul style="list-style-type: none"> - Refugees' support centres that provide assistance in adaptation and integration (10) 	<ul style="list-style-type: none"> - Guidance to employers how to work with immigrants and asylum seekers (7)
Which institutional and organizational services would be important for successful integration of immigrants and asylum seekers into labour market?	<ul style="list-style-type: none"> - Vocational counselling (8) - Psychological counselling (5) - Vocational training or re-training (5) 	<ul style="list-style-type: none"> - Information about schools, universities, colleges, professional training centres (9) 	<ul style="list-style-type: none"> - Planning individual professional activity (7)
How do immigrants and asylum seekers seek for information about host countries labour markets, employers, etc?	<ul style="list-style-type: none"> - Mediation between immigrants and employers (8) 	<ul style="list-style-type: none"> - Information should be provided by responsible organisations such as migration departments etc. (8) 	<ul style="list-style-type: none"> - Social assistance (7)

The analysis of immigrants and asylum seekers' interview answers shows that labour market integration of immigrants and asylum seekers in Baltic countries has a slower start but subsequently «catch up» with other non-economic entry categories.

But, immigrants and asylum seekers do not reach the same level of labour market integration as natives. That might happen due to the following reasons:

- formal qualifications of immigrants and asylum seekers should be recognised by labour market office as well as potential employers. The system of converse of qualifications according to national standards should be developed. The recognition of qualifications can clearly be a significant factor in hiring decisions and in determining remuneration of workers'.

- socio-economic support (vocational counselling, mediation between employers and immigrants and asylum seekers, etc.) should be provided. This presupposes knowledge of the host country language, including knowledge of work practices, local institutions, of cultural norms and behaviours, of how organisations are structured and function, etc. over time, with investment of time and resources. Due to the socio-economic support immigrants can be expected to acquire the needed skills and to show, in principle, a range of labour market outcomes similar to those of the native population.

Labour market training offices could provide the following services: grouping immigrants by educational level, introducing occupation-related instruction and ensuring language instruction and workplace introduction, offering assistance when planning career and mediating between target groups and employers.

The analysis of interviews of representatives of labour market training centres.

Representatives of labour market training centres answered to the following questions:

- Does your institution provide training programmes focused on the development of entrepreneurship of immigrants and asylum seekers?

- Are there any specific programmes in the field of digital entrepreneurship?

- **In your opinion, would these training programmes be relevant for target groups?**

Informants from both Lithuania and Latvia pointed that there are no specific training programmes for these target groups. Training programmes conducted by their training centres usually equip

with certain professional knowledge and skills. Estonian respondents mentioned that there are some training modules for those registered on the labour market focused on entrepreneurship, however these programmes are not specifically developed to respond immigrants and asylums seekers' needs. Informants from all three Baltic countries mentioned that they would be very interested in the development of training programmes in digital entrepreneurship.

Research results clearly show the demand for training programme: in Baltic countries there is no either any training programme for adults that would cover issues of digital entrepreneurship, nor for immigrants and asylum seekers. Though the research data clearly proves the need for this kind of trainings: respondents pointed that they would be highly interested in the digital entrepreneurship opportunities but they lack knowledge on it.

Conclusion

As European countries face huge challenges seeking to support immigrants and asylum seekers' socio-economic inclusion, some innovative means of fostering their integration into labour markets as a factor of economic self-sufficiency, should be developed in the cooperation of research, education and business sectors.

As the development of ICT prompts new ways for business development (one of the ways is digital entrepreneurship), the educational programmes for target groups of adults should appear in order to fill in the gap in knowledge and skills. However, at present, there are no specific programmes for immigrants and asylum seekers in the field of digital entrepreneurship in Baltic countries.

As stated by research, digital entrepreneurship is supposed to become one of the most effective ways for immigrants and asylum seekers' to integrate into labour markets, because it is not directly related to their qualifications or language skills that usually limits their employment capacity.

Research results clearly show the demand for training programme: in Baltic countries there is no either any training programme for adults that would cover issues of digital entrepreneurship, nor for immigrants and asylum seekers. Though the research data clearly proves the need for this kind of trainings: respondents pointed that they would be highly interested in the digital entrepreneurship opportunities but they lack knowledge on it.

References

- Birjandian, F. (2004). Barriers to immigrant integration into the labour market. Calgary Catholic Immigration Society. Retrieved from http://www.chambertalentpool.com/abcalcoc/tp.nsf/doc/info_immigrants.cm.
- Davidson, E., Vaast, E. (2010). Digital Entrepreneurship and its Sociomaterial Enactment. Paper presented at 43rd Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS), 5-8 January 2010 (Published proceedings)
- Hair, N., Wetsch, L. R., Hull, C. E., Perotti, V., Hung, Y-T. C. (2012). Market Orientation in Digital Entrepreneurship: Advantages and Challenges in A Web 2.0 Networked World. *International Journal of Innovation and Technology Management*, 9(6) DOI: 10.1142/S0219877012500459
- Heilbrunn, N., Kushnirovich, S. (2007). Immigrant and indigenous enterprises: Similarities and differences. *International Journal of Business Performance Management*, 9 (3) (2007), pp. 344-36
- Kogan, I. (2007) Working through barriers: Host country institutions and immigrant labour market performance in Europe. Springer, Dordrecht.
- Lematre, P. (2007). Emigration of immigrants and measures of immigrant assimilation: evidence from Sweden. University of Chicago Harris School Working Paper Series
- Luka, I., Ludborza, S., Maslo, I. (2009). Effectiveness of the use of more than two languages and quality assurance in European interuniversity master studies. Paper presented at the European Conference on Educational Research, University of Vienna, September 28-30, 2009
- Luka, I. (2007). Students and the educator's co-operation as a means of development of students' ESP competence. Paper presented at the European Conference on Educational Research, University of Goteborg, 10-12 September 2008. The document was added to the Education-line collection on 18 July 2008. British Education Index data base. ID 172916 <http://www.leeds.ac.uk/educol/documents/172916.htm>
- Mayring, Ph. (2004). Qualitative Content Analysis. Flick, U., von Kardoff, E., Steinke, I. (Eds.) *A Companion to Qualitative Research*, pp. 266-269. SAGE, Glasgow, UK, (2004).
- Phillips, D. (2006). Comparative Education: method. *Research in Comparative and International Education*, Volume 1, Number 4, 2006, 304-319.
- Venturini, A., Villosio, C. (2002). Are immigrants competing with natives in the Italian labour market? The employment effect. Discussion Paper of the Institute for the Study of Labor (No. 467).
- Valenzuela, A., Jr. (2000). Working on the margins: Immigrant day labor characteristics and prospects for employment. Working Paper of the University of California, Los Angeles (No. 22). Webresources
- Eurostat regional year book (2017). Retrieved from <http://ec.europa.eu/eurostat/web/products-statistical-books/-/KS-HA-17-001>
- Eurofund report (2017). In-work poverty in the EU. Retrieved from <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2017/in-work-poverty-in-the-eu>
- Labour market integration of refugees in Northern Europe (2017). Report of Migration Policy Institute. Retrieved from <https://www.migrationpolicy.org/article/newcomers-north-labor-market-integration-refugees-northern-europe>

Балгабаева З.Б.¹, Еримпашева А.Т.²

¹к.э.н., доцент, e-mail: zzelkowa@gmail.com

²к.э.н., доцент, e-mail: aidadin@mail.ru

кафедра «Менеджмент и Бизнес», Университет международного бизнеса,
Казахстан, г. Алматы

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАХСТАНСКИХ БРЕНДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В условиях глобализации очень важно сохранить национальную идентичность. Эта тема рассматривается в работах многих исследователей, что является крайне обоснованным и актуальным. Национальная идентичность позволяет не слиться в широком многообразии международного рынка. Целью данного исследования является отображение четких идентификационных характеристик отечественных товаров и услуг, которые будут иметь высокую ценность на международном рынке с учетом мировых трендов и принесет объективную пользу внутри страны. В статье приводится соотношение понятий национальной идентичности и бренда страны на международном рынке через выделение ценностных идентичных характеристик производимых и продвигаемых отечественных товаров и услуг. В представленной работе приводится обзор зонтичных брендов отечественных производителей, ориентированных на крупные экспортные рынки, а также предлагается к рассмотрению анализ отечественных коммерческих брендов с привязкой к национальной идентичности. Это позволяет авторам сделать вывод о потенциальных брендах для включения в зонтичное продвижение на международные рынки, определить узкие места и возможности.

Ключевые слова: национальная идентичность, глобализация, страновой брендинг, зонтичные бренды.

Balgabayeva Z.B.¹, Yerimpasheva A.T.²

¹Candidate of Economics, Assistant professor, e-mail: zzelkowa@gmail.com

²Candidate of Economics, Assistant professor, e-mail: aidadin@mail.ru department
Management and Business, University of International Business,
Kazakhstan, Almaty

Kazakhstan brands National identity in the context of globalization

In the context of globalization processes, it is very important to preserve national identity. This topic is considered in the works of many researchers, which is extremely reasonable and relevant. National identity allows not to merge in a wide variety of international markets. The purpose of this study is to display clear identification characteristics of domestic goods and services that will be of high value in the international market taking into account world trends and will bring objective benefits within the country. The authors of the article present the relationship between the concepts of national identity and the country's brand in the international market through highlighting the identical characteristics of the produced and promoted domestic goods and services. The presented paper provides an overview of the umbrella brands of domestic producers, focused on large export markets, and also offers to consider the analysis of domestic commercial brands with reference to national identity. This allows authors to conclude on potential brands for inclusion in an umbrella promotion to international markets, identify bottlenecks and opportunities.

Key words: national identity, globalization, country branding, umbrella brands.

Балгабаева З.Б.¹, Еримпашева А.Т.²

¹Э.ғ.к., доцент, e-mail: zzelkowa@gmail.com

²Э.ғ.к., доцент, e-mail: aidadin@mail.ru

Менеджмент және бизнес кафедрасы, Халықаралық бизнес университеті,
Қазақстан, Алматы қ.

Жаһандану жағдайында қазақстандық брендтерді дамытудағы ұлттық сәйкестік

Жаһандану үрдістері контексінде ұлттық сәйкестікті сақтау өте маңызды. Бұл тақырып көптеген зерттеушілердің еңбектерінде қарастырылады, бұл өте ақылға қонымды және өзекті мәселе. Ұлттық сәйкестік көптеген халықаралық нарықтарға қосылмауға мүмкіндік береді. Зерттеудің мақсаты – әлемдік нарықтағы әлемдік үрдістерді есепке ала отырып, елдегі объективті пайда әкелетін отандық тауарлар мен қызметтердің айқын сәйкестендіру сипаттамаларын көрсету. Осы мақаланың авторлары шығарылған отандық тауарлар мен қызметтердің бірдей сипаттамаларын көрсете отырып, ұлттық сәйкестік тұжырымдамасы мен елдің брендін халықаралық нарықта өзара байланыстырады. Ұсынылған құжат ірі экспорттық нарықтарға бағдарланған отандық өндірушілердің қолшатырлық брендтеріне шолу жүргізеді, сондай-ақ отандық коммерциялық брендтерге ұлттық бірегейлік тұрғысынан негізделген талдауын қарастырады. Бұл авторлар әлеуетті брендтерге халықаралық нарыққа қолжеткізуді қосу, қиындықтар мен мүмкіндіктерді анықтау үшін қорытынды жасауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: ұлттық бірегейлік, жаһандану, ұлттық бренд, қолшатыр брендтер.

Введение

Тема исследования является новой ввиду того, что в данной работе не только рассматриваются актуальная взаимосвязь понятий национальной идентичности и глобализации, но и проводится конкретизация, через какие механизмы экономической среды эта взаимосвязь имеет взаимовыгодный характер – на мировом и внутреннем рынках. Авторы статьи сделали упор в своем анализе на национальной идентичности отечественных коммерческих брендов в разных сферах экономики и их влиянии на страновой брендинг в условиях глобализации.

Объектом исследования являются успешные казахстанские бренды, содержащие в своем развитии фактор национальной идентичности. Предмет исследования – это формирование и продвижение зонтичных брендов Казахстана на базе национальной идентичности и современных трендов мирового рынка (органическое производство, современные технологии, качество обслуживания и т.д.). Цель данного исследования состоит в том, чтобы определить принципы построения единого зонтичного бренда Казахстана на уровне страны. К задачам исследования следует отнести: анализ текущих проблем в построении зонтичного бренда страны; обзор имеющейся практики; предложение основных механизмов и принципов построения зонтичного бренда страны.

Материалы и методы

Методологическая последовательность проведенного исследования в статье представлена следующим образом. Первоначально рассматривается теория исследования национальной идентичности и ее роли в развитии бренда страны на основе метода обобщения изученных данных. Результатом является предложенная структура продвижения зонтичных брендов Казахстана. Основной результат – это выделение ключевых параметров, характеризующих привязку брендов к национальной идентичности.

На следующем этапе исследования предпринимается попытка рассмотрения основных направлений формирования зонтичных брендов, трансформирующихся в комплексную стратегию развития странового брендинга. Результат исследования – предложение и обоснование потенциальных отечественных брендов к включению в зонтичное продвижение. Далее обоснованы ключевые идеи развития и продвижения зонтичных органических брендов.

Обзор литературы

Глобализация является общемировым процессом, самым мощным и значительным на сегодня. Республика Казахстан по мере вхождения в мировое сообщество и обретения в нем своего места во все большем объеме и глубине испы-

тывает на себе воздействие глобализации по направлениям, в том числе национальной идентичности (Казахстан в глобальном мире, 2011).

Идентичность формируется на основе соответствующей национальной парадигмы, на пересечении национально-исторической, социально-экономической, социокультурной, политико-культурной и др. сфер. Идентичность подразумевает сущностную тождественность, родственность, общую основу, единое начало (Гаджиев, 2011).

Термин «идентичность» имеет английское происхождение и дословно означает «тождественность», «одинаковый». Концепция идентичности бренда предложена в 1986 г. Ж.-Н. Каперереом (Kerferer, 1997). В 1995 г. она стала темой второй книги Д. Аакера «Создание сильных брендов» (Aaker, 1995). Специалисты по бренд-менеджменту вкладывают в термин «идентичность бренда» различное содержание. Так, Д. Аакер указывает, что идентичность бренда – прежде всего идея: «это восприятие бренда, которого хотелось бы достичь фирме» (Aaker, 1995). Его мнение разделяет Ю.А. Бичун: «Идентичность бренда – это идеальное содержание, каким бренд наделяет его оферент» (Бичун, 2006). С ними согласен профессор Г.Л. Тульчинский, который считает идентичность бренда «особой индивидуальностью, корпоративным сознанием, системой ценностей, метафорически запечатленной в символике бренда» (Тульчинский, 2006).

Д. Аакер предлагает следующее определение: «Идентичность бренда представляет собой уникальный набор марочных ассоциаций, который стремится создать или поддерживать разработчик бренда. Эти ассоциации представляют значение бренда и обещания, которые даются потребителям членами организации» (Aaker, 1995). В.М. Перция и Л.А. Мамлеева в своем определении опирались на дефиниции Д. Аакера: «Идентичность бренда – уникальный набор связанных с брендом признаков, описывающий, для чего существует бренд, и несет в себе обещание потребителю со стороны производителя» (Перция, 2007). Т. Аллен и Дж. Симмонз сводят идентичность бренда к его визуальному и вербальному представлению, т.е. к означающему бренда (Allen, 2004). Б. Ванэкен также считает, что характерные особенности бренда – это «совокупность зрительных, слуховых и остальных компонентов ощущений» (Vaneken, 2004). Л. Апшоу подразумевает под идентичностью главным образом средства идентификации: имя

бренда, логотип / графическую систему / услуги, продвижение / мерчендайзинг, маркетинговые коммуникации, суть бренда (позиционирование бренда, стратегическую индивидуальность) (Upshaw, 1995: 24). Профессор по маркетингу К. Келлер выделяет три элемента идентичности бренда: позиционирование бренда, ценности бренда и коды бренда. При этом Келлер считает позиционирование бренда частью его идентичности, а коды бренда близкими к понятию его сущности (Keller, 2002).

Ж.-Н. Капферер указывает на функции дифференциации и влияния на потребителей. Он пишет, что идентичность бренда «устанавливает грани его уникальности и ценности» (Kerferer, 1997). Л. де Чернатони выделяет функцию дифференциации. По его мнению, идентичность бренда – это «характер, цели и ценности, которые представляют уникальную дифференциацию бренда» (Chernatony, 1999). И, действительно, потребители сейчас сталкиваются с большим количеством маркетинговых коммуникаций, количество которых растет с каждым годом. Например, среднестатистический американец ежедневно контактирует с 3000 коммерческих сообщений (Nilson, 1998). В 2004 г. на американские потребительские рынки было выпущено 33 185 новых брендов (Build a better mousetrap, 2004). Чтобы прорваться сквозь насыщенное информационное давление, необходима уникальная, актуальная и понятная идентичность бренда.

Обобщая мнения различных экспертов, Н.Н. Литвинов приходит к выводу, что идентичность бренда:

1. Является стратегической концепцией персоналий бренда, его внешним выражением, совокупностью его идентификаторов.
2. Отражает уникальные для бренда характеристики, которые мотивируют покупателя.
3. Играет ключевую роль в процессе узнавания бренда потребителями.
4. Формирует его неповторимость.
5. Является главным элементом мотивационной вертикали бренд-менеджмента, формирующей модель и имидж бренда (Литвинов, 2007).

Идентичность рассматривается как важнейшая составляющая бренда, об этом пишут признанные ученые и практики маркетинга. Так, профессор Д. Аакер и Э. Йохимштайлер считают идентичность бренда краеугольным камнем стратегии бренда (Aaker, Joachimsthaler, 2000). По мнению специалистов McKinsey, одним из критериев сильного бренда является «наличие идентичности» (Court, Freeling, Leiter, Parsons,

1996). А. Уиллер пишет об основных требованиях, предъявляемых к качественно разработанной системе характерных особенностей бренда: «Лучшие системы идентичности бренда являются запоминающимися, подлинными, значительными, отличительными, жизнеспособными и гибкими, а также добавляющими ценность (Wheeler, 2006: 6). Анализ модели влияния бренда на потребительский спрос (Домнин, 2009) показывает, что в основе формирования потребительских ассоциаций и установок лежит коммуникационный процесс декодирования, т.е. атрибуция и определение значений бренда при взаимодействии с ним через коммуникации в процессе потребления брендовых товаров и услуг. Таким образом, идентичность бренда является одним из факторов, определяющих потребительское поведение.

Некоторые же авторы не употребляют термин идентичности, но подразумевают его, используя близкие по смыслу определения. Так, Ж.-Ж. Ламбен пишет о «желаемом имидже торговой марки» (Lambin, 2012: 262). Б. Шмит и А. Симонсон берут термины «образ проецируемый» и «образ воспринимаемый» (Schmitt, Simonson, 1997: 74-75), при этом «проецируемый образ» близок к понятию идентичности, Амблер Т. рассматривает понятие «индивидуальность бренда» (Ambler, 1996).

Если говорить о национальной идентичности, то следует отметить, что западные исследователи национальную идентичность часто отождествляют с брендом страны. Целью создания странового бренда является отмежевание от других государств, что служит почвой для развития национальной уникальности (Nam, 2001).

Авторы рассматривают формирование национальной идентичности на двух уровнях одновременно – на внешнем, мировом рынке в условиях глобализации и внутреннем через развитие успешных отечественных брендов, которые отвечают требованиям современных мировых рынков и в то же время отождествляют ценность отечественного производства.

Таким образом, можно сделать вывод, что бренд государства невозможен без определения его идентичности: идентичность государства является программной основой бренда. Это тот фундамент, на котором можно строить мысли, отношения и ассоциации среди целевых аудиторий. Источником идентичности бренда является набор идей, ценностей, характерных особенностей, которые в совокупности создают в сознании представителей целевой аудитории опре-

деленные ассоциации с государством-брендом. Именно индивидуальность государства, ее идентичность отличает одно государство от другого и формирует узнаваемый имидж (Инковская, 2013).

Результаты и рассуждения

Многие ученые констатируют, что процесс глобализации влияет на обострение кризиса идентичности. В этом контексте представляется, что современное общество не будет достаточно интегрированным и устойчивым, способным отвечать на вызовы современного мира, не сможет осуществлять эффективную экономическую, социальную и политическую модернизацию (Held, 1999).

Однако, авторы данной статьи поддерживают другую позицию, которую выражают многие современные теоретики глобализации, отмечающие возрождение национальной идентичности. Основной посыл – глобализация не только унифицирует и гомогенизирует культуры, но и пробуждает и стимулирует национальную идентичность. Глобализация усиливает процессы фрагментации, многообразие возможностей, самоопределение в отсутствие авторитетов и стандартизированное поведение и т. д. Накладываясь друг на друга, они создают условия для дробления единой национальной идентичности на несколько или множество идентичностей. И именно в этой связи и контексте мы рассматриваем и соотносим эти два процесса (Бойбекова, 2015).

Перейдем к рассмотрению следующих взаимовлияющих современных понятий – национальной идентичности и странового брендинга.

Основные особенности национальной идентичности включают следующие моменты: историческую территорию, массовую культуру, общие юридические права и обязанности, национальную экономику.

Визуальные проявления национальной идентичности знакомы всем, например, это флаг страны, традиционная национальная одежда, орнамент, ландшафт, архитектурные стили государства... Кроме того, существуют ее звуковые проявления, наиболее очевидным из которых выступает национальный гимн.

Звуковая идентичность также может включать язык, региональные акценты и диалекты, голоса известных людей, которые тесно связаны с конкретной страной и представляют собой элемент общественной культуры.

Таблица 1 – Национальная идентичность в структуре коммерческих брендов Казахстана

Название бренда	Значение названия	Логотип/ Визуализация	Стоимость бренда, 2011
«Карагандинское» 	Характеризует привязку к казахстанской местности	Содержит изображение беркута – символа Казахстана	\$95 млн.
Рахат – кондитерские изделия 	Казахское слово, легкое в произношении, понятное для всех местных граждан, в переводе «удовольствие»	Имеет символ шанырака в основе логотипа	\$83 млн.
Kcell 	Есть страновая привязка в названии – казахстанский сотовый оператор Kcell	Сочетание цветов солнца и неба (особенно проявилось в имиджевом рекламном ролике)	\$75 млн.
Kaspi Bank 	В основу названия банка легло название Каспийского банка на казахском языке «Каспий Банкі»	В основе логотипа представлены человеческие фигуры – это современные петроглифы (знаменитые исторические наскальные рисунки), олицетворяющие семейные ценности.	\$68,5 млн.
Sultan (продукты питания) 	Название имеет тюркское происхождение, в переводе «правитель»	В основе логотипа – колосья пшеницы на фоне восходящего солнца и неба	\$43,7 млн.
Пиала (чай) 	Название олицетворяет традиционную восточную емкость для питья чая (чашку)	Логотип представлен в виде изображения пиалы, не имеет ярко выраженных национальных признаков, но в полной мере передает название бренда	\$13 млн.
«Айналайын» (молочная промышленность) 	Казахское слово, выражающее заботу и нежность	Логотип содержит цвет неба и травы, с привязкой к категории в виде струи молока	\$7,1 млн.

Еще одним мощным визуальным проявлением национальной идентичности является пейзаж. И в этом смысле определение Казахстана как «страны степей» наиболее точно соответствует идентификации территории нашей страны.

Зарубежные специалисты отмечают, что идентификация нации выступает своего рода ключом к бренду страны, а в привлечении экономического и политического внимания имидж и репутация становятся важнейшими составляющими стратегического капитала государства. Мощный и позитивный бренд страны может обеспечить решающее конкурентное преимущество в современной глобальной экономике.

Страновой брендинг становится все более и более популярным, все больше и больше стран во всем мире выделяют немалые ресурсы на развитие своего национального бренда.

Авторы статьи предлагают обратиться к развитию национальной идентичности с другого ракурса – внутри страны через развитие успешных брендов товаров и услуг, которыми пользуются все казахстанцы каждый день. Когда местный потребитель осознанно будет выбирать товар отечественного производства, основываясь на комплексном подходе качества и национальной идентичности продукта, гордости и патриотизма, можно считать, что большая часть пути к построению странового бренда преодолена.

В 2011 году был представлен рейтинг 50 самых дорогих отечественных брендов, самым важным моментом в специфике расчета данного рейтинга явилось то, что рассчитываемая стоимость бренда включает в себя исключительно его стоимость, без учета производственных мощностей, инфраструктуры компании, патентов, изобретений и других материальных или интеллектуальных ценностей. По версии MPP Consulting, в тройку лидеров вошли пиво «Карагандинское», «БТА Банк» и конфеты «Рахат». Мы предлагаем рассмотреть в рамках данного рейтинга анализ брендов, которые были созданы в Казахстане и имеют, на взгляд автора, привязку к национальной идентичности (Топ-50 казахстанских брендов, 2011).

Авторы предлагают рассмотреть таблицу 1, в которой представлена попытка выделения основных факторов, определяющих национальную идентичность коммерческих брендов с учетом стоимости их брендов.

Рассмотренные в таблице бренды собраны из разных сфер бизнеса, являются самыми яркими примерами, отождествляющимися с национальной идентичностью, и авторы предлагают при-

нять во внимание их подход к формированию бренда, а именно правильное (с точки зрения маркетинга, привязки к категории, национальной идентичности) значение названия и логотипа в проекте АО «Национальная компания «Kazakh Invest» по продвижению зонтичных брендов Казахстана.

Напомним, что в настоящее время ведется активная работа над проектом по позиционированию Казахстана как производителя органической натуральной продукции на мировом рынке. В 2016 году АО «Национальная компания «Kazakh Invest» разработаны три зонтичных бренда: KazMeat, Qazaq Organic Food и Halal Kazakhstan, а также планируется создать дополнительный зонтичный бренд производителей растительного масла. Данные группы брендов сформированы и ориентированы на такие крупные экспортные рынки как Китай, Россия, Иран. В рамках 21-ой международной выставки экологически чистых и натуральных продуктов питания в Шанхае в 2017 году впервые в истории Казахстан презентовал сертифицированную продукцию казахстанских компаний ТОО «Жарколь-007», ТОО «Био Тау Жер», СПК «Мёд КЗ», КХ «Каржау». В выставке также приняли участие Казахская федерация движений органического сельского хозяйства (KAZFOAM) и Ассоциация органического земледелия (Зонтичный бренд Qazaq Organic Food, 2017).

В этой связи хотелось бы отметить авторское видение по продвижению зонтичных органических брендов:

1. Перечисленные в таблице 1 известные казахстанские бренды именно в сфере народного потребления предлагается включить в комплексную программу зонтичного продвижения с учетом их высокой значимости и узнаваемости на внутреннем рынке, в некоторых случаях также и сформированных экспортных позиций. Возможно, потребуется доработка или разработка усовершенствованных продуктов в общей продуктовой линейке данных компаний с учетом нацеленности на чисто органическое производство. Предполагается, что этим компаниям будут заниматься самостоятельно под руководством курирующего ведомства проекта. Возможно, все включенные в зонтичное продвижение бренды должны иметь один общий выработанный посыл и стиль, однако с сохранением уникальности и уже сформированного имиджа. Возможно, это будет достигаться путем добавления единого зонтичного логотипа, как некоего стандарта качества. Возможно, ответственным ведомством

также предусмотрены и другие методы объединенного стиля всех брендов, включенных и планируемых к включению в зонтичное экспортное продвижение. Таким образом, на рынке может быть сформирован некий стимул попасть в зонтичное продвижение органических экспортных продуктов, которое будет подразумевать как открытие дополнительных экспортных возможностей, так и иметь сильный имиджевый характер, который, безусловно, скажется и на внутреннем рынке – среди производителей, а также потребителей.

2. Уже включенным в зонтичное продвижение компаниям и их продукции, возможно, необходимо дополнительное освещение на внутреннем рынке. И также, безусловно, вопрос единого зонтичного идентификатора относится ко всем зонтичным брендам. Все текущие зонтичные производители, а именно: ТОО «Жарколь-007», ТОО «Био Тау Жер», СПК «Мёд КЗ», КХ «Каржау» имеют национальные названия, имеющие привязку к казахстанской идентичности, сами продукты, безусловно, тоже соответствуют всем нормам органического производства.

3. Также есть сегмент потенциальных к включению в зонтичное продвижение брендов. Автор предлагает к рассмотрению именно те казахстанские бренды, которые соответствуют следующим принципам:

а. Органическое производство, состав.

б. Стратегия бренда с привязкой к казахстанской идентичности (название, логотип, продвижение и т.п.).

с. Международное значение названия бренда должно быть корректным и легким в восприятии экспортным рынкам.

Интересны примеры действующих казахстанских брендов, которые, возможно, следует рассмотреть в рамках проекта:

– **ARBA Wine** – вино казахстанского производства высокого качества, отличительной особенностью которого является благоприятные почвенно-климатические, природные факторы и особенные характеристики местности Казахстана.

– **Saumal** – высококачественное сублимированное сухое кобылье молоко, производящееся на территории Казахстана и имеющее уникальные свойства за счет содержания лошадей в естественной среде обитания, собственной кормовой базы, высококачественного оборудования.

– **Bahroma** – концепция мороженого, как вида восточных сладостей. Концепция встраивалась в существующие на рынке тренды и логич-

но отсылала к месту производства и отдельным регионам продаж. При этом восточная тематика не должна была быть привязана к конкретной стране. Название Bahroma было выбрано в связи с тем, что «бахрома» – слово емкое, понятное и на Востоке, и на Западе. Оно ассоциируется с Азией без привязки к конкретной местности. Для западного человека бахрома – атрибут и дизайнерской одежды, и карнавальных костюмов (Bahroma: мороженое с восточным колоритом, 2017).

– **Амиран** – лечебно-профилактическое молочное питание для детей и взрослых из 100% натурального цельного молока. Это первая и единственная в Казахстане продуктовая линейка детского молочного питания, изготовленного из натурального цельного молока высшего качества, это «живой» продукт, потому, что молоко является цельным натуральным, а не восстановленным, без добавления консервирующих веществ (Официальный сайт amiran.kz)

Таким образом, продвигая органик бренды Казахстана, необходимо провести качественную сегментацию по имеющимся игрокам на внутреннем рынке и их эффективному включению в продвижение единого бренда Казахстана, как производителя натуральных продуктов питания, а также закрепить имеющийся спрос на экспортных рынках, вырабатывая тем самым поэтапное построение странового бренда. Не следует забывать и о методах стимулирования инфраструктуры на внутреннем рынке с параллельной работой над эффективной стратегией странового бренда как поставщика высококачественной продукции в идентификационных секторах.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что общепринятые суждения о том, что Казахстан должен сфокусироваться на интересах потенциальных экспортных стран и предлагать им товары, соответствующие их предпочтениям все же, не являются стратегически верными. Авторы считают, что Казахстан должен производить продукты с выработанным национальным идентификационным стилем, который не только должен выражаться в названии, логотипе, но и в обязательно прилегающем качестве товара, экологичности и безопасности.

Казахстанская народная специфика выражается в многонациональности, гостеприимности, застолье, ассоциируется с хорошим чаем и молоком, знаменита богатой природой и талантли-

выми боксерами. На этом и должно строиться позиционирование отечественных товаров при продвижении на внешних рынках. Сохранив феномен национальной идентичности, необходимо представлять казахстанские бренды таким образом, чтобы они становились доступными для народов других странах мира. Это достигается путем широкого распространения во всем мире отечественных культурных продуктов и проектов. Здесь важную роль играют как социально-экономические, культурные и другие яркие до-

стижения Казахстана. Итак, страновой бренд и зонтичное продвижение отечественных брендов должны идти в рамках единой концепции, поддерживающей друг друга. Также очень важно при разработке зонтичных направлений не выходить за рамки очерченных территорий национальной идентичности. Таким образом, при четкой стратегии и качественной ее реализации может быть достигнута высокая ценность как странового бренда в целом, так и зонтичных брендов в частности.

Литература

- Aaker D.A. Building Strong Brands, The Free Press, 1995.
- Aaker D.A., Joachimsthaler E. Brand Leadership: The Next Level of the Brand Revolution. – New York: The Free Press, 2000.
- Allen T., Simmons J. Visual and verbal identity. In R. Clifton & J. Simmons (Eds.), Brands and branding. Princeton, NJ: Bloomberg Press, 2004.
- Ambler, T. The employer brand/ T. Ambler, S. Barrow// The Journal of Brand Management. — 1996. — Vol. 4, Issue 3.
- Bahroma: мороженое с восточным колоритом, 2017 <http://www.depotwrf.ru/news/615/bahroma/>
- Build a better mousetrap 2004. New product innovations of the year. Productscan Online (press release), 2004. www.productsan.com
- Chernatony L. D. Brand Management Through Narrowing the Gap Between Brand Identity and Brand Reputation. Journal of Marketing Management, 1999. 15(1-3):157-179.
- Court D., Freeling A., Leiter M., Parsons A. Uncovering the value of brands, The McKinsey Quarterly, 1996. № 4.
- Ham P. The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation // Foreign Affairs. – 2001. – Vol 80, № 5. – P. 2-6.
- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Contents and Introduction in Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Stanford: Stanford University Press, 1999.
- Kapferer Jean-Noel. The New Strategic Brand Management: Creating and Sustaining Brand Equity Long Term, Edu, London: Kogan Page, 1997.
- Keller K.L. Strategic Brand Management: Building, Measuring, and Managing Brand Equity. Prentice Hall; 2 edition, 2002
- Lambin J.J. Market-driven Management: strategic and operational marketing. Red Globe Press. 2012
- Nilson T. Competitive branding: Winning in the market place with value-added brands. Hoboken: John Wiley & Sons, Inc. 1998.
- Schmitt B.H., Simonson A. Marketing Aesthetics. – New York: The Free Press, 1997.
- Upshaw L. Building Brand Identity: A Strategy for Success in a Hostile Marketplace. – N.Y. John Wiley, 1995.
- Vaneken B. Brand help. Simple management which will help to solve problems, 2004.
- Wheeler A. Designing Brand Identity: A Complete Guide to Creating, Building and Maintaining Strong Brands. Wiley, 2006.
- Бичун Ю.А. Управление брендами: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2006. – 63 с.
- Бойбекова Ш. А., Дустмурадов Ж. Д. Процесс глобализации и национальная идентичность // Молодой ученый. – 2015. – №3. – С. 998-1000. – URL <https://moluch.ru/archive/83/14961/> (дата обращения: 27.10.2018).
- Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект//Вопросы философии. – 2011. – №10.
- Домнин В.Н. Предпочтения бренда – ключевой фактор влияния бренда на потребительский спрос и рыночные показатели фирмы // Бренд-менеджмент. – 2009. – №3. – С.130-144.
- Зонтичный бренд Qazaq Organic Food презентовали в Шанхае. 2017 https://www.inform.kz/ru/zontichnyy-brend-qazaq-organic-food-prezentovali-v-shanhae_a3060424
- Инковская Ю.Н. Идентичность как элемент государственной политики брендинга территорий // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5.
- Казахстан в глобальном мире: вызовы и сохранение идентичности / Институт философии и политологии КН МОН РК. – Алматы, 2011.
- Литвинов Н.Н. Бренд-культура: завоевание расположения клиента // Бренд-менеджмент. – 2007. – №5.
- Официальный сайт первого в Казахстане Завода Казахской академии питания «Амиран» amiran.kz
- Перция В.М., Мамлеева Л.А. Анатомия бренда. – М.: Вершина, 2007. – 288 с.
- Топ-50 казахстанских брендов. 2011 <http://www.exclusive.kz/expertiza/biznes/rejting/7415/>
- Тульчинский Г., Терентьева В. Бренд-интегрированный менеджмент. Каждый сотрудник в ответе за бренд. – М.: Вершина, 2006. – 352 с.

References

- Aaker D.A. Building Strong Brands, The Free Press, 1995.
- Aaker D.A., Joachimsthaler E. Brand Leadership: The Next Level of the Brand Revolution. – New York: The Free Press, 2000.
- Allen T., Simmons J. Visual and verbal identity. In R. Clifton & J. Simmons (Eds.), Brands and branding. Princeton, NJ: Bloomberg Press, 2004.
- Ambler, T. The employer brand/ T. Ambler, S. Barrow// The Journal of Brand Management. — 1996. — Vol. 4, Issue 3.
- Bahroma: ice cream with oriental flavor, 2017 <http://www.depotwfp.ru/news/615/bahroma/>
- Build a better mousetrap 2004. New product innovations of the year. Productscan Online (press release), 2004. www.productsan.com
- Chernatony L. D. Brand Management Through Narrowing the Gap Between Brand Identity and Brand Reputation. Journal of Marketing Management, 1999. 15(1-3):157-179.
- Court D., Freeling A., Leiter M., Parsons A. Uncovering the value of brands, The McKinsey Quarterly, 1996. № 4.
- Ham P. The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation // Foreign Affairs. – 2001. – Vol 80, № 5. – P. 2-6.
- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Contents and Introduction in Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Stanford: Stanford University Press, 1999.
- Kapferer Jean-Noel. The New Strategic Brand Management: Creating and Sustaining Brand Equity Long Term, Edu, London: Kogan Page, 1997.
- Keller K.L. Strategic Brand Management: Building, Measuring, and Managing Brand Equity. Prentice Hall; 2 edition, 2002
- Lambin J.J. Market-driven Management: strategic and operational marketing. Red Globe Press. 2012
- Nilson T. Competitive branding: Winning in the market place with value-added brands. Hoboken: John Wiley & Sons, Inc. 1998.
- Schmitt B.H., Simonson A. Marketing Aesthetics. – New York: The Free Press, 1997.
- Upshaw L. Building Brand Identity: A Strategy for Success in a Hostile Marketplace. – N.Y. John Wiley, 1995.
- Vaneken B. Brand help. Simple management which will help to solve problems, 2004.
- Wheeler A. Designing Brand Identity: A Complete Guide to Creating, Building and Maintaining Strong Brands. Wiley, 2006.
- Bichun Yu.A. Upravleniye brendami [Brand Management]. Tutorial. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics and Finance, 2006. – 63p.
- Bozbekova Sh. A., Dustmuradov J. D. Protseess globalizatsii i natsional'naya identichnost' [The process of globalization and national identity] // Young Scholar. – 2015. – №3. – p. 998-1000. – URL <https://moluch.ru/archive/83/14961/> (appeal date: 10/27/2018).
- Gadzhiev K.S. Natsional'naya identichnost': kontseptual'nyy aspekt [National Identity: A Conceptual Aspect] // Philosophy Issues 2011. № 10
- Domnin V.N. Predpochteniya brenda – klyuchevoy faktor vliyaniya brenda na potrebitel'skiy spros i rynochnyye pokazateli firmy [Brand preferences are a key factor in influencing the brand's consumer demand and the firm's market performance] // Brend-menedzhment. – 2009. – №3. – S.130-144.
- Zontichnyy brend Qazaq Organic Food prezentovali v Shankhaye 2017 [Umbrella brand Qazaq Organic Food presented in Shanghai 2017]. https://www.inform.kz/ru/zontichnyy-brend-qazaq-organic-food-prezentovali-v-shanhae_a3060424
- Inkovskaya Yu.N. . Identichnost' kak element gosudarstvennoy politiki brendinga territoriy [Identity as an element of the state policy of territorial branding] // Modern problems of science and education. – 2013. – № 5.
- Kazakhstan v global'nom mire: vyzovy i sokhraneniye identichnosti [Kazakhstan in a global world: challenges and preservation of identity]. Institute of Philosophy and Political Science. Committee of Science of the Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan. Almaty, 2011.
- Litvinov N.N. Brend-kul'tura: zavoyevaniye raspolozheniya kliyenta [Brand culture: capturing the location of the client] // Brand management. – 2007. – №5.
- Ofitsial'nyy sayt pervogo v Kazakhstane Zavoda Kazakhskoy akademii pitaniya «Amiran» [Official site of the first in Kazakhstan Factory of the Kazakh Academy of Nutrition «Amiran»]. www.amiran.kz
- Pertsiya V.M., Mamleeva L.A. Anatomiya brenda [Brand anatomy]. – M.: Vershina, 2007 – 288p.
- Top-50 kazakhstanskikh brendov. [Top 50 Kazakhstan brands]. 2011 <http://www.exclusive.kz/expertiza/biznes/rejting/7415/>
- Tulchinsky G., Terentyeva V. Brend-integrirrovanny menedzhment. Kazhdyy sotrudnik v otvete za brend [Brand-integrated management. Every employee is responsible for the brand].- M.: Vershina, 2006. 352 p.

Bekmukhametova A.B.¹, Zhong Chunmei²

¹candidate of economic sciences, scientific adviser, e-mail: sultasem@mail.ru

²2nd year master student speciality

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

**ECONOMIC BELT OF THE SILK WAY:
OPPORTUNITIES AND PROSPECTS FOR KAZAKHSTAN**

«One Belt, One Road» – the proposal put forward by the People's Republic of China (PRC) for joint projects of the «Economic belt of the Silk Way» and the «Silk Road of the XXI century». The proposal was first put forward by the Chairman of the People's Republic of China Xi Jinping during his visits to the countries of Central Asia and to Indonesia in the autumn of 2013. The essence of this Chinese initiative is to find, formulate and promote a new model of international cooperation and development by strengthening existing regional bilateral and multilateral mechanisms and structures of interaction involving China. Based on the continuation and development of the spirit of the ancient Silk Road, «One Belt, One Road» calls for the development of new mechanisms for regional economic partnership, stimulation of economic prosperity of the countries involved, strengthening of cultural exchanges and links in all areas between different civilizations, as well as promoting peace and sustainable development. According to official data of China «One Belt, One Road» covers the greater part of Eurasia, connecting developing countries, including «new economies», and developed countries. The territory of the megaproject contains rich reserves of resources, 63% of the world's population live, and the estimated economic scale is 21 trillion US dollars. Against the backdrop of the slow recovery of the world economy from the consequences of the global financial and economic crisis, the world community is to find a new model of interaction and create new mechanisms for economic development. During the integration of the Chinese economy into the world economy, China is ready to assume more international responsibilities and commitments in accordance with its capabilities, to make a great contribution to the maintenance of peace and human development. The initiative on joint construction of the "one belt and one road" is aimed at promoting free, orderly movement of economic factors, efficient allocation of resources and deepening market integration, encouraging coordination of economic policies of countries along the «one belt and one road» routes, expanding and deepening regional cooperation, on joint efforts the formation of an open, inclusive and balanced architecture of regional cooperation, within the framework of such an architecture partner all are benefiting and opportunities for sustainable development.

The article describes the economic content of the Economic Belt of the Silk Way and also discusses the problems and facts that this global project helps to stimulate the development of the Kazakh-Chinese economic relations.

Key words: Economic Belt of the Silk Way, Kazakh-Chinese economic relations, system, project, road, interest.

Бекмухаметова А.Б.¹, Чжун Чуньмэй²

¹экономика ғылымдарының кандидаты, ғылыми жетекші, e-mail: sultasem@mail.ru

²курс магистранты

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

**Жібек жолының экономикалық белдеуі:
Қазақстан үшін мүмкіндіктер мен болашағы**

«Бір белдеу, бір жол» – «Жібек Жолы экономикалық аймағы» және «XXI ғасырдың Теңіздік Жібек Жолы» біріккен жобаларының Қытай Халық Республикасымен (ҚХР) алға қойылған ұсынысы. Бұл ұсынысты ең алғаш ҚХР басшысы Цзиньпин Орталық Азия елдері мен Индонезияға 2013 жылдың күз айында бару сапарында ұсынды. Бұл қытайлық бастаманың негізгі мағынасы

халықаралық достастықтың жаңа үлгісін іздеу, қалыптастыру және алға дамытуда және Қытай елінің қатысуымен өзара әрекеттердің қолданыстағы аймақтық екі тараптық және көп тараптық механизмдері мен құрылымдарын дамыту болып табылады. Ежелгі Жібек Жолының ерекшеліктерін жалғастыру және дамыту негізінде «Бір белдеу, бір жол» бастамасы аймақтық экономикалық серіктестіктің жаңа механизмдерін дайындауға, қызығушылық танытқан елдердің экономикалық дамуын қалыптастыруға, әртүрлі өркениеттер арасындағы мәдени қатынастар мен барлық сала бойынша байланыстардың нығаюына және сонымен қатар тыныштық пен тұрақты дамудың болуына шақырады. Қытай елінің ресми деректері бойынша, «Бір белдеу, бір жол» жобасы дамушы елдерді біріктіре отырып, оның ішінде «жаңа экономика» және дамыған елдерді қосып, Еуразияның үлкен бөлігін қамтиды. Мегажобаның аймағында ресурстардың бай қоры анықталған, ғаламшарымыздың 63 % өмір сүреді, ал болжамдық экономикалық ауқымы – 21 трлн АҚШ доллары. Жаһандық қаржылық-экономикалық дағдарыстың әсерінен әлемдік экономиканың баяу қалпына келуі барысында, әлемдік қауымдастыққа өзара әрекеттестіктің жаңа үлгісін табуға және экономикалық дамудың жаңа механизмдерін құруға тура келеді. Қытай экономикасының әлемдік экономикаға интеграциясы барысында Қытай өзінің қабілеттіліне сәйкес үлкен ауқымдағы халықаралық жауапкершіліктерді және міндеттемелерді алуға, тыныштықты сақтау мен жалпы адамзаттық дамуға үлкен үлесін қосуға дайын. «Бір белдеу, бір жол» біріккен құрылысының мақсаты еркін, реттелген экономикалық факторлардың қозғалысына, қорлардың тиімді таратылуы мен нарықтық интеграцияның нығаюына, «Бір аймақ – бір жол» бағытындағы елдердің экономикалық саясатының координацияларының кеңеюіне, аймақтық қауымдастықтың ашық, инклюзивті және үйлесімді, архитектурасын қалыптастыруға біріккен күштердің күшеюі мен нығаюына бағытталған, мұндай серіктестік архитектуралар аясында барлық ел тек пайда және тұрақты даму мүмкіндіктерін алады.

Мақалада Жібек Жолының Экономикалық Белдеуінің экономикалық мазмұны ашылады, және сонымен қатар бұл жаһандық жоба қазақстандық-қытайлық экономикалық қатынастардың дамуына ықпал ететіндігін қарастырады.

Түйін сөздер: Жібек Жолының Экономикалық Белдеуі, қазақстандық-қытайлық экономикалық қатынастар, жүйе, жоба, жол, қызығушылық.

Бекмухаметова А.Б.¹, Чжун Чуньмэй²

¹кандидат экономических наук, научный руководитель, e-mail: sultasem@mail.ru

²магистрант 2 курса

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Экономический пояс Шелкового пути: возможности и перспективы для Казахстана

«Один пояс и один путь» – выдвинутое Китайской Народной Республикой (КНР) предложение объединённых проектов «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века». Предложение было впервые выдвинуто председателем КНР Си Цзиньпином во время визитов в страны Центральной Азии и в Индонезию осенью 2013 года. Суть данной китайской инициативы заключается в поиске, формировании и продвижении новой модели международного сотрудничества и развития с помощью укрепления действующих региональных двусторонних и многосторонних механизмов и структур взаимодействий с участием Китая. На основе продолжения и развития духа древнего Шёлкового пути «Один пояс и один путь» призывает к выработке новых механизмов регионального экономического партнерства, стимулированию экономического процветания вовлечённых стран, укреплению культурных обменов и связей во всех областях между разными цивилизациями, а также содействию мира и устойчивого развития. По официальным данным Китая, «Один пояс и один путь» охватывает большую часть Евразии, соединяя развивающиеся страны, в том числе «новые экономики», и развитые страны. На территории мегапроекта сосредоточены богатые запасы ресурсов, проживает 63 % населения планеты, а предположительный экономический масштаб – 21 трлн долларов США. На фоне медленного восстановления мировой экономики от последствий глобального финансово-экономического кризиса мировому сообществу предстоит найти новую модель взаимодействия и создать новые механизмы экономического развития. В ходе интеграции китайской экономики в мировую экономику Китай готов принять на себя больше международных обязательств, внести большой вклад в поддержание мира и общечеловеческого развития. Инициатива по совместному строительству «одного пояса и одного пути» нацелена на содействие свободного, упорядоченного движения экономических факторов, эффективное распределение ресурсов и углубление рыночной интеграции, на поощрение координации экономической ответственности и обязательств в соответствии со своими способностями, политики стран вдоль маршрутов «одного пояса и одного пути», расширение и углубление регионального сотрудничества, на

формирование совместными усилиями открытой, инклюзивной и сбалансированной архитектуры регионального сотрудничества, в рамках подобной архитектуры партнерства все получают пользу и возможности устойчивого развития.

В статье раскрывается экономическое содержание Экономического Пояса Шелкового пути, а также рассматриваются проблемы и факты, что этот глобальный проект помогает стимулировать развитие казахстанско-китайских торговых отношений.

Ключевые слова: Экономический Пояс Шелкового пути, казахстанско-китайские торговые отношения, система, проект, путь, интерес

Relevance of the research

The Silk Road Economic Belt (SREB) is a long-term project that allows the establishment of new trade bridges. On September 16, 2013, speaking at Nazarbayev University in Astana, President Xi Jinping presented a comprehensive and ambitious initiative to create «Silk Road Economic Belt» in the entire Eurasian continent. This initiative is aimed at the renaissance of Great Silk Road in modern conditions.

In a very short period of time, the initiative was launched to become not just a concept, but an international megaproject of great economic interest not only for China itself, but also for all countries along the Great Silk Road, including Kazakhstan.

Many today have high hopes for this Chinese project to restructure the current system of trade and economic relations in all of Eurasia. A large number of studies and forecasts regarding the impressive volumes of cargo flows that will go from East to West along the created economic corridors only confirm this interest. (Pala, Christopher, 2016: 14-21)

The theoretical and methodological basis of the research is connected with the synthesis of the works of foreign and domestic scientists and modern lines of economic science; the works of foreign and domestic economists on the issues of the Economic Belt of the Great Silk Road Project, the laws of the Republic of Kazakhstan, Government Decrees, the Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan, the State Program on Forced Industrial and Innovative Development of the Republic of Kazakhstan and other normative acts of the Republic. As an information base of the study, instructive regulations on transport logistics issues, materials of the National Bank, reports of second-tier banks, data from central banks of developed countries, foreign financial institutions, monographs of foreign and domestic authors, and materials of periodicals were used.

Columbian professor Millward, James A. in his literature widely considered the economic belt of the Silk Way between the People's Republic of China

and Eurasia (Millward, James A., 2007: 45-47). Also, Professor Pala Christopher in his work "The Sea Silk Way" extensively explored the current state of marine problems.

Shannon Tiezzi in his article titled "China Pushes 'Maritime Silk Road' in the South, Southeast Asia – The Diplomat" analyzed China's global strategies.

Jeo Stuart in the article "Reflections on Maritime Partnership: Building the 21st Century Maritime Silk Road" raised questions about the importance of the Silk Road for countries.

Also, Professor Micle Vernier in the work "Xi in call for building of new" maritime silk road "discussed the strategic importance of the project "One belt, one road". Baike Baidu in his work considered the issues of meeting the countries of Eurasia located on the Silk Way, and the issues of China's satisfaction because of the economic changes that were introduced earlier were considered by Jeremy Page. (Shannon Tiezzi, 2016: 22-36)

English professors Lord Vankir, Bihey Malind, Dune Ravie, David Konrad, Caline Frightn and Kalord Tyisman in their writings explored aspects of the fact that the Silk Way is not only developed trade relations between countries, but also contributed to the consolidation of peace and harmony in Eurasia over the centuries, stimulated exchange of best practices, achievements and knowledge for that period.

Within the framework of the "One belt, one road" initiative between Kazakhstan and China, the innovative partnership Heo Lu explored in the article "Brief introduction to relations between China and Kazakhstan" the issues of cooperation in energy and agriculture in the framework of large-scale transport projects.

Introduction

Three decades of structural change and rapid growth in comparison with many countries of the world have made China the locomotive of world economy and one of the two leading economies of the world. The country has also become the world's largest manufacturer and exporter of most

types of industrial products. It should be noted that China is one of key trade and economic partners of both Kazakhstan and other members of Eurasian Economic Union (EAEU). (Marat Yermukhanov, 2016: 3)

Thus, China ranks third in the commodity turnover of the Republic of Kazakhstan after the EU and Russia (\$ 10.6 billion and 14% of the total turnover) and second place after the EU in the consumption of Kazakhstani products (12%). China is also one of the largest investors in the economy of Kazakhstan (in 2007–2017, China's foreign direct investment amounted to \$ 19 billion), and among the Chinese trade partners in the CIS, Kazakhstan ranks second after Russia. (Victoriya Lemon, 2018: 67-75)

According to statistical data, in 1992, the total trade turnover of the PRC with the five countries of Central Asia (Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, Tajikistan) was about 0.5 billion US dollars. In 2017, after 25 years, this figure, according to the Ministry of Commerce of China, rose to a record \$ 59 billion, an increase of more than 100 times. This incredible dynamic shows that in the future, China will take an even more important place in the economic development of the states of Central Asia.

In addition, in the current difficult conditions, the search for efficient economic corridors, expanding product sales markets, establishing equal access to common infrastructure and attracting investments for economies are very important for countries.

Of course, this project is able to open new horizons for trade, economic and investment cooperation in various fields. And for the practical implementation of its initiative, China has created such global financial development institutions as the Asian Infrastructure Investment Bank (\$ 100 billion) and the Silk Road Fund (\$ 40 billion), whose capital will be used to implement international infrastructure projects. No country other than China can allocate such funds for its strategic projects today. Indeed, the SREB is impressive in its scope: until 2019, China plans to import goods from Asia and Europe for \$ 9.5 trillion and invest up to 550 billion dollars in these regions. Consequently, the indisputable advantage of the SREB is its financial and economic security.

This explains the fact that both the EAEU states and China are interested in the implementation of large-scale infrastructure projects in the area of greater Eurasia.

Methods

Theoretical and methodological basis of the study served as a scientific work, based on the fundamental positions developed by domestic and foreign scientists in the field of the Chinese project «One Belt – One Road». In the study, the authors relied on the scientific methods of analysis: scientific abstraction, generalization of the system, logic, comparison. Information and empirical basis of the study was based on specialized publications, official statistics, materials business practices and analytical data published by official sources and obtained through the Internet.

Materials

Kazakhstan was not by chance chosen to publicize the Chinese strategic initiative. Being located at the junction of Europe and Asia, Kazakhstan occupies an extremely important geostrategic position and can turn into an important link between two economic giants – the EU and the PRC. In addition, Kazakhstan has the largest economy in the region (after Russia) and accumulates over 70% of China's trade turnover with the countries of Central Asia.

It should be noted here that on August 30 – September 3, 2015, during the official visit of President N.A. Nazarbayev to China signed a Joint Declaration of the Republic of Kazakhstan and the PRC on a new stage of comprehensive strategic cooperation. This document marks the beginning of the joint promotion of cooperation on the conjunction of the New Economic Policy of Kazakhstan "Nurly Zhol" (Shining Path) and the Silk Road Economic Belt. In terms of their content, the two programs complement each other, since they are aimed at developing infrastructure and industrialization in Kazakhstan, primarily transport and communications (Kalord Tyisman, 2016: 45-47).

Thus, the national plans of the Silk Road countries are practically embedded in the SREB. In this case, the Silk Road project becomes not a purely Chinese, but a truly joint Eurasian project, which is an undoubted advantage of the SREB.

The Nurly Zhol ligament – the SREB is of particular importance also against the background of last year's rapid decline in world oil prices – the main driver of Kazakhstan's economic growth.

In the future, the implementation of the Silk Road project will allow Kazakhstan to access

the seaports of the SREB countries, speed up and reduce the cost of delivering Kazakh goods to world markets, and increase the volume of foreign and mutual trade. Accordingly, the Silk Road solves the urgent problem of the region's exit from the trap of transport insulation. It is for these reasons that the region has increased interest in the Chinese strategic initiative.

As is known, Kazakhstan is actively investing in projects for the development of transit-transport and industrial infrastructure, which were chosen as key areas of cooperation with the SREB project. Thus, in the field of energy, the construction of the second section of the Beineu-Bozoi-Shymkent gas pipeline is promising, which will allow starting deliveries of both Kazakhstani and Russian gas to China in the near future.

In the field of transport infrastructure from the three main corridors of the SREB (1st from China through Central Asia, Russia to Europe; 2nd from China through Central Asia, Western Asia to the Persian Gulf, the Mediterranean Sea; 3rd from China to the Southeast Asia, South Asia, to the Indian Ocean) Kazakhstan's greatest interest is the first route that passes through Central Asia to Europe.

In this direction, a large-scale project on the construction of the international transit automobile corridor «Western Europe – Western China» is of great importance, with the adjoining roads of republican significance to Kazakhstan so that the production infrastructure has a direct road and railway connection to the transit transport corridor.

In response to criticisms about the absence of common infrastructure projects, the EAEU member states in 2016 identified this international corridor as the main joint infrastructure project. Its main advantage is saving time spent on the way. On average, a container shipped from Shanghai travels 40–45 days along the sea route, which has recently been aggravated by unrest in many nearby regions. But if cargoes are sent by land Eurasian corridor, the delivery time is reduced to 14 days by Trans-Siberian Railway and to 10 days by the corridor "Western Europe – Western China".

In other words, the corridor "Western Europe – Western China" is the shortest road route from China to Europe and is of great importance in increasing the transit potential for the entire Eurasian continent. According to calculations, about 8% of the trade turnover between China and the European Union by 2020 will pass along this corridor. And this is about 50 billion US dollars. (Tian Jinchun, 2018: 3)

Traffic is already open along the entire length of the «Western Europe – Western China»

automobile corridor, which runs through the cities of: Lianyungang, Zhengzhou, Lanzhou, Urumqi, Khorgos, Almaty, Kyzylorda, Aktobe, Orenburg, Kazan, Nizhny Novgorod, Moscow and St. Petersburg with access to the ports of the Baltic Sea. The total length of the corridor from the port of Lianyungang in China to St. Petersburg in Russia is almost 8.5 thousand km. Of these, 2493 km are laid across the territory of Russia, 2787 km – of Kazakhstan and 3425 km – of China. It is no coincidence that in China they say: «To become rich, you must first build roads.»

An important advantage of the corridor is that it is the only one in operation and most of the existing transit flow goes through it. It is expected that by the end of the project implementation, the total cargo traffic will increase by 2.5 times and will be about 33 million tons per year. The constructed roads will increase the capacity of cars by 1.5 times, transport and transit traffic will be accelerated twice, the time spent on the road will be reduced by 1.5 times.

The implementation in Kazakhstan of "51 Chinese projects" totaling \$ 28 billion is currently a powerful area of cooperation between our countries, woven into the economic geostrategy of the People's Republic of China – "The Silk Road Economic Belt". However, up to 51 projects are still far away, since there are actually fewer than 15 projects at the implementation stage. These are mainly technological capacities and production lines of Chinese investors in the already existing Kazakhstani enterprises in the field of engineering, oil refining, production of building materials, etc.

Of the factories that are actually built from scratch, so-called «in the open field», for the money of Chinese investors, only two can be named. Moreover, both projects are related to the agro-industrial complex. This is an enterprise in the North Kazakhstan area of the deep processing of oilseeds and grains of Tayinsha-May LLP of Xian Aiju Corporation. And a plant for the processing and production of camel and horse milk powder in the city of Turkestan, South Kazakhstan region, almost ready for commissioning, was invested by the Chinese company Golden Camel Group. It also includes the construction of a copper smelter in the East Kazakhstan region, a polypropylene plant for the KPI company in the Atyrau region and the modernization of the Shymkent refinery. The implementation of joint industrial investment projects is primarily aimed at the development of non-primary sectors of the national economy. The main task of such a large-scale project is to build an alternative economy, independent of raw materials.

On the whole, number of preliminary economic agreements of domestic companies with Chinese investors is impressive – \$ 13 billion. However, it's hard to say how many of them will actually go to the Kazakh economy and how many joint projects will be implemented in reality. One of such projects could be a grain processing plant, in which Chinese companies are planning to invest \$ 2.5 billion.

Despite the observed decline in world trade, which calls into question the available forecasts about strong trade flows, in the future more than half of Chinese goods sent to EU countries will be transported through Kazakhstan.

In fact, this is a new Eurasian continental bridge and an economic corridor "China – Central Asia – Western Europe", in which China, Kazakhstan and Russia will be leaders.

Results

In September 2018, China celebrated the fifth anniversary of the global integration initiative « One Belt, One Road » (OBOR). A number of events were timed to date: specialized press conferences were held, PRC Chairman Xi Jinping, the author of OBOR, made a keynote speech (as it is known, the starting point of the global integration initiative « One Belt, One Road » is considered to be the speech of the head of Chinese State at Nazarbayev University on 7th of September, 2013).

The five-year anniversary of «One Belt, One Road» is an important event for the PRC. In Chinese political establishment, evaluation of the results of activities and the development of plans for the future are conducted in five-year increments. Therefore, in China they sum up results and designate the vectors for further development of the integration initiative. And these results are impressive. As part of Beijing initiative, 118 cooperation documents were signed with 103 countries and international organizations. Over the past five years, China's total trade with OBOR partners made up about \$ 5 trillion; for 25 countries participating in the initiative, the People's Republic of China has become the largest trading partner. Chinese investment in countries along «One Belt, One Road» for the reporting period exceeded \$ 70 billion, with a weighted average annual growth of 7.2 percent. Over the past five years, OBOR has already become recognizable, has demonstrated its attractiveness, rich development potential and, most importantly, viability, unlike other integration initiatives. (Santy Prodo, 2018: 8)

In September 2018 in China, separate work vectors for the next – the second five years of the

initiative development were already defined. So, Beijing will continue to finance related OBOR projects through funds, national and international banks (among the latter, Asian Infrastructure Investment Bank). It is expected that new financing projects will be announced at the upcoming second summit of «One Belt, One Way» in 2019. The first summit in this format was held in Beijing in 2017, even then the authorities showed willingness to generously support the initiative. So, Xi Jinping at last year's summit announced that China will additionally allocate 480 billion yuan (70 billion dollars) to develop cooperation projects in the framework of «One Belt, One Way». According to the head of Chinese State, an additional 100 billion yuan will be allocated to Silk Road Fund, whose capital now makes up about 40 billion dollars. In addition, China's ExImbank will allocate 130 billion yuan, and the State Development Bank of China – 250 billion yuan to support new Silk Road projects. Apart from that, in the next 5 years, China will provide developing countries and international organizations along the «One Belt, One Road» monetary assistance in the amount of 60 billion yuan (almost \$ 8.5 billion).

The second vector of OBOR development: in member countries of the initiative, the work will continue on creation of trade and economic cooperation zones. They became a kind of "mycelium", on which the initiative took root. Over the past five years, 82 such zones have been created, in the development of which 28.9 billion dollars were invested. 4000 enterprises were opened, which paid 2 billion dollars of taxes to the treasury, 244 thousand new jobs were created at these enterprises.

The third direction of development will be the work on "title" projects for development of transport infrastructure. Already today, within the framework of the initiative, many China-Europe railway freight transportation routes have been established. They linked 48 Chinese megacities with 42 cities in 14 European countries. The total number of trains that went along these routes has already exceeded 10 thousand. According to experts, establishment of such logistics chains and strengthening of transport interconnections are much more effective than simple creation of trade unions. If in the second case it is possible to increase the rate of global development by 5 percent, in the first case – by 10-15 percent. Investments in appropriate infrastructure will continue. According to estimates by the consulting company McKinsey, every billion dollars of investment in infrastructure construction will create from 30 to 80 thousand jobs and up to

2.5 billion dollars of value added. Funding will go through Asian Infrastructure Investment Bank with a capital of \$ 100 billion. It was created at the initiative of the People's Republic of China and began work in January 2016.

Finally, institutionalization of the initiative will continue. It is quite natural that with the development of trade and investment cooperation along «One Belt, One Road» the number of controversial issues is increasing. Anticipating this, in June, China opened international commercial courts in Shenzhen and Xi'an, and on August 26, 2018 International Commercial Expert Committee was established. In China, it has been repeatedly stressed that all efforts to develop the initiative fully corresponds to Xi Jinping's words that «One Belt, One Road» is not some kind of «Chinese Club» leading to creation of political and other alliances. The ultimate goal of «One Belt, One Road» is «to give new opportunities for a healthy economic globalization».

Discussion

In September, in honor of the five-year anniversary of the initiative «One Belt, One Road» in the capital of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan-Chinese Business Forum and Kazakhstan-Chinese Forum in the framework of «One Belt, One Road» on exchanges between analytical centers, media and cultural interaction were held. In both forums, results of cooperation were summed up and prospects for interaction between China and Kazakhstan were discussed. In Kazakhstan-Chinese Forum in the framework of «One Belt, One Road» on exchanges between analytical centers, media and cultural interaction jointly organized by Chinese Association of Public Diplomacy, Kazakhstan International Relations Council and «Huanquan» company about 130 Chinese and Kazakh representatives participated, including the Vice-President of Chinese Association of Public Diplomacy, Hu Zhengyue, former Ambassador of the People's Republic of China in Republic of Kazakhstan, Zhang Xiyun, former Ambassador of Republic of Kazakhstan in the People's Republic of China, Kuanysh Sultanovich Sultanov and Chairman of Kazakhstan International Relations Council, Tynymbayuly Yerlan Karin.

Over the past five years, 18 summits have taken place between China and Kazakhstan on the highest level. Under leadership of the leaders of two countries over the past 5 years, many achievements have been gained, relations between Kazakhstan and countries of Eurasia have risen to a new level, as Yerlan Karin said at the forum. Hu Zhengyue

noted that «One Belt, One Road» initiative is a completely new mechanism for international cooperation. «Working together, we can create a bright path of mutual benefit and joint win,» he added. Kuanysh Sultanovich Sultanov said that thanks to implementation of «One Belt, One Road» initiative, over 200,000 new jobs were created in the respective countries, which means emergence of new opportunities and choices. In Kazakhstan a boom in learning Chinese has been observed, and in China more than 14,000 students from Kazakhstan are currently studying.

Cooperation between China and Kazakhstan is fruitful. China is the second largest trading partner, the second largest export market and supplier of goods for Kazakhstan. Chinese institutions have already provided Kazakhstan with a loan of more than 50 billion US dollars, so China is the largest country-source of commercial loans for Kazakhstan. In 2017 trains on the route China – Europe more than 1,800 times crossed the territory of Kazakhstan, this figure increased by 50% compared with 2016, total amount of goods shipped from China and Kazakhstan made up 120 million US dollars. In addition, China created five Confucius Institutes in Kazakhstan, and Kazakhstan in turn established five Centers of Kazakh language and culture in China. Countries also develop cooperation in development of payment operations in national currencies of two countries and currency swaps.

According to official data, within 5 years amount of Chinese investment in Kazakhstan exceeded more than 29 billion US dollars, Kazakhstan has become a priority country for Chinese investors. Currently, number of Chinese companies registered in Kazakhstan has reached 2,600, about 600 enterprises carry out commercial activities in this country. In particular, branch of Infinitus company (China), a leading corporation in the Chinese production of medicinal herbs, received state registration in Kazakhstan on September 4 of this year, which in turn was an important step for the company to open the market of Central Asia. The executive general director of Infinitus (China), Yu Jianglin, in an interview said that rich fruits of cooperation between China and Kazakhstan in the framework of «One Belt, One Road» allowed Infinitus to see new development opportunities. Traditional Chinese medicine with a thousand-year history is very popular in Kazakhstan, which demonstrates a wide scope for development of Chinese healthcare industry in this country. «We are ready to become «providers of health» for countries along «One Belt, One Road», to play a more important role in

promoting humanitarian exchanges and cooperation in health care» said Yu Jianglin.

In general, cooperation between China and Kazakhstan has a great potential, in addition, Kazakhstan is considered to be one of the most promising countries in the framework of the initiative «One Belt, One Road». It is stated in the site "Huantsyuvan."

Conclusion

The practical implementation of the Chinese initiative and Eurasian integration can lead to the formation of a new global economic architecture in Eurasia, where Central Asia is becoming the main link. Kazakhstan, like other countries of Central Asia, is important to participate in the implementation of integration projects, to effectively use the emerging new opportunities and benefits of regional cooperation, while at the same time ensuring the minimization of risks and threats. In the long term, this may be the key to the creation of new clusters of the economy and, ultimately, lead to the growth of other sectors of the economy, including

industry. For the entire region of Central Asia, such a large-scale project potentially means diversifying sources of government revenues, creating additional jobs and improving the overall economic situation. Nevertheless, with all the advantages of this project, it is necessary to ensure the transition from one-sided orientation of economic cooperation with China to the format of equal partnership. Central Asia should become a region and an example of cooperation, and not rivalry, where it is necessary to be guided not by some political conditions and attitudes, but by economic considerations and innovative approaches.

Thus, the SREB is, of course, a continuation of the «historical» spirit of the ancient Silk Road and a grandiose undertaking designed for the long term for many decades to come. There is still a lot of hard work ahead for its full implementation.

In conclusion, the Kazakh proverb is recalled: "He who overcomes the road, who, though slowly, but goes." Therefore, it is necessary to do business slowly, consistently and gradually, according to the principle «to start with easy questions and gradually move to more difficult ones», step by step going to mutually beneficial economic cooperation.

References

- Millward, James A. (2007), *Yevraziyskiy perekrestok: istoriya Sin'tszyana* [Eurasian crossroads: a history of Xinjiang], Columbia University Press, pp. 45–47, ISBN 0231139241
- Pala, Christopher (2016). *Kitay platit za Kazakhstanskuyu neft'* [China Pays Dearly For Kazakhstan Oil]. *New York Times*. Retrieved 2016-10-10, pp. 14–27.
- Tiezzi Shannon (2016). *Kitay sh'yet «Morskoy shelkovyy put'» v Yuzhnoy, Yugo-Vostochnoy Azii* ["China Pushes 'Maritime Silk Road' in South, Southeast Asia"]. *The Diplomat*. 27 June 2016, pp. 23–36.
- Jeo Stuart (2016) *Razmyshleniya o morskoy partnerstve: stroitel'stvo morskogo shelkovogo puti 21-go veka* [Reflections on Maritime Partnership: Building the 21st Century Maritime Silk Road]. *Hong Kong Economic Journal*. 15 January 2016, pp. 6–14.
- Micle Vernier (2016) *Si v prizyve k stroitel'stvu novogo «morskogo shelkovogo puti»* [Xi in call for building of new 'maritime silk road'] // chinadaily.com.cn. Retrieved 2017-01-20
- Jeremy Page (2015) *Kitay vneset 40 milliardov dollarov v Fond Shelkovogo puti* [China to Contribute \$40 Billion to Silk Road Fund]. *Xinhua Finance Agency*. Retrieved 2016-04-13.
- Dune Ravie. *Odin poyas, odin put' poluchayet rekordnyye 48 upominaniy v politicheskom obrashchenii* [One Belt, One Road gets record-breaking 48 mentions in policy address]. *South China Morning Post*. 13 January 2016, pp. 7–16.
- Kalord Tyisman (2016) *TVMost, chtoby osvetit' gosudarstvennyye SMI: vy razbivayete nam serdtse, no spasibo* [TVMost to livid state media: You break our heart but thanks]. *Hong Kong Economic Journal*. 15 January 2016, pp. 45–67.
- Baike Baidu (2017) *Baidu: odin po poyas odin put'* [Baidu: One Belt One Road] // baike.baidu.com. Retrieved 2017-02-04.
- Lord Vankir (2016) *Kommentariy: pervaya investitsiya Fonda Shelkovogo puti delayet slova Kitaya prakticheskimi* [Commentary: Silk Road Fund's 1st investment makes China's words into practice] // english.gov.cn. Retrieved 2016-07-15.
- Yermukhanov Marat (2016) *Otnosheniya Kitaya s Kazakhstanom sogrevayutsya, no s kakoy tsel'yu?* [China's relations with Kazakhstan are warming, but to what end?/] // http://en.tengrinews.kz/politics_sub/Kazakhstans-Majilis-and-Chinas-NPCSC-sign-a-Memorandum-on-understanding-23331/
- Bihey Malind (2017) *Zakonodatel' dolzhny ostanovit' CY Leung ot rasshireniya vlasti pravitel'stva* [Lawmakers should stop CY Leung from expanding gov't power] // <https://www.hongkongfp.com/2017/04/06/govt-confirms-cy-leung-aide-power-recommend-appointments-official-bodies/>
- David Konrad (2016) *Zabluditsya v «Odin poyas, odin put'»* [Getting lost in 'One Belt, One Road'] // <http://www.ejinsight.com/20160412-getting-lost-one-belt-one-road/>
- Mishel Dan (2016) *Nashi bul'dozery, nashi pravila* [Our bulldozers, our rules], *The Economist*, 2 July 2016, pp. 10–22.
- Caline Frighn (2016) *Adres politiki 2016: slishkom makro, v to vremya kak slishkom mikro* [2016 Policy Address: too macro while too micro]. *EJ Insight*. vol. 3, no 2, pp. 34–45.

Victoriya Lemon (2018) *Odin poyas, odin put'* [One Belt, One Road]. EJ Insight, vol. 4, no 6, pp. 67–75.

Frauh Golbriht (2018) *Shri-Lanka podderzhivayet initsiativu Kitaya po morskomu shelkovomu puti 21-go veka* [Sri Lanka Supports China's Initiative of a 21st Century Maritime Silk Route] // <http://www.ejinsight.com/20160412-getting-lost-one-belt-one-road/>

Tian Jinchun (2018) *Odin poyas i odin put': svyaz' Kitaya s mirom* [‘One Belt and One Road’: Connecting China and the world] // <http://www.mckinsey.com/industries/capital-projects-and-infrastructure/our-insights/one-belt-and-one-road-connecting-china-and-the-world>

Heo Lu (2018) *Kratkoye vvedeniye v otnosheniya mezhdru Kitayem i Kazakhstanom* [Brief introduction to relations between China and Kazakhstan] // http://news.xinhuanet.com/english/2018-05/21/content_879991.htm

Santy Prodo (2018) *Strategiya Kitaya v Tsentral'noy Azii: na primere Kazakhstana* [China's Strategy in Central Asia: The Case of Kazakhstan] // <https://prezi.com/4p5go6rj9saa/chinas-strategy-in-central-asia-the-case-of-kazakhstan/>

References

Baike Baidu (2017) «Baidu: odin po poyas odin put'» ["Baidu: One Belt One Road"] // baike.baidu.com. Retrieved 2017-02-04.

Bihey Malind (2017) «Zakonodatel'i dolzhny ustanovit' CY Leung ot rasshireniya vlasti pravitel'stva» ["Lawmakers should stop CY Leung from expanding govt power"] // <https://www.hongkongfp.com/2017/04/06/govt-confirms-cy-leung-aide-power-recommend-appointments-official-bodies/>

Caline Frightn (2016) «Adres politiki 2016: slishkom makro, v to vremya kak slishkom mikro» ["2016 Policy Address: too macro while too micro"]. EJ Insight. vol. 3, no 2, pp. 34–45.

David Konrad (2016) «Zabluditsya v «Odin poyas, odin put'»» [«Getting lost in ‘One Belt, One Road’»] // <http://www.ejinsight.com/20160412-getting-lost-one-belt-one-road/>

Dune Ravie «Odin poyas, odin put' poluchayet rekordnyye 48 upominaniy v politicheskom obrashchenii» ["One Belt, One Road gets record-breaking 48 mentions in policy address"]. South China Morning Post. 13 January 2016, pp. 7–16.

Frauh Golbriht (2016) «Shri-Lanka podderzhivayet initsiativu Kitaya po morskomu shelkovomu puti 21-go veka» ["Sri Lanka Supports China's Initiative of a 21st Century Maritime Silk Route"] // <http://www.ejinsight.com/20160412-getting-lost-one-belt-one-road/>

Heo Lu (2016) «Kratkoye vvedeniye v otnosheniya mezhdru Kitayem i Kazakhstanom» ["Brief introduction to relations between China and Kazakhstan"] // http://news.xinhuanet.com/english/2016-05/21/content_879991.htm

Jeo Stuart (2016) «Razmyshleniya o morskoy partnerstve: stroitel'stvo morskogo shelkovogo puti 21-go veka» ["Reflections on Maritime Partnership: Building the 21st Century Maritime Silk Road"]. Hong Kong Economic Journal. 15 January 2016, pp. 6–14.

Jeremy Page (2015) «Kitay vneset 40 milliardov dollarov v Fond Shelkovogo puti» ["China to Contribute \$40 Billion to Silk Road Fund"]. Xinhua Finance Agency. Retrieved 2016-04-13.

Kalord Tyisman (2016) «TVMost, chtoby osvetit' gosudarstvennyye SMI: vy razbivayete nam serdtse, no spasibo» ["TVMost to livid state media: You break our heart but thanks"]. Hong Kong Economic Journal. 15 January 2016, pp. 45–67.

Lord Vankir (2016) «Kommentariy: pervaya investitsiya Fonda Shelkovogo puti delayet slova Kitaya prakticheskim» ["Commentary: Silk Road Fund's 1st investment makes China's words into practice"] // english.gov.cn. Retrieved 2016-07-15.

Marat Yermukhanov (2016) «Otnosheniya Kitaya s Kazakhstanom sogrevayutsya, no s kakoy tsel'yu?» ["China's relations with Kazakhstan are warming, but to what end?"] // http://en.tengrinews.kz/politics_sub/Kazakhstans-Majilis-and-Chinas-NPCSC-signa-Memorandum-on-understanding-23331/

Micle Vernier (2016) «Si v prizyve k stroitel'stvu novogo «morskogo shelkovogo puti»» ["Xi in call for building of new 'maritime silk road'"] // chinadaily.com.cn. Retrieved 2017-01-20

Millward, James A. (2007), *Yevraziyskiy perekrestok: istoriya Sin'tszyana* [Eurasian crossroads: a history of Xinjiang], Columbia University Press, pp. 45–47, ISBN 0231139241

Mishel Dan (2016) «Nashi bul'dozery, nashi pravila» [«Our bulldozers, our rules»], The Economist, 2 July 2016, pp. 10–22.

Pala, Christopher (2016). «Kitay platit za Kazakhstanskuyu neft'» ["China Pays Dearly For Kazakhstan Oil"]. New York Times. Retrieved 2016-10-10, pp. 14–27.

Santy Prodo (2016) «Strategiya Kitaya v Tsentral'noy Azii: na primere Kazakhstana» [China's Strategy in Central Asia: The Case of Kazakhstan] // <https://prezi.com/4p5go6rj9saa/chinas-strategy-in-central-asia-the-case-of-kazakhstan/>

Shannon Tiezzi (2016). *Kitay sh'yet «Morskoy shelkovyy put'» v Yuzhnoy, Yugo-Vostochnoy Azii* ["China Pushes 'Maritime Silk Road' in South, Southeast Asia"]. The Diplomat. 27 June 2016, pp. 23–36.

Tian Jinchun (2016) «Odin poyas i odin put': svyaz' Kitaya s mirom» [‘One Belt and One Road’: Connecting China and the world] // <http://www.mckinsey.com/industries/capital-projects-and-infrastructure/our-insights/one-belt-and-one-road-connecting-china-and-the-world>

Victoriya Lemon (2016) «Odin poyas, odin put'» ["One Belt, One Road"]. EJ Insight, vol. 4, no 6, pp. 67–75.

4-бөлім
**МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ БІЛІМ
МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Section 4
**CULTURAL AND
EDUCATIONAL ISSUES**

Раздел 4
**ВОПРОСЫ
КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ**

Мустафаева Т.

докторант PhD, старший научный сотрудник, Институт права и прав человека,
Азербайджан, г. Баку, e-mail: yagubovatarana@gmail.com

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современный период глобализации характеризуется взаимосвязью народов и культур и расширением культурной интеграции. Использование достижений НТР в этот период служит основным фактором сближения культур и в то же время формирования стандартных культурных ценностей. В таких условиях существует угроза национально-культурным ценностям. Многие исследователи убеждены, что национальные культурные ценности никогда не могут быть полностью утрачены, даже если они подвергаются воздействию модернизации. Однако исторический опыт также доказывает, что многие национальные культуры исчезли, подверглись ассимиляции. В таких условиях растет потребность в сохранении национальных культур с участием государства.

Ключевые слова: глобализация, глобальные процессы, культурное наследие, национально-культурные ценности, межкультурный диалог.

Mustafayeva T.

PhD student in Political Science, senior researcher, Institute on Law and Human Rights,
Azerbaijan, Baku, e-mail: yagubovatarana@gmail.com

The process of globalization and cultural heritage issues

The period of modern globalization is characterized by the interconnection of peoples and nations, as well as the expansion of cultural integration. The use of the scientific and technological progress acts as a major factor for the rapprochement of cultures and at the same time, creating common cultural values. Under such conditions, the existence of national cultural values feels threatened, and the long-standing cultural values have the possibility to change their essence. Many researchers believe that national cultural values can never be completely eliminated, even if they are exposed to the effects of modernization. However, historical experience proves that there are several national cultures which disappeared and many of them are exposed to assimilation. In this case, there is a need for the progressive increase of state intervention in the preservation of national cultures.

Key words: globalization, global processes, cultural heritage, national and cultural values, intercultural dialogue

Мұстафаева Т.

PhD докторанты, аға ғылыми қызметкер, Құқық және адам құқықтары институты,
Әзірбайжан, Баку қ., e-mail: yagubovatarana@gmail.com

Жаһандану үрдісіндегі мәдени мұра мәселесі

Жаһанданудың заманауи кезеңін халықтар мен мәдениеттердің өзара қарым-қатынас аясының кеңеюі, мәдени бірігу уақыты деп сипаттауға болады. Ғылыми-техникалық даму жетістіктерін пайдалану мәдениеттерді жақындатудың және сонымен бірге стандартты мәдени құндылықтарды қалыптастырудың негізгі факторы болып табылады. Мұндай жағдайларда мәдени құндылықтардың сақталуына қауіп төніп, мәдени құндылықтар мәнінің өзгеруі ықтимал екенін айта кеткен жөн. Көптеген зерттеушілердің айтуы бойынша, ұлттық-мәдени құндылықтар жаһанданудың әсеріне қаншалықты қатты ұшыраса да, олар ешқашан түбегейлі жоғалып кетпейді.

Алайда тарихи тәжірибе көрсеткендей, бірқатар ұлттық мәдениеттер толығымен жойылып, ассимиляцияға ұшырады. Мұндай жағдайларда мемлекеттің араласуымен ұлттық мәдениеттерді сақтап қалуына деген мұқтаждық күшейе түседі.

Түйін сөздер: жаһандану, жаһандық үдерістер, мәдени мұра, ұлттық және мәдени құндылықтар, мәдениетаралық үнқатысу.

Введение

Современная эпоха глобализации характеризуется как период расширения взаимного общения народов и культур, культурной интеграции. Сегодня процесс глобализации охватывает все стороны общества. Воздействие глобализации на национальные культуры и традиции создает угрозы для защиты национальной самобытности. В эпоху глобализации слишком важным является вопрос защиты культурного разнообразия, являющегося источником инноваций и развития.

В настоящее время мы сталкиваемся с двумя тенденциями в обществе, которые также противоречивы. С одной стороны, – глобализация, а с другой – проблема охраны культурного наследия. Таким образом, глобализация создает возможности для взаимного обогащения культур. В то же время существует угроза глобальной культурной самобытности и начинает развиваться общую культуру для всех народов мира.

Проблема сохранения культурного наследия, которая является актуальной во время глобализации, в последние годы активизировалась и проникла в разные сферы человеческой жизни. Использование достижений научно-технического прогресса является основным фактором сближения культур и в то же время формирования стандартных культурных ценностей. Отмечают, что в таких условиях возникает угроза существованию культурных ценностей, вероятность изменения сущности культурных ценностей. Многие исследователи убеждены, что сколько бы ни подвергались национально-культурные ценности влиянию модернизации, они никогда не могут быть потеряны совсем. Однако, исторический опыт доказывает, что ряд национальных культур исчез полностью, подвергнут ассимиляции. В таких условиях повышается потребность сохранения национальных культур путем вмешательства государства.

Известный американский социолог и политолог Самуэль Хантингтон отмечает, что «в мире после холодной войны самые важные различия между народами – не идеологические, политические или экономические, а культур-

ные» (Самуэль 1973: 27). Культура – это совокупность изученных, социально передаваемых обычаев, знаний, материальных объектов и поведения. Он включает в себя идеи, ценности, обычаи и артефакты группы людей (Шефер, 2002).

Так, современные глобальные проблемы, широко распространенные со второй половины XX века, в XXI веке оказывают радикальное влияние на социально-экономическое, политическое, этнокультурное и географическое развитие цивилизации. «То, что национальные институты разных государств стали более идентичными, означает, что в основе различий теперь будут лежать другие факторы, такие, например, как культура. В международном плане это приведет к переделу власти на планете, но уже не по политической модели, а по уровню культуры» (Фукуяма 1992).

Процесс современной глобализации охватывает все аспекты жизни общества и характеризуется расширением обмена научной, экономической, политической, лично-бытовой, социально-культурной и иной информацией.

Глобализация культурного наследия имеет некоторые негативные и позитивные последствия в некоторые области. Взаимодействие между границами приводят к смешению культур, в разных сферах по-разному происходят культурные потоки, интеграция и распространение идей провоцируют реакцию и конкуренцию (Лехнер, 2002).

Аканде понимает больше этого негативное влияние, когда он сказал, запад сделал усилия по подрыву культурного наследия различных народов во всем мире через колонизацию, империализм и теперь глобализация (Аканде, 2002).

Отрицательные особенности глобализации, в первую очередь, связаны с углублением неравенства стран и народов, навязыванием другим народам идеи существования доминирующих культур. Основными аспектами политики «гегемонии и империализма» в областях, анализирующих процесс глобализации как «американизации»:

1. Привлечь западный образ жизни и ориентацию спроса на другие культуры.

2. Пропаганда западной культуры как универсального, представительного примера, равнодушного отношения к другим цивилизациям.

3. Стремление к достижению политических целей посредством культурных отношений.

4. Односторонняя информация: поток от центра к периферии, поток с Запада на Восток.

5. Формирование прозападной социокультурной элиты и ее использование в качестве основы для импульса и бездумности Запада.

В результате глобализации погибает идея мультикультурализма, происходит процесс навязывания единой культуры другим народам. Иначе говоря, расширяется сфера влияния американской массовой культуры. Для стирания различий между культурами используются телевидение, кино, музыка, интернет-ресурсы (2011: 405).

Можем также отметить, что культурная глобализация в XXI веке изменила локально развивающуюся до конца XX века парадигму мирового сообщества, а затем региональные культурно-цивилизационные системы. До настоящего времени сосуществование этносов было самостоятельным, взаимодействие между культурами было не таким уж сильно ощутимым. Современная глобализация привела к возникновению диалога в общепланетарном масштабе, охватив все новые государства и народы. Культурный диалог гарантирует гармоничные отношения между индивидуальным и общественным покоем в разнообразном и едином мире. Суть данного процесса раскрывается происходящей на примере США парадигмой «E Pluribus Unum» – «Из многих – единое». Глобализация формирует монополярное или однополярное культурное пространство, где общая информационная сеть формирует правила мышления, поведения. При культурной глобализации происходит рост значимости информации, виртуальные связи, профессиональная и социальная мобильность, склонность к личным достижениям, к самореализации, моральная и политическая свобода, доминирование универсального над локальным (люди являются членами мирового сообщества), универсальная языковая парадигма, непривычное планирование жизни, уход от любой идентичности (самоопределения), отдаление от нравственной, этнокультурной ответственности. Современное культурное пространство отталкивает на задний план фундаментальные ценности человечества – моральные, религиозные и этнические регуляторы. Наука, технократизм в глобализованном мире выходит на передний

план, так как в современном обществе требуется наибольшее число специалистов из технической сферы (Корытина 2016: 384, 386).

Таким образом, научно-технический прогресс, достигнутый на современном этапе, с одной стороны, направлен на повышение уровня жизни, благоденствия людей, а с другой стороны, открытие разных средств коммуникации обуславливает модернизацию национально-культурных ценностей или формирование новых общих культурных ценностей, массовой культуры, постепенное стирание национальной идентичности.

Кризис национальной идентичности на современном этапе, в первую очередь, обусловлен открытостью государственных и культурных границ. При этом, человек, с одной стороны, получает возможность беспрепятственно и легко освоить культурные ценности и нормы других социумов, а с другой стороны, под воздействием глобализации эти особенности упрощаются посредством знаний и навыков, становятся более общими. Национально-культурная идентичность обусловлена с осознанием человека его принадлежности к той или иной национальной культуре. В условиях же постиндустриальной глобализации национально-культурная идентичность под воздействием внутреннего конфликта и массовой глобальной культуры приводит к потере национального самосознания и в конце – формированию далекого от национальной привязанности и национальной идентичности человека (Куруленко, 2015: 231 – 233).

По мнению ряда авторов, национальная идентичность обладает высокими свойствами регулирования и не ожидается серьезное расширение особенностей культурного сходства этносов в будущем. Влияние глобализации не в силах устранить самостоятельность этносов. Попытка сохранения культурной своеобразности, с одной стороны, становится самым действенным средством противодействия глобализации, но с другой стороны, борьба за сохранение собственных национальных особенностей иногда проявляется в резкой форме, в виде террористических выпадов. Для предотвращения терроризма мировое сообщество стремится повысить культурный уровень в развивающихся странах и самых отсталых регионах (Косов, 1995).

Данный процесс, в самом деле, направлен на экспорт стандартной культуры в бедные страны и устранение национально-культурной идентичности и формирование граждан – космополитов. Так, государства, занятые «повышением

культурного уровня» в этих регионах, реализуют определенные проекты развития без учета сохранения национальной культуры местных народов, и эта деятельность во многих случаях приводит к сопротивлению местного населения, уничтожению культурных и социальных достижений вместо созидания.

Как подчеркивает С.А. Ахадова: «В мире не существует культуры в стороне от своих национальных корней и колорита. В то же время невозможно представить развитие национальных культур изолированно от всемирных процессов. В этом смысле, нельзя считать случайным взаимодействие национальных культур, межкультурный диалог, связь национальных и общечеловеческих ценностей, становление проблем культуры и цивилизации, мультикультурализма в последние годы» (Ахадова, 2104:4).

Как отмечает сам автор, основной причиной актуальности проблемы сохранения национальных культур является кризис, с которым столкнулась всеобщая культура. Известно, что любая национальная культура существует и развивается в рамках всеобщих культурных ценностей, всемирной культуры. В этом смысле, кризис общих культурных ценностей связан с достижениями научно-технического прогресса, и растет угроза потери своей актуальности в условиях распространения массовой культуры.

Как отмечает Н. Аббасов: «В последнее десятилетие XX века и в начале XXI века процесс глобализации культуры развивался быстрыми темпами. Культурная диффузия, точнее сказать, спонтанный или неконтролируемый характер усвоения культурных ценностей обладает как позитивными, так и негативными аспектами. С одной стороны, оно позволяет народам вступить в контакт друг с другом и ближе узнать друг друга. Общение и знакомство содействовали сближению народов. С другой стороны, излишне активное общение и усвоение являются прямой угрозой потери культурной оригинальности. Распространение одинаковых культурных образцов во всем мире, открытие границ для культурного влияния и расширение культурного общения заставили ученых говорить о процессе глобализации современной культуры» (Аббасов, 2009 :20).

Как было отмечено выше, культурная глобализация приводит к расширению таких проблем, как массовое сознание, массовое мышление, массовый разум, массовые ценности и т.д., к потере национальности и собственного, национального «я». А это является прямой угрозой для

суверенитета, а если взять шире, для существования государств. Так, для личности, которая уже не гордится своим национальным «я», теряют свою суть такие понятия, как национальное государство, народ, он становится «гражданином мира», лишившись чувства патриотизма. В этом смысле, как отмечает Ф. Мамедов, «культура есть неиссякаемый источник развития человека, общества и государства. Это является основой независимости и стабильности, источником благосостояния и качества жизни народа, условием конкурентоспособности и безопасности государства» (Мамедов 2016:6). Таким образом, культура, национально-культурные ценности – один из основных факторов самосохранения народа – также выступают в качестве основы культурной политики и безопасности.

Д. Адамс и А. Голдбард отмечают, что культурная политика охватывает направления сохранения культурного наследия, распространения культурной продукции, творчества, исследования, кадровой подготовки, образования. Авторы выделяют три вида действий, необходимых для формирования осознанной культурной политики:

- 1) определение культурных ценностей, целей и приоритетов;
- 2) программы инициатив и расходов, соответствующие этим целям, которые и воспринимаются собственно, как формирование культурной политики;
- 3) мониторинг политики – процесс, позволяющий оценить культурное влияние каждого социального действия в свете установленных стандартов, которые и являются средством достижения установленной культурной политики (Адамс и Голдбард, 1995).

Развитие мультикультуральных идей, толерантности в обществе является важным шагом в направлении предотвращения возможных национальных и культурных конфликтов. В определенном смысле мультикультурализм можно рассматривать как идеологическую основу диалога культур. Сохранение культурного наследия и в то же время интеграция в мировую культуру порождает необходимость развития культурного диалога. Как отмечает Н. Мамедли: «Идеология мультикультурализма есть совокупность идей и нормативных идеалов, предполагающих сбалансирование прав меньшинств с общенациональными интересами и общественными благами» (Мамедов, 2016: 22).

В этом смысле, одной из самых важных особенностей эпохи является нарастающий интерес

к проблеме нравственности и культуры, человеческого феномену. Невероятное ускорение ритма развития окружающей нас действительности, коренные изменения национально-ценностных ориентаций людей в связи с процессом глобального развития и интеграции также является одним из жизненно важных вопросов. Наряду с тем, что определение сути происходящих событий и тенденций развития происходит в рамках процессов в глобальных пределах, но оно также вызывает такие естественные «реакции», как чувство тревоги за будущее «национальной участи» каждого народа, населяющего сегодняшний мир (Асланова, 2007:258).

Также можем подчеркнуть и то, что сегодня в мире существует много народов и разных культур. Известно также и то, что создавать условия для сохранения и развития культуры каждого народа очень сложный вопрос. Это – проблема, тесно связанная с рядом политических и экономических процессов. Известно, что однополярная, а в дальнейшем многополярная модели развития мира оказывают в той или иной степени существенное влияние на национальные культуры отдельных народов.

Так, Н. Гасымова отмечает, что «в условиях глобализации человек постоянно находится на рубеже большого количества культур». Известно и то, что «общество способно развиваться только на основе сохранения составляющих его этносов, сохранения их языков и культур, на основе их взаимодействия и прогресса». В этом смысле «Культурный плюрализм и диалог являются актуальной для современного общества» проблемой и «мультикультурализм является идеальным ответом на все вызовы глобального мира» (Гасымова, 2017).

Следует отметить, что основная проблема современной культуры обусловлена взаимной нетерпимостью людей друг к другу, к другим культурам, отсутствием желания понять и принять другую сторону. Метод диалога показывает пути устранения общественных изменений мирным путем и выживания человечества после социальных кризисов с помощью таких средств, как взаимопонимание, уважение и терпимость, открывает возможность для каждого человека видеть себя наравне с другими, сохранить свою самостоятельность и автономию. Видные ученые Бахтин и Розеншток-Хьюсси ставят вопрос: «Можем ли мы познать и реализовать самого себя, как единое мировое сообщество, способное говорить на общечеловеческом языке не в утопическом сообществе, а в сообществе хроно-

топических, творческих, активных и динамических различий (Розеншток – Хьюсси, 1970: 11-16). Понять и реализовать данный глобальный вопрос поможет «философия диалога» и «диалог ведение» (Бахтин, 1979: 106).

Развитие культуры диалога в обществе может стать основой взаимоуважения и сосуществования между доминантной и национальными культурами. Прививаемая личности культура диалога составляет суть межкультурного диалога, который предоставляет возможность мирного сосуществования в обществе и мире в целом.

Именно в этом смысле культурный диалог, развивающийся на основе взаимоуважения национальных меньшинств, стал насущным фактором современной эпохи. Еще в начале 2001 г. ООН приняла декларацию по становлению диалога культур в одну из ключевых стратегий современных международных отношений. Развитие взаимоотношений между народами опирается на принципы межкультурного сотрудничества, взаимного уважения культурных особенностей, терпимости и устранения культурных ограничений (2011:122 – 125).

Следует также отметить и то, что культурный диалог – это не беспрекословное, покорное соглашение, а разумный подход сближению, совместному развитию народов и культур. Здесь стороны приходят к общему согласию, проявляя уважение к их правам и свободам. Как отмечает ряд исследователей, «необходимо построить равноправный конструктивный диалог между Западом и Востоком, в процессе которого стороны должны попытаться понять друг друга, а не обратить другую сторону в свою веру. В этом контексте между сообществами необходимо «построить мосты», создать условия для диалога, чтобы существующие в мире различия сильно не бросались в глаза» (Мамедли, 2011:53).

Заключение

Необходимость интеграции в мировую культуру возникла как требование информационной революции. Ибо информация, передаваемая как виртуально, так и через людей, вызвала изменение сформировавшихся веками обычаев и традиций, менталитета, оказав непосредственное влияние на мировоззрение людей, на их образ жизни, поведение, способности строить отношения с другими людьми. Страны, признающие устойчивое развитие человека своим приоритетом, столкнулись с необходимостью учитывать происходящие в мире культурные изменения,

хотя бы частично принять стандартную поведенческую культуру и общие стандарты развития, интегрировать в мировую культуру. В то же время правительства стремятся проводить сбалансированную культурную политику для того, чтобы не ограничивать приобщение граждан страны к культурным взаимоотношениям, чтобы национальная культура не подвергалась ассимиляции со стороны массовой культуры, стандартных образцов.

Сегодняшние общества сами по себе являются мультикультурными, охватывают множество различных способов образа жизни. Большинство стран сформировано более чем одной культурой, вызванной глобализацией. И глобализация предполагает, что культуры становятся одинаковыми как мир. Технология ускорила наше культурное наследие. Поэтому отклонение передовых информационных технологий или глобализаций не являются решением для преодоления его эффектов. Единственным средством обеспечения культурной стабильности является то, что правительства должны воссоздавать ценности посредством использования библиотек, средств массовой информации и передовых информационных технологий для противодействия негативным изменениям, которые возникают сегодня.

Следующие рекомендации сделаны для эффективного культурного сохранения в глобальной мировой среде:

– Существует необходимость в правовой защите.

– Необходимо, чтобы правительство возродило традиционные и народные формы народного выражения.

– Правительству следует включить программы, касающиеся традиционных культур, наследия и фольклора в образовании учебных программ на всех уровнях; разработать законодательство традиционной культуры, музея наследия, архивов и библиотеки; обеспечить обучение использованию ИКТ для документирования, оцифровки и сохранения культурных наследий; необходимо провести семинары или техническую помощь для обучения руководителей в области традиционной культуры и наследия.

– Сохранение и распространение выражений нематериального культурного наследия должны быть важными компонентами библиотечной профессии.

Сегодня главная задача состоит в следующем:

1) долгосрочная стратегическая программа для обоснования национальной политики в области охраны и использования культурного и природного наследия;

2) проект закона о мерах государственной поддержки охраны культурного наследия и управления наследием;

3) приоритетный список ценных предметов культурного, исторического и природного наследия под угрозой.

Литература

- Abbasov N. (2009) Mədəniyyət siyasəti və mədəni dəyərlər [Cultural policy and moral values] Bakı, Təknur nəşriyyatı, 444 səh.
- Adams D. and Goldbard A. (1995) Basic Concepts: Modes and Means of Cultural Policy-Making
- Akande, Wole (2002) Drawback of cultural globalization. <http://www.org/globali>.
- Aslanova R.N. (2007) XXI əsr: Yeni mədəniyyət məkanına inteqrasiya [XXI century: Integration into the new cultural space] Bakı, Nurlan nəşriyyatı, 440 səh.
- Əhədova S.A. (2014) Müasir dünyada mədəniyyətlər- arası münasibətlər [Intercultural relations in the modern world] Bakı, Elm nəşriyyatı, 348 səh
<http://aps-m.org/wp-content/uploads/2017/03/The-End-of-History-and-the-Last-Man-Francis-Fukuyama-1992.pdf>
- Lechner, Frank (2002) Globalization in a multi-ethnic state. <http://www.sociology.emo.edu/globalization/issues05.html>.
- Məmmədli N. (2016) Multikulturalizm. Panaseya yoxsa alternative [Multiculturalism. A panacea or an alternative] Bakı, s.22
- Məmmədov F.T.(2016) Kulturologiya, Mədəniyyət, Sivilizasiya [Culturology, Culture, Civilization] Bakı, OL MMC, 260 səh.
- Rosenschtok-Hussy E. (1970) Speech and Reality. Norwich, pp. 11-16
- Samuel P. Huntington (1973) The Clash of Civilizations? Foreign Affairs, Vol. 72, No. 3 pp. 22–49,
- Schaefer, R.T. (2002) Sociology: A brief introduction. Boston: McGraw Hill, 4th ed.
- Бахтин М.М. (1979) Автор и герой в эстетической деятельности [Author and hero in aesthetic activity]. – М.: Искусство, С. 7-180.
- Беларуская культура ва ўмовах глабалізацыі: матэрыялы навуковай канферэнцыі /Бел. гос. ун-т культуры і мастацтваў. Т. I. Мінск, 2011. с.405
- Гасымова Н.В. (2017) Мультикультурализм и толерантность как глобальный диалог в современном мире // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. No 7(37). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5010>

Глобальные проблемы человечества и перспективы их решения с точки зрения современной науки Стерлитамак (1997) <http://www.allbest.ru/referat>.

Корыгина М.А. (2016) Культурная глобализация: феномен, сущность, противоречия процесса [Cultural Globalization: phenomenon, tendency, anti-inflammatory process] // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. 16. Философия. Психология. Педагогика. Т. 16, вып. 4, с. 384

Куруленко Э.А., Нефёдова Д.Н. (2015) Национально-культурная идентичность в условиях глобализирующейся реальности [National-Cultural Identity in Globalization Realities] / Самарский государственный институт культуры. с.231-233

Легчилин А.А. (2016) Диалог культур в контексте глобализирующегося мира [Dialogue of culture in the context of the globalizing world] Диалог культур в эпоху глобальных рисков: материалы междунар. науч. конф. и X науч.-теорет. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск/ науч.-ред. совет: А. В. Данильченко [и др.]. – Минск: РИВШ, 236 с.

Современная глобалистика об угрозе смерти человечества. Тексты / Косов Ю.В. // Современная глобалистика об угрозе смерти человечества (в альманахе «Фигуры Танатоса №5») Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск. – СПб., 1995 (web – кафедра философской антропологии)

References

Abbasov N. (2009) Mədəniyyət siyasəti və mənəvi dəyərlər [Cultural policy and moral values] Bakı, Təknur nəşriyyatı, 444 səh.

Adams D. and Goldbard A. (1995) Basic Concepts: Modes and Means of Cultural Policy-Making

Akande, Wole (2002) Drawback of cultural globalization. <http://www.org/globali>.

Aslanova R.N. (2007) XXI əsr: Yeni mədəniyyət məkanına inteqrasiya [XXI century: Integration into the new cultural space] Bakı, Nurlan nəşriyyatı, 440 səh.

Əhədova S.A. (2014) Müasir dünyada mədəniyyətlər- arası münasibətlər [Intercultural relations in the modern world] Bakı, Elm nəşriyyatı, 348 səh

<http://aps-m.org/wp-content/uploads/2017/03/The-End-of-History-and-the-Last-Man-Francis-Fukuyama-1992.pdf>

Lechner, Frank (2002) Globalization in a multi-ethnic state. <http://www.sociology.emo.edu/globalization/issues05.html>.

Məmmədli N. (2016) Multikulturalizm. Panaseya yoxsa alternative [Multiculturalism. A panacea or an alternative] Bakı, s.22

Məmmədov F.T.(2016) Kulturologiya, Mədəniyyət, Sivilizasiya [Culturology, Culture, Civilization] Bakı, OL MMC, 260 səh.

Rosenschok-Hussy E. (1970) Speech and Reality. Norwich, pp. 11-16

Samuel P. Huntington (1973) The Clash of Civilizations? Foreign Affairs, Vol. 72, No. 3 pp. 22–49,

Schaefer, R.T. (2002) Sociology: A brief introduction. Boston: McGraw Hill, 4th ed.

Bakhtin M.M. (1979) Author and hero in aesthetic activity [Author and hero in aesthetic activity], M.: Arts, cc.7-180

Belarusian culture in the Umovah glabalizatsi: materinyaly navukovy kanferentsy / Bel. state University of Culture and Arts. T.I. Minsk, 2011. c.405

Gasymova N.V. (2017) Multiculturalism and tolerance as a global dialogue in the modern world // Universum: Social Sciences: electron. scientific journals No 7 (37). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5010>

Global problems of mankind and prospects for their solution from the point of view of modern science Sterlitamak (1997) <http://www.allbest.ru/referat>.

Korytina M.A. (2016) Cultural globalization: phenomenon, essence, contradictions of the process [Cultural Globalization: phenomenon, tendency, anti-inflammatory process] Izv. Sarat. un-that. New sir Ser. 16. Philosophy. Psychology. Pedagogy. V. 16, issue. 4, c. 384

Kurulenko E.A., Nefedova D.N. (2015) National Cultural Identity in the Context of a Globalizing Reality [National-Cultural Identity in Globalization Realities] Samara State Institute of Culture. p.231-233

Legchilin A.A. (2016) Dialogue of cultures in the context of a globalizing world [Dialogue of culture in the era of global risks: materials of the international. scientific conf. and X scientific theor. of the seminar «Innovative strategies in modern social philosophy», Minsk / scientific-ed. Council: A.V. Danilchenko [and others]. – Minsk: RIVSH, 236 p.

Modern global studies on the threat of death of mankind. Texts // Kosov Yu.V. // Modern global studies on the threat of death of mankind (in the almanac «Thanatos Figures No. 5») Thanatos Figures. Philosophical almanac. Fifth special edition. SPb., 1995 (web – department of philosophical anthropology)

Smagulova A.¹, Bakitov A.², Matkerimova R.³

¹Candidate of philological sciences, associate professor, e-mail: smagulova.aigerm@kaznu.kz

²Candidate of philological sciences, associate professor, e-mail: bakitov77aitkali@mail.ru

³M.A., e-mail: raushan 203@mail.ru

Chair of Diplomatic translations, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

**THE CONCEPT OF COMMUNICATIVE QUALIFICATIONS
AND ITS BASIC COMPONENTS**

This article examines such concepts as «communication», «intercultural communication», «communicative competence» and a review of the definition and opinion of famous linguists. Also in this article, a comparative analysis of the linguistic and cultural characteristics of communication in Kazakh and French languages communicative competence. Learning a foreign language is, from both a linguistic and a communicative view, a matter of mastering «competence» and «performance». Chomsky`s view of what it means to know a language is reflected in his distinction between linguistic competence and linguistic performance. In Aspects of the Chomsky writes: Linguistic theory is concerned primarily with an ideal speaker listener, in a completely homogeneous speech community, who knows its language perfectly and is unaffected by such grammatically irrelevant conditions as memory limitations, distractions, shifts of attention and interest, and errors (random or characteristic) in applying his knowledge of the language in actual performance. Communicative competence is a term in linguistics which refers to a language user`s grammatical knowledge of syntax, morphology, phonology and the like, as well as social knowledge about how and when to use utterances appropriately. The term was coined by Dell Hymes in 1966, reacting against the perceived inadequacy of Noam Chomsky`s (1965) distinction between linguistic competence and performance. To address Chomsky`s abstract notion of competence, Hymes undertook ethnographic exploration of communicative competence that included «communicative form and function in integral relation to each other». The approach pioneered by Hymes is now known as the ethnography of communication. All the popular concepts of communication today were presented by representatives of the American school of Palo Alto, which included researchers from various fields of science of the sixties: psychiatrists Vatrlaus, Jackson and anthropologists Batson, Buduysman, E. Goffman, I. Vinkin. Also, according to scientists, relationships imply verbal and non-verbal activities.

Key words: communication, intercultural communication, communicative competence, linguistic, discursive, pragmatic (practical), sociolinguistic, strategic competence.

Смагулова А.¹ Бакитов А.², Маткеримова Р.³

¹филология ғылымдарының кандидаты, доцент м.а., e-mail: smagulova.aigerm@kaznu.kz

²филология ғылымдарының кандидаты, доцент м.а., e-mail: bakitov77aitkali@mail.ru

³экономика м.а., аға оқытушы, e-mail: raushan 203@mail.ru

дипломатиялық аударма кафедрасы, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ.

**Коммуникативтік біліктілік ұғымы және
оның негізгі құрамдас бөліктері**

Бұл мақалада «қарым-қатынас», «мәдениетаралық қарым-қатынас», «коммуникативтік біліктілік» секілді ұғымдарға белгілі тіл мамандарының берген анықтамалары мен ойтұжырымдарына шолу жасалып, қазақ және француз тілдеріндегі қарым-қатынас барысындағы тілдік және ұлттық мәдени ерекшеліктер салыстырмалы түрде зерттеледі және коммуникативтік біліктіліктің құрамдас бөліктеріне сараптама жасалады. «Қарым-қатынас» дүниежүзінің барша халқына ортақ сөз және ол латынның «communis», яғни «жалпылама істеймін, байланыстырамын, қарым-қатынаста боламын» деген мағынаны білдіретін сөз тіркесінен шыққан. Шет тілін меңгеру

лингвистикалық және коммуникативтік көзқараста, «құзыреттілік» және «орындау» негізгі мәселесі болып табылады. Хомскийдің тіл білу дегені оның тілдік құзыреттілік пен лингвистикалық көрсеткіштер арасындағы айырмашылығынан көрінеді. Хомскийдің аспектілері бойынша: «Қарым-қатынас – адамдар арасында ақпаратты берудің әр алуан әдістері, осы тәсілдердің көмегімен адамдар бір-біріне қатынасын құрып, бір-біріне деген сезімін түсіндіреді» дейді. Коммуникативті құзыреттілік лингвистиканың синтаксисі, морфологиясы, фонологиясы және т.б. сияқты тілдік грамматикалық білімдеріне, сондай-ақ сөздерді қалай және қашан қолдану керектігіне қатысты әлеуметтік білімдерге қатысты айтылған. Мәдениетаралық қарым-қатынас терминінің пайда болуы ХХ ғасырдың жетпісінші жылдары жарық көрген оқулығымен байланысты. 1966 жылы Dell Hymes жылдары негізгі нысанасы екі немесе бірнеше ұлт өкілдерінің қарым-қатынас жасау барысында кездесетін коммуникативтік сәтсіздіктер мен түсініспеушіліктер болып табылатын ізденіс жұмыстары дами бастады. Dell Hymes ұсынған тәсіл этнографиялық байланыс ретінде белгіленді. Қарым-қатынас туралы қазіргі кезде танымал концепциялардың барлығын алпысыншы жылдары құрамына әр түрлі ғылым саласында жұмыс істейтін зерттеушілер: психиатрлар Ватрлауис, Жаксон және антропологтар Батсон, Бирдуисмел, Э. Гофман, И. Винкин кіретін американдық Пало Алто мектебінің өкілдері ұсынған. Ғалымдардың пікірінше, қарым-қатынас вербалдық және вербалдық емес әрекеттерді қамтиды.

Түйін сөздер: қарым-қатынас, мәдениетаралық қарым-қатынас, коммуникативтік біліктілік, лингвистикалық, дискурсивтік, прагматикалық (практикалық), әлеуметтіклингвистикалық, стратегиялық және ой біліктіліктері.

Смагулова А.¹ Баkitов А.², Маткеримова Р.³

¹к.ф.н., и.о. доцента, e-mail: smagulova.aigerm@kaznu.kz

²к.ф.н., и.о. доцента, e-mail: bakitov77aitkali@mail.ru

³М.А., ст. преподаватель, e-mail: raushan 203@mail.ru

кафедра дипломатического перевода, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Концепция коммуникативной квалификации и ее основные компоненты

В настоящей статье рассматриваются такие понятия как «коммуникация», «межкультурная коммуникация», «коммуникативная компетенция» и делается обзор определений и мнений известных лингвистов, также в данной статье проведен сравнительно-сопоставительный анализ лингвистическим и культурным особенностям при коммуникации на казахском и французском языках и составляющим коммуникативной компетенции. Изучение иностранного языка как с лингвистической, так и с коммуникативной точки зрения является вопросом овладения «компетенцией» и «эффективностью». Взгляд Хомского на то, что значит знать язык, отражается в его различии между языковой компетенцией и языковой эффективностью. «Лингвистическая теория в первую очередь относится к идеальному слушателю говорящего, в полностью однородном речевом сообществе, который прекрасно знает свой язык и не подвержен таким грамматически не относящимся к делу условиям, как ограничения памяти, отвлечение внимания, смещение внимания и интерес, и ошибки (случайные или характерные) в применении его знания языка в реальном исполнении. Коммуникативная компетентность – термин в лингвистике, который относится к грамматическим знаниям пользователя языка о синтаксисе, морфологии, фонологии, также к социальным знаниям о том, как и когда правильно использовать высказывания (Хомский П.А.). Термин был введен Dell Hymes в 1966 г., а его подход теперь известен как этнография общения. Все популярные концепции общения были представлены представителями американской школы Пало-Альто, в которую вошли исследователи из разных областей науки: психиатры Ватрлаус, Джексон и антропологи Батсон, Будуйсман, Э. Гоффман, И. Винкин. По утверждениям ученых, отношения подразумевают вербальную и невербальную деятельность.

Ключевые слова: коммуникация, межкультурная коммуникация, коммуникативная компетенция, лингвистическая, дискурсивная, прагматическая (практическая), социолингвистическая, стратегическая компетенции.

Introduction

Since gaining independence, Kazakhstan has become a subject of international relations, inter-state relations and communications have become a new dimension. From this point of view, we believe

that one of the modern requirements of our country is to train highly qualified specialists in the field of inter-state communication, who have a high level of knowledge of foreign languages. Learning a foreign language is, from both a linguistic and a communicative view, a matter of mastering «competence»

and «performance». Chomsky's view of what it means to know a language is reflected in his distinction between linguistic competence and linguistic performance. In *Aspects of the Chomsky* writes: Linguistic theory is concerned primarily with an ideal speaker listener, in a completely homogeneous speech community, who knows its language perfectly and is unaffected by such grammatically irrelevant conditions as memory limitations, distractions, shifts of attention and interest, and errors (random or characteristic) in applying his knowledge of the language in actual performance. (Chomsky, 2017:108).

Methods

Communicative competence is a term in linguistics which refers to a language user's grammatical knowledge of syntax, morphology, phonology and the like, as well as social knowledge about how and when to use utterances appropriately. The term was coined by Dell Hymes in 1966, reacting against the perceived inadequacy of Noam Chomsky's (1965) distinction between *linguistic competence* and *performance*. To address Chomsky's abstract notion of competence, Hymes undertook ethnographic exploration of communicative competence that included «communicative form and function in integral relation to each other». The approach pioneered by Hymes is now known as the ethnography of communication.

The notion of communicative competence is one of the theories that underlies the communicative approach to foreign language teaching. At least three core models exist. The first and most widely used is Canale and Swain's model and the later iteration by Canale. In a second model, sociocultural content is more precisely specified by Celce-Murcia, Dornyei, and Thurrell in 1995. For their part, they saw communicative competence as including linguistic competence, strategic competence, sociocultural competence, actional competence, and discourse competence. A third model widely in use in federal language training in Canada is Bachman and Palmer's model. The understanding of communicative competence has been influenced by the field of pragmatics and the philosophy of language, including work on speech acts.

Discussion

«Communication» is a common word for all the nations of the world, and it comes from a Latin term «*communico*» that means «I do something in general, I associate, communicate».

O.J. Goikhman and T.M. Nadeina give the following definition of «communication»: «Communication is a different form of interaction of people in the process of cognitive labor activity».

S.G. Ter-Minasova says: «Communication is a variety of ways in which people can communicate, using these methods, they build relationships with each other and explain how they feel about each other» (S.G. Ter-Minasova., 2000:146).

The emergence of the term «intercultural communication» is related to the work of L. Samovar and R. Porter, published in the seventies of the twentieth century. In those years, research works, which were the communicative failures and disagreements that were encountered in the interaction of two or more nationalities, began to develop. All popular concepts of communication today were represented by representatives of the American Palo Alto School, which included researchers from various fields of science in the sixties: psychiatrists Vatrlaus, Jacson and anthropologists Batson, Buduisman, E. Goffman, I. Vinkin. According to scientists, the relationship involves verbal and non-verbal activities. The process involves two or more people involved in the process (S.G. Goffman Erving, 2005:230). Participants can be divided into two groups: speaking and listening. The speaker adjusts his / her words and actions to the listener (ie he adapts his / her actions to the listener's age, status, etc.). At the same time, the listener also engages in communication with the speaker. Vinokin explains the relationship: «Communication is not a telegraph or a tennis player, but one person sends a message and the other is not the speaker (sender) after accepting it. Relationships like the orchestra. Communication is a multi-channel system. The communicators are involved in this system every time, like musicians in the orchestra. But there is no conductor in this orchestra. Everyone adapts himself to the listener, his age, his gender, his social role, and his relationship to the listener. (Бергельсон М. Б., 2001:166-181). Interpretation of Intercultural Dialogue By Berghelson gives the following definition: «Intercultural communication – this is a combination of communication, while different actors represent different types of spatial communication and discursive strategies» (Kerbrat-Orecchioni Catherin., 1998:250). In the process of intercultural communication there will be exchange of information between different cultures, representatives of different social and age groups. Intercultural communication can help each other to understand one another in the cultural space that is not familiar to people of different nationalities. There is no question that learning the language

is not only about mastering grammatical rules and words, but also of learning the culture of those who speak the same language. This is because the language is insufficient to communicate effectively with representatives of various nationalities until you know culture.

Certain cultures or people have certain definitions and rituals that they follow in their relationship. It is noteworthy that such rules are not based solely on the behavior and conduct of one person, but on the contrary, each individual applies his or her actions to the general rules of the same culture, that is, every time relations are carried out in accordance with certain customs and rules over. For example, there is a large difference between verbal and non-verbal behaviors and relationships between friends in the relationships between the boss and the person under his control. Thus, social and cultural education plays an important role in communication as well as linguistic education. The linguistic competence is a grammatical rule system that lays the groundwork for the speaker and the listener, makes it possible to convey his own point of view and understand those sentences, and the communicative qualifications are composed of grammar rules and socio-cultural knowledge. Such knowledge helps a person achieve good results in various communicative cultural settings. Communicative qualifications include negotiation rules and ethical standards, that is, greetings, gratitude, praise, making statements in a variety of communicative situations are carried out in a variety of ways (Mauchamp Nelly, *Les Français.*, 194:95). It is well-known that the grammar point of the sentence is not enough. Any word, the sentence is subject to its own rules of use. Speaking skills include language proficiency and communicative skills.

Results

To date, there is a great deal of research on intercultural communication. Many linguists say that such research is based on the following principles:

1. «The system of interconnection changes from one culture to another, in other words, each nation has a unique culture of interaction. When comparing the relationships between people of different languages and cultures, first of all, it is necessary to identify the source of communicative issues, which are different from those of different languages and cultures. These include: exercising words, storing rules, interpersonal relationships, different emotions, emotionally expressed language.

2. These differences in the intercultural dialogue may create discrepancies between two or more nationalities. (Щукин А.Н. 2004.,140). Here are some examples of the above arguments: In some communicative situations, a foreign-speaking populace is used, that is, he uses some language phenomena in his native language to speak in a foreign language. For example:

1. Many people want to congratulate you on New Year in French «*Je vous souhaite bonne année*» – деп айтудың орнына «*Je vous félicite à l'occasion du Nouvel An*» – translate in a direct translation;

2. In French language: «*Vous voulez fermer la porte, s'il vous plaît*» < would you like to close the door?> accurate offer «*Fermez la porte, s'il vous plaît*» < shut the door> ;

3. «*Tu ne vas pas me faire croire ça*» < you can't make me believe> or «*Tu es un menteur*» ‘you are a liar’;

4. «*Tu ne vas pas me raconter toujours la même histoire*» < you will not tell the same story> sentence in the implicit «*Tu m'ennuies, tais-toi*» < you do not bore me shut rock>.

There are cultural differences as well as linguistic peculiarities that cause disagreements among different cultures. For example, the rules of ethics that you follow during your acquaintance vary in different nationalities. After a first Korean meeting, he told about the French scientific leader:

«My French Guardian was very cool. Ten times did not come from my family, but I was there, and I was there. Ten of them told me that I was just a building manager, and that was right. He was a Frenchman, a Frenchman who went to Korea for one year, saying, «When a Korean man becomes known to an intruder, he or she spends his time in the world, in a situational environment or in children. Strongly watch the Europeans» (Sadokhin A.P., 2004:271) In the first example, the French scientific supervisor will refrain from asking questions related to the privacy of his interlocutor while respecting the rules of the French, because such questions are considered to be inappropriate for him. In the second example, a Korean foreigner is not prone to asking for age or family status, as these issues are not only improper for Korean but also unnecessary. At the same time, these issues can be a strategy for approaching people for the Korean people. He explains the lack of knowledge about the social and cultural features of the interlocutor, the French and Korean speech, based on the cultural specifics of their nationality and the rules of conversation. It was judged that the actions of another person were evaluated negatively, very

coolly in the speech situation, and seemed to be as negative as a real investigation.

It can be said that morals are universal only at the level of one community. Ethics is reflected in different ways in every society. In addition to being able to speak the language, it can be seen that not knowing the customs and traditions of the native language speaks unhealthy. At the same time, such an incompatibility may be surprising or unintelligible by the actions of a foreigner, a foreigner, or maybe second foreigner may be surprised and misunderstood by some of the first foreigner's actions. This is followed by an unpleasant assessment of the action. As we all know, the Kazakhs say «tfu-tfu» with the intention of avoiding language, especially if a little boy does not praise him, because he believes the language, the power of speech. In French, asking for a passport asking the passengers «Where are you going?

In the 1970s, most researchers paid special attention to the teaching foreign languages in the communicative field, that is the goal is to build the ability to communicate with the language representative in the language they are learning, not in the native language.

The first American scientist N.Chomsky (N.Chomsky.,1965:150) has started to define the definition of «language ability» and «language activity».

N. Chomsky referring to W.Humbold's work, defined the problem [from the Latin word «competence» – means to be capable of certain things] of generative grammar as the ability to perform specific language activities in the native language.

N. Chomsky defines the qualification as a skill of grammar: on the basis of which the representative of the language will be the cause for creating grammatically correct sentences and at the same time discusses whether or not some words are spoken or not. It is important to note that grammatical knowledge is needed to create a word. However, words are not excluded, and his argument is one of the leading positions in A.R. Luria's vision: «Language skills [language proficiency] and language «use» [language activity] are not immediately emerged and are not two independent phenomena».

The concept of self-expression and the introduction of the concept of a linguistic person (J.N. Karaulov., 2005:157) of managing «a certain set of knowledge and expression», is the concept of qualification that has been defined as a complex of extralinguistic and linguistic knowledge combined with a specific system of knowledge acquired in the language of the linguist and acquired in the learning

process, also it is the main source of the accumulated consciousness.

Accordingly, Shchukin A.N. in his work «Teaching Foreign Language: Theory and Practice» provides the following information about communicative qualifications: «communicative qualification – the ability to use word-acting in accordance with the goals and situations of communicative communication with the help of language learning tools». Thus, the communicative qualification is the knowledge of the individual in the process of learning a foreign language, the ability of the individual to master all the types of speech used by the individual to understand the information in order to provide the necessary content of the information during the creation of the word. Communicative skills are based on a set of skills and other types of qualifications that allow them to participate in communicative competencies.

Detailed description of communicative qualifications was given by L.F. Bakhman. The author here includes language (linguistic), discursive, pragmatic (practical), sociolinguistic, strategic and thought skills.

Let's talk about the components of communicative qualifications individually:

1. Linguistic qualification is the ability to master the knowledge of the language system, to know the rules of the functioning of the language units, and to understand other people's ideas through the language system and to communicate their thoughts, communicative intentions in oral and written form.

2. The next component of communicative qualifications is socio-cultural competence. According to predators, this kind of qualification is to know the national cultural peculiarities of the social and speeches of the representatives of the language spoken by the language learners and to know the traditions, customs, social stereotypes, centuries-old history and cultures of the learned people, the use of this knowledge as well as in the process of communication.

Formation of this qualification in foreign languages classes is carried out in the context of a dialogue of cultures taking into account the social and cultural peculiarities of acceptance of the world and promotes the formation of the «second linguistic identity».

3. Speech qualification is the ability to formulate thoughts and formulate the language through which language can be used to organize and implement words, communicative intentions, as well as the ability to understand and convey ideas by other people using these methods. In addition, speech

qualification may also include the ability to use the language in speech.

Some researchers call this type of qualification «social linguistic qualification». Calling speech qualification as a social linguistic qualification, he tries to demonstrate the ability of the speaker to select the necessary linguistic forms and approaches in terms of speech, in particular speaking circumstances, communicative goals and intentions.

4. Discourse qualification means the ability to use a specific language for a linguist to create and interpret texts. As many methodologists say, communicative-oriented learning is focused on content rather than on formalities. That's why it is of interest to communicate content that includes what is called «what to say» and «how to say», called discourse. Discourse is a single linked text that is higher than a phrase. The difference between the discourse and the text: the text represents an abstract-formal structure, and the discourse is the text that arises during communication. Thus, discourse is a word creation with extralinguistic dimensions that reflects the linguistic features of the relationship and the characteristics of relationships. According to this discourse definition, discourse qualifications can be defined as the ability to discriminate in the context of communication, as well as the peculiarities of the various discourses.

5. The fifth component of communicative qualifications – strategic qualification. L.F. Bakhman considers the strategic qualifications in his research as a complete element of communicative language ability. According to L.F. Bakhman, strategic qualification is the ability of the individual to use all the elements of linguistic competence in the process of information exchange.

According to A.N. Shukina, strategic qualification is the ability to fill the defects in language education, speech and social practices in foreign environments. For example, the understanding of learners the meaning of words that are not familiar to them based on the context, the subject, the situation, or the familiar elements in the word structure.

Strategic qualification is a part of communicative qualification, a cognitive mechanism that links communication between extra linguistic and linguistic competencies, by choosing language behavior strategies the individual's language and basic knowledge of the situation are realized.

6. Social qualification is reflected in the intention and ability to communicate with other people and the ability to communicate in the business and in the communicative sense of the speaker. This type of qualification is called pragmatic qualification. Through this name, scientists emphasize the

ability to choose the most effective way of expressing their opinions in relation to the conditions of the communicative act of the learner and the purpose.

– The greatest difference between the wishes in the Kazakh and French languages is that in the Kazakh language is not only a desire to do good to the addressee, but also to thank, express gratitude and appreciate the work. For example, when the elderly man helps, the older man says to him: *Become a Big Man! Be happy!* etc. wishes. In the study of the conditions used to make a positive assessment of the wishes in French, we did not find any of literary works and scientific works known to us.

– In French, the expression of the child's appearance is not limited to any of the conventions; the strangers in the Kazakh language do not give much praise to the child, and there is a concept like an eye-catcher, so in the Kazakh nation, a small child is praised as a bad boy and a bad girl.

– Although verb marks are the main means of communication between people, they are not enough to convey a person's different emotions and feelings. Different emotions and moods of a person who can not display language signs are given by means of inertial signs. E.I. Rogov noted in his work *Psychology of Communication* (E.I. Rogov., 2001:47) that the speaker can provide 40% of information through language. Other information is transmitted by the paralinguistic signs. That's why the effectiveness of communication for the communicants depends on their ability to comprehend words and other elements of verbal communication, and it depends on the ability to understand the information provided by means of non-existent signals, such as gestures, physical movements, and voice rhythms.

– Similarity in inappropriate signs of positive estimation: Both Kazakhs and French are also grateful for the human activity, and in a positive assessment, palalinguistic features such as applause, cheers, backbones, and parenting are used. One thing to note is that some inexperienced symptoms may indicate a negative estimate, along with a positive assessment of the situation. For example: «...*To the interpretation of the wish, people were laughing and applauding. Once again, the speaker's paper began to shatter, and the applause of the public was restored and did not give a start. It was a sign that the greatest number of people were nailed to them – «Wish, hell, now come from the roof».*

– Depending on non-existent marks of negative assessments, they are often associated with «eyes», «eyebrows», or «eyelid». In Kazakh: *eye shooting, bad look, eye-catching*, etc. in French: *regarder du mauvais oeil, regarder de travers, faire de gros*

yeux, froncer les sourcils, lancer un regard sévère sans rien dire – the meaning of the verbal abuse is dissatisfaction, dislikes, dissatisfaction, and negative assessment.

– Neutral marks, which are positive and negative in both languages, can be grouped into three groups depending on their differences:

– Non-verbal signs that exist in both languages, but give different meanings: In Kazakhs the use of non-verbal sign «click the throat with fingers», in French, this sign means «sneeze».

– Non-existent marks that are used by representatives of one culture, but have no other meaning in the second language: In the French, to do as the wool is pulling in his palm means «lazy,» and fracture of the right fist of the left arm muscle means a «boastful person». And in the Kazakh language these paralinguistic signs are not used.

– One positive or negative price is provided in two languages using two different notation signs: In French, hitting the eyes with second finger means «you are telling a lie, or it is a lie, he is a liar», in Kazakh to express this meaning there is used the sign «hit an ear with finger».

Today, in the era of globalization, in the field of communication in different national traditions and cultures of each nation there are different representatives of cultural societies for exploring the characteristics of living together soul by soul, language, culture, society, combined with the mentality and research. Certain people, nations behavior, properties, characteristics and events, objects and phenomena, people's opinions, stereotypes and concepts that are intercultural communication about the current situation, consider the role of scientific works of many scientists.

According by Maslova , who study a foreign language in intercultural communication not only during lexical and grammatical difficulties, the interference involves pragmatic issues. Pragmatic possibilities of linguistic interference in different languages according to one of its forms in accordance with the norms of the native language of an alien, a reason arises. In other words, in their native language, that owns the pragmatic interference of communication in a foreign language, speaking on the actions and application of skills. Verbal errors and acting beverbald, non-compliance with the norms adopted in society, among representatives of any culture can cause two or more pragmatic bewilderment (Maslova V.A., 2001:208)

Intercultural communication culturally communicative qualifications directly affect the implementation of the cultural components created by the

nation. Based on the situation, each representative of his nation, the national culture of certain communicative actions. For example, therefore, the organization of the situation: public transport-ticket. Conduct stereotypes: next to a passenger in public transport: «What is it all ?! Signature add-ons ?!», what to say. A phenomenon in culture, and in a certain situation there may be two or a meeting, but in general they are similar, they are distinguished by characteristic shades of the national i n i i.. So, for example, French and Kazakh there is a difference in the waiting list of occupational safety. According to the rules of politeness in the «end of the Who's turn?» That took place, then in France, other European countries, by mail, at the points of issue of the document, tax authorities, including special items indicated in the receipt, there is a queue number, number Receipts, acceptance numbers.

Another example: the French come to visit the owner of the house to have a phone for thanks the next day after the departure (in case the owner of the house has close family relations) or writes a letter. This shows that a well-bred person. The next day to the hotel, we will give an example of the letters, addressed to: «Chère Isabelle, Nous avons été comblés. Martel et Vos amis sont sympathiques très vous avez l'art de créer une atmosphère. Merci Encore et à bientôt »<Isabel Dear ones, we are very grateful. You and your friends Martel convenience for guests is very delicate, to wait you know that> ou «grâce à vous Nous avons passé une soirée limit an intensive anti-aging agent. Cuisine Et quelle! »<We had a very good evening, your party. The dishes were very tasty. Any behavior characteristic of a nation for centuries, certain stereotypes are reflected in linguistic forms. Communication in the course of different nationalities, which contributes to the identification of linguistic forms, advocating the use or non-use or ethnic groups.

As a rule, in communicative situations, ready-to-use language tools, i.e., clichés can be found in any language. «Cliché – speech formulas used in certain situations, the word is always ready» (PorcherL.,1995:105)

According to many experts in various cultural languages in communication between representatives of linguistic factors not related to in the case, the pragmatic, which is one of the components of unsuccessful qualifications, has cultural characteristics. Qualifying linguo – cultural in society, a certain «lyptasian» pragmatic relations are formed during the assimilation of norms and traditions (Bakitov A., Jumanova R.,2016:324) Language mark, speaking at the level of language and pragmatic situation,

fully reflecting the connection between the behavior (offense) stereotypes – communication, reflects the traditional forms.

Conclusion

At the end of this chapter, the similarities and differences in the componential structure of the three models of communicative competence. The uncertainties of the assessment are widely used in the French language, as the Kazakh people are convinced by the power of word, their emotions, feelings and thoughts are often expressed by language units. Today, in the era of globalization, in the field of communication in different national traditions and cultures of each nation there are different representatives of cultural societies for exploring the characteristics of living together soul by soul, language, culture, society, combined with the mentality and research. Certain people, nations behavior, properties, characteristics and events, objects and phenomena, people's opinions, stereotypes and concepts that are intercultural

communication about the current situation, consider the role of scientific works of many scientists. According to many experts in various cultural languages in communication between representatives of linguistic factors not related to in the case, the pragmatic, which is one of the components of unsuccessful qualifications, has cultural characteristics

Language is used only as a means of communication for communicative purposes, as it is not only communicative content in the process of communication but also as a result of word-keeping. Language learners in addition to lexicon, grammar learnings, should be taught to communication, thus should develop communication skills and its components. This is very important because it is impossible to develop communication skills without its components. Communication can not be achieved unless the pupil knows the content of the subject of communication, so the speaker does not understand the communicative communication strategy. Communicative skills should be developed together with its components.

References

- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – Москва, 2000. 146 с.
- Goffman Erving. Les rites d'interaction. – Paris, les Editions de Minuit, 2005. 230 p.
- Winkin Yves, La nouvelle communication. – Paris, Seuil, 2001.-p.207.
- Kerbrat-Orecchioni Catherine, Les interactions verbales, tome 1. – Paris, Armand Colin, 1998. 250 p.
- Mauchamp Nelly, Les Français (mentalité et comportements). – Paris, Clé international, 1994. – 95 p.
- Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика, – М.: Филоматис, 2004, 140 с.
- Sadokhin A.P. (2004) Théoria y praktika mezhkulturnoy kommunikatsy. Moscou: Unity – Dana, 271 p. [La théorie et la pratique de la communication interculturelle]
- Маслова В.А. (2001) Лингвокультурология. – М.: Академия. – 208 с.
- Хуторской А.В. (2010) Педагогическая инноватика. – М.: Академия. – с.14
- Kerbrat Orecchioni C. (2008), Les actes de langage dans le discours: Théories et fonctionnement, Paris, Armand Colin, 250 p.
- Bakitov A. (2002) Comparaison des rituels communicatifs entre Suisses et Français, mémoire de diplôme, Université de Fribourg, Suisse, p. 31.
- Denuelle S. (1999) Le savoir-vivre (guide des règles et des usages d'aujourd'hui), Paris, Larousse, p.125.
- Schapira Ch. (1999) Les stéréotypes en français : proverbes et autres formules. – Editions Ophrys, 172 p.
- Fournier Phi Nga (2010) Le Stéréotype dans le lexique, Synergies, Pays riverains du Mékong n 1, pp.85- 99.
- Bakitov A., Jumanova R. (2016) Guide de conversation kazakh-français, français-kazakh. Editions universitaires européennes, 324 p.
- Шуклина Е.А. Вопросы методики социологического исследования самообразования. – 2000. – 117 с.
- Louis Porcher Le français langue étrangère. Emergence et enseignement d'une discipline. Hachette Livre, 1995. –105 p.
- Ferréol G., Jucquois G. (2004) Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles. Paris, Armand Colin, 354 p.
- Lippmann W. (2004), Public opinion /Traduit de l'anglais par T.V.Barshunova, rédacteurs de la traduction: K.A. Levinson, K.B.Petrenko. Moscou: Institut du Fonds «Obshestvennoe mnenie», 384 p.
- Adler A. The Science of Living. – К.: Port – Royal, 1997.
- Maslow A. Motivation and Personality. – New York: Harpaer & Row, 1954.
- Allport G.W. Becoming: basic considerations for the psychology of personality. New Haven: Yale University Press, 1955.
- Fromm, Erich. Man for Himself: An Inquiry Into the Psychology of Ethics ,1947
- Sagitova R. (2014) Students' self-education: learning to learn across the Lifespan. Procedia // Social and Behavioral Sciences , Volume 152, October 2014, pp. 272 – 277.
- Lien O. (2012) Student evaluation of instruction: In the new paradigm of distance education// Research in Higher Education, 53, 471-486.

Driscoll A., Jicha K., Hungt A., Tichavsky L., Thompson G. (2012) Can online courses deliver in-class results? A comparison of student performance and satisfaction in an on-line versus a face-to-face introductory sociology course// *Teaching Sociology*, 40(4), 312-331.

Berk R. (2012) Top 20 strategies to increase the on-line response rates of student rating scales// *International journal of Technology in Teaching and Learning*, 8(2), 98-107.

Artino A. (2010) On-line or face-to-face learning? Exploring the personal factors that predict students' choice of instructional format// *Internet and Higher education*, 13, 272-276.

Lien O. (2012) Student evaluation of instruction// In the new paradigm of distance education. *Research in Higher Education*, 53, 471-486

Driscoll A., Jicha K., Hungt A., Tichavsky L., Thompson G. (2012) Can online courses deliver in-class results? A comparison of student performance and satisfaction in an on-line versus a face-to-face introductory sociology course// *Teaching Sociology*, 40(4), 312-331.

References

S. G. Ter-Minasova *Yazyk y mezhkulturnaya kommunikatsiya*. – Slovo /Moskva2000,- 146 str. [S.G. Ter-Minasova *Language and Intercultural Communication*]// Moscow 2000,-s.146

Goffman Erving. *Les rites d'interaction*. – Paris, les Editions de Minuit, 2005,- p 230.

Winkin Yves, *La nouvelle communication*. – Paris, Seuil, 2001.-p.207.

Kerbrat Orecchioni, Catherina, *De interactiones verbales*, 1. I. – Paris, Armand Colin, 1998. p.250

Mauchamp Nelly, *Les Français (mentalité et comportements)*. – Paris, Clé internationale, 1994. –p.95.

Shchukin A.N. *Obucheniye inostrannym yazykam: Teoriya i praktika*, – M.: Filomatis, 2004, -str. 140 [Foreign Language Teaching: Theory and Practice] //M.: Filomatis, 2004, p. 140

Sadokhin A.P. (2004) *Theoria y praktika mezhkulturnoy kommunikatsy*. Moscow, Unity – Dana, p. 271 [Theory and practice of intercultural communication]// Moscow, Unity – Dana, p. 271

Maslova V.A. (2001) *Lingvokul'turologiya*. Moskva, Akademiya, s.208 [Linguo culturology]// Moscow, Academy, p.208

Khutorskoy A.V. (2010) *Pedagogicheskaya innovatika*.M.: Akademiya, 2010. s.14.[Pedagogical innovation]

Kerbrat – Orecchioni C. (2008), *Les actes de langage dans le discours : Théories et fonctionnement*, Paris, Armand Colin, p. 250.

Bakitov A. (2002) *Comparaison des rituels communicatifs entre Suisses et Français, mémoire de diplôme*, Université de Fribourg, Suisse, p. 31.

Denuelle S. (1999) *Le savoir-vivre (guide des règles et des usages d'aujourd'hui)*, Paris, Larousse, p.125.

Schapira Ch. (1999) *Les stéréotypes en français : proverbes et autres formules*. – Editions Ophrys, p.172.

Fournier Phi Nga (2010) *Le Stéréotype dans le lexique*, Synergies, Pays riverains du Mékong n 1, pp.85- 99.

Bakitov A., Jumanova R. (2016) *Guide de conversation kazakh-français, français-kazakh*, Editions universitaires européennes, p.324.

Shuklina Ye.A. (2000) *Voprosy metodiki sotsiologicheskogo issledovaniya samoobrazovaniya*.- s.117. [Shuklina E.A. (2000) Questions of methodology of sociological research of self-education.]

Louis Porcher *Le français langue étrangère. Emergence et enseignement d'une discipline*. – Hachette Livre, 1995. – p.105

Ferréol G., Jucquois G. (2004) *Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles*. Paris, Armand Colin, p. 354.

Lippmann W. (2004), *Public opinion* /Traduit de l'anglais par T.V.Barshunova, rédacteurs de la traduction: K.A. Levinson, K.B.Petrenko/ Moscou, Institut du Fonds «Obshestvennoe mnenie», p.384.

Adler A. *The Science of Living*. – K.: Port – Royal, 1997.

Maslow A. *Motivation and Personality*. – New York: Harpaer & Row, 1954.

Allport G.W. *Becoming: basic considerations for the psychology of personality*. New Haven: Yale University Press, 1955.

Fromm, Erich. *Man for Himself: An Inquiry Into the Psychology of Ethics* ,1947

Sagitova R. (2014) Students' self-education: learning to learn across the Lifespan. *Procedia – Social and Behavioral Sciences* , Volume 152, October 2014, pages 272 – 277.

Lien O. (2012) Student evaluation of instruction: In the new paradigm of distance education. *Research in Higher Education*, 53, 471-486.

Driscoll A., Jicha K., Hungt A., Tichavsky L., Thompson G. (2012) Can online courses deliver in-class results? A comparison of student performance and satisfaction in an on-line versus a face-to-face introductory sociology course. *Teaching Sociology*, 40(4), 312-331.

Berk R. (2012) Top 20 strategies to increase the on-line response rates of student rating scales. *International journal of Technology in Teaching and Learning*, 8(2), 98-107.

Artino A. (2010) On-line or face-to-face learning? Exploring the personal factors that predict students' choice of instructional format. *Internet and Higher education*, 13, 272-276.

Lien O. (2012) Student evaluation of instruction: In the new paradigm of distance education. *Research in Higher Education*, 53, 471-486

Driscoll A., Jicha K., Hungt A., Tichavsky L., Thompson G. (2012) Can online courses deliver in-class results? A comparison of student performance and satisfaction in an on-line versus a face-to-face introductory sociology course//*Teaching Sociology*, 40(4), 312-331.

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім	Раздел 1
Халықаралық қатынастар және дипломатияның өзекті мәселелері	Актуальные вопросы международных отношений и дипломатии
<i>Jurčík Petr, Gubaidullina M.Sh.</i> Formation of Czech-Slovak Relations during the 25 years after the division of the federation.....	4
<i>Chabal P., Baizakova K., Utegenova A., Alipkyzy R.</i> Potential of Cultural Heritage Sites for Introduction of Global Citizenship Education in Kazakhstan	13
<i>Zhekenov D., Makisheva M., Aznabakiyeva A.</i> A new globalization from the East.....	19
<i>Кожухова М.М., Жанбулатова Р.С., Жиенбаев М.Б.</i> Генезис энергетической политики Европейского Союза	27
2-бөлім	Раздел 2
Қауіпсіздік және халықаралық мәселелер	Вопросы безопасности и международного права
<i>Букенбаев Р., Ахметов Е.</i> К вопросу о перспективах укрепления международной системы защиты прав человека в межамериканском регионе (на примере анализа деятельности Организации американских государств)	36
<i>Зенин И.А., Амангельды А.А.</i> Договоры об интеллектуальных правах по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан.....	44
<i>Ваймагамбетова З.М., Габдулина А.Ж.</i> Disputes in the WTO with participation of the member countries of the Eurasian economic union	56
<i>Татарина Л.Ф.</i> Проблемы определения правовой природы информационного терроризма.....	70
<i>Нурмуханкузы Д., Аванбаев Үе., Бегжан А.</i> The Analysis of WTO mandatory and facultative Agreements: Application of Sanitary and Phytosanitary Measures (SPS) and Government Procurement	76
3-бөлім	Раздел 3
Әлемдік экономиканың өзекті мәселелері	Актуальные вопросы мировой экономики
<i>Melnikova J., Zašcerinska J.</i> Fostering the integration of immigrants and asylum seekers into labour market in Baltic countries: opportunities of digital entrepreneurship.....	90
<i>Балгабаева З.Б., Еримпаиева А.Т.</i> Национальная идентичность казахстанских брендов в условиях глобализации.....	97
<i>Бектукхаметова А.В., Zhong Chunmei.</i> Economic Belt of the Silk Way: opportunities and prospects for Kazakhstan	106
4-бөлім	Раздел 4
Мәдениет және білім мәселелері	Вопросы культуры и образования
<i>Мустафаева Т.</i> Проблема культурного наследия в процессе глобализации	116
<i>Smagulova A., Bakitov A., Matkerimova R.</i> The concept of communicative qualifications and its basic components	123

CONTENTS

Section 1 Actual issues of international relations and diplomacy

<i>Jurčík Petr, Gubaidullina M.Sh.</i> Formation of Czech-Slovak Relations during the 25 years after the division of the federation.....	4
<i>Chabal P., Baizakova K., Utegenova A., Alipkyzy R.</i> Potential of Cultural Heritage Sites for Introduction of Global Citizenship Education in Kazakhstan	13
<i>Zhekenov D., Makisheva M., Aznabakiyeva A.</i> A new globalization from the East.....	19
<i>Kozhukhova M., Zhanbulatova R.2, Zhiyenbayev M.3</i> Genesis of the European Union energy policy.....	27

Section 2 Issues of security and international law

<i>Bukenbayev R., Akhmetov Y.</i> On the issue of prospects for strengthening the international system for the protection of human rights in the inter-American region (on the example of the analysis of the activities of the Organization of American States).....	36
<i>Zenin I.A., Amangeldy A.A.</i> Contracts intellectual property rights according to the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan	44
<i>Baimagambetova Z.M., Gabdulina A.Zh.</i> Disputes in the WTO with participation of the member countries of the Eurasian economic union	56
<i>Tatarinova L.F.</i> Problems of determining the legal nature of information terrorism	70
<i>Nurmukhankyzy D., Ayanbayev Ye., Begzhan A.</i> The Analysis of WTO mandatory and facultative Agreements: Application of Sanitary and Phytosanitary Measures (SPS) and Government Procurement	76

Section 3 Actual issues of world economy

<i>Melnikova J., Zaščerinska J.</i> Fostering the integration of immigrants and asylum seekers into labour market in Baltic countries: opportunities of digital entrepreneurship.....	90
<i>Balgabayeva Z.B., Yerimpasheva A.T.</i> Kazakhstan brands National identity in the context of globalization	97
<i>Bekmukhametova A.B., Zhong Chunmei.</i> Economic Belt of the Silk Way: opportunities and prospects for Kazakhstan	106

Section 4 Cultural and educational issues

<i>Mustafayeva T.</i> The process of globalization and cultural heritage issues.....	116
<i>Smagulova A., Bakitov A., Matkerimova R.</i> The concept of communicative qualifications and its basic components	123